ГАСТОН ЛЕРУ

Призрак Оперы

СЕВЕРО-ЗАПАД

Тайна Желтой комнаты
Гастон Леру

Аннотация
Гастон Леру. Тайна Желтой комнаты
I. ГЛАВА, в которой происходит необъяснимое
II. ГЛАВА, в которой впервые появляется Жозеф Рультабиль
III. Этот человек прошел сквозь ставни, как тень
IV. На лоне природы
V. ГЛАВА, в которой Жозеф Рультабиль обращается к Роберу Дарзаку с фразой, производящей должный эффект
VI. Под сенью дубовой рощи
VII. ГЛАВА, в которой Рультабиль отправляется под кровать
VIII. Судебный следователь допрашивает мадемуазель Станжерсон
IX. Репортер и полицейский
X. «...Теперь придется есть говядину...»
XI. ГЛАВА, в которой Фредерик Ларсан объясняет, как убийца мог выйти из Желтой комнаты
XII. Трость Фредерика Ларсана
XIII. «Дом не потерял своего очарования. А сад — своего блеска»

XIV. «Я ожидаю убийцу сегодня вечером»
XV. Западня
XVI. Странное исчезновение материи
XVII. Необъяснимая галерея
XVIII. Рультабиль проводит круг между двумя шишками своего лба
XIX. ГЛАВА, в которой Рультабиль угощает меня завтраком в трактире «Башня»
XX. Поступок мадемуазель Станжерсон
XXI. В засаде
XXII. Невероятный покойник
XXIII. Двойной след
XXIV. Рультабиль знает оба воплощения убийцы
XXV. Рультабиль отправляется путешествовать
XXVI. ГЛАВА, в которой все с нетерпением ожидают Жозефа Рультабиля
XXVII. ГЛАВА, в которой Жозеф Рультабиль появляется во всем своем блеске
XXVIII. ГЛАВА, в которой доказывается, что всего не предусмотришь
XXIX. Тайна мадемуазель Станжерсон

Аннотация

Знаменитый французский писатель Гастон Леру — классик детективного и мистического романа, один из интереснейших и оригинальных авторов, работающих в этом жанре.

Его книги всегда отличаются блестяще выстроенным сюжетом, непрерывающейся психологической напряженностью, неожиданными концовками. Строгая логика соседствует в романах Леру с таинственностью и мистицизмом, реализм повествования — с романтичностью образов.

В сборник вошли два наиболее популярных детектива, составляющие дилогию, и знаменитый роман «Призрак Оперы», сюжет которого лег в основу одноименной оперы Уэббера и нашумевшего триллера.

Гастон Леру
Тайна Желтой комнаты

I. *ГЛАВА, в которой происходит необъяснимое*

Увы! Кто теперь помнит Желтую комнату!

А ведь всего несколько лет назад море чернил было пролито репортерами всего мира на этом деле.

Впрочем, в Париже все забывается быстро. Я уж и не чаял рассказать когда-нибудь правду о той роли, которую сыграл во всей этой истории мой друг Жозеф Рультабиль, о жестоких и таинственных драмах, которые ему пришлось распутывать. Да он и сам этому отчаянно сопротивлялся.

Но вот недавно профессор Станжерсон был награжден орденом Почетного Легиона. По этому поводу одна вечерняя газетенка в статье столь же коварной, сколь и невежественной воскресила те трагические события, которые мой друг навсегда собирался предать забвению.

На суде присяжных Рультабиль не сказал всей правды. Он сообщил только то, что было необходимо для «объяснения необъяснимого» и оправдания невиновного.

Теперь же причины для молчания отпали.

Итак, без дальнейших предисловий, вот что узнала Франция на следующий день после драмы в замке Гландье.

25 октября 1892 года вечерняя «Тан» опубликовала краткое сообщение:

> «Ужасное преступление в замке Гландье.
>
> Этой ночью, в то время как профессор Станжерсон работал в своей лаборатории, было совершено покушение на жизнь его дочери, которая спала у себя в комнате по соседству. Врачи не отвечают за ее жизнь».

Трудно описать волнение, охватившее Париж. В то время весь научный мир следил за работами профессора и его дочери. Их открытия произвели революцию в рентгенологии и впоследствии привели супругов Кюри к открытию радия.

Утренние газеты уже были полны заметок, на все лады обсуждавших эту драму.

Вот, например, что сообщала «Матэн» в статье «Преступление или..?»:

«…Отчаяние профессора Станжерсона и невозможность узнать что-либо из уст самой жертвы крайне затрудняют расследование. Вот един-

ственные подробности:

Матильда Станжерсон найдена умирающей на полу своей спальни. Некий дядюшка Жак, старый и верный слуга семьи Станжерсон, со слов которого мы и ведем этот репортаж, оказался в Желтой комнате одновременно с профессором и еще двумя слугами.

Эта комната, служившая спальней дочери профессора, и их совместная лаборатория находятся в павильоне, в глубине парка, примерно в тридцати метрах от основного здания.

В половине первого ночи профессор Станжерсон и старина Жак находились еще в лаборатории.

Вот что рассказал нам старый слуга о событиях той ночи:

«В полночь Матильда попрощалась с отцом, пожелала мне доброй ночи и ушла к себе. Мы слышали, как она повернула ключ в двери и заперлась на задвижку.

Помню, я еще пошутил: «Барышня запирается на все замки, вероятно, побаивается нашу Божью благодать».

Громкое мяуканье за окном было мне ответом.

«Неужели и сегодня ночью эта бродячая кошка в парке не даст нам выспаться по-человечески?»

— думал я.

До конца октября я тоже живу в павильоне и сплю на чердаке над Желтой комнатой, чтобы барышня не оставалась всю ночь одна в глубине парка. Уже четыре года, с тех пор как построили этот павильон, мы переселяемся в него весной, а на зиму возвращаемся в замок, так как в Желтой комнате нет камина.

Профессор и я продолжали молча работать. Вероятно, поэтому преступник и решил, что мы ушли.

Часы пробили половину первого, и почти сразу же отчаянный крик раздался из Желтой комнаты.

«Убийца, убийца, на помощь!» — кричала барышня.

В спальне загремели револьверные выстрелы, затем загрохотала опрокидываемая мебель.

«На помощь! — продолжала звать барышня. — Отец! Отец!»

Мы оба вскочили и бросились к двери. Но она была надежно заперта самой барышней изнутри на замок и на задвижку!

Мы яростно трясли дверь и колотили в нее что было сил, но она не поддавалась.

«Убийца забрался через окно!» — закричал я и

выбежал из павильона.

Окно Желтой комнаты выходит в поле. Я побежал вдоль ограды, окружающей парк, а мне навстречу бегут Бернье — садовник и его жена, наша консьержка. Они услышали выстрелы и наши крики.

Я послал Бернье к профессору, а его жена и я бросились к окну спальни.

Увы, при ярком свете луны мы увидели не только целехонькую решетку окна, но и закрытые за решеткой изнутри ставни. Я сам закрывал их вечером и, поверьте, на совесть задвинул задвижку.

Убийца влезть здесь не мог и не мог убежать через окно.

Барышня уже перестала звать на помощь, а профессор в глубине павильона все еще продолжал наносить отчаянные удары, пытаясь выломать дверь.

Мы бросились назад и подоспели как раз в ту минуту, когда дверь наконец поддалась усилиям профессора и Бернье. Консьержка держала лампу, и мы все вчетвером ввалились в комнату.

И что же мы увидели?

Барышня в ночном пеньюаре лежала на полу посреди ужасающего беспорядка. На шее у нее

была страшная царапина, на виске — кровоточащая рана.

И никого больше! Клянусь вам.

Комната крохотная. Лампа, которую держала госпожа Бернье, яркая, и мы все сразу увидели — никого.

Профессор с криком отчаяния бросился к дочери, пытаясь привести ее в чувство.

Но, хотя сам преступник и отсутствовал, зато следов его в комнате было предостаточно. Окровавленные отпечатки мужской руки на стенах и двери, большой носовой платок, красный от крови, старый берет и свежие следы на полу. Человек, оставивший эти следы, имел большие ступни.

Но как он попал сюда? И самое главное — как ушел?

В дверях нас четверо, окно прочно закрыто изнутри и… никого, кроме истекающей кровью барышни.

Тогда, не скрою, я подумал о дьяволе.

Но в этот момент мы обнаружили на полу… мой револьвер!

Да, мой собственный револьвер. Это вернуло меня к действительности. Не станет же дьявол его красть, чтобы убить барышню. Человек, который

здесь побывал, сперва поднялся на чердак, взял из ящика мой револьвер и употребил его в своих низких намерениях. В барабане отсутствовало два заряда.

Мне еще повезло, что профессор Станжерсон находился в лаборатории, когда все это случилось. Он собственными глазами видел, что я сижу рядом с ним. Иначе… уж и не знаю, как обстояли бы дела в этой истории. Я бы уже сидел за решеткой, а правосудию немного надо, чтобы отправить человека на эшафот».

Репортер сопровождал это интервью следующими строками:

«Мы предоставили дядюшке Жаку возможность рассказать нам все, что он знает о преступлении в Желтой комнате. Мы привели даже выражения, которые он употребил. Читатели избавлены только от его бесконечных сетований и причитаний. Все ясно, старина Жак. Вы очень любите своих хозяев и хотите, чтобы все об этом знали… особенно после того, как был обнаружен револьвер. Вы не перестаете это повторять, и здесь нет ничего предосудительного.

Мы хотели задать дядюшке Жаку — Жаку Людовику Мустье еще несколько вопросов, но его позвал судебный следователь, который ведет

дознание в большой гостиной замка.

Нам не удалось ни проникнуть в Гландье, ни повидать привратников Бернье, а дубовую рощу охраняют несколько полицейских, усердно занятых поисками следов убийцы.

На постоялом дворе недалеко от ограды замка нам удалось повидать господина Марке, судебного следователя из Корбейля и даже обратиться к нему с вопросом, когда он и его секретарь усаживались в экипаж.

— Не можете ли вы, господин Марке, сообщить нам некоторые подробности этого дела, без ущерба для вашего следствия, разумеется?

— Нам нечего сказать, — отвечал следователь, — во всяком случае, это самое странное дело на моей памяти. Чем больше мы думаем, что знаем что-нибудь, тем больше убеждаемся, что ничего не знаем.

Мы попросили господина Марке объясниться.

— Если ничего существенного не прибавится к фактам, установленным следствием, — сказал он, — то я весьма опасаюсь, что тайна, которая окружает ужасное покушение на мадемуазель Станжерсон, прояснится не скоро.

Но, надо надеяться, что исследование стен, потолка и пола Желтой комнаты, которым я

займусь завтра же с архитектором, построившим павильон, дадут необходимые доказательства. Никогда не следует отчаиваться в логике вещей. Ибо проблема заключается в следующем: мы знаем, как убийца проник в комнату — он вошел в дверь и спрятался под кроватью в ожидании хозяйки, но каким образом он потом скрылся? Если мы не найдем ни люка, ни секретной двери, ни какого-либо другого отверстия, если испытания стен и даже их разрушение — ибо я не остановлюсь и перед разрушением павильона — не откроют нам какого-нибудь пути не только для человека, но и для любого существа, если потолок не имеет отверстия, а под полом нет подземелья, тогда придется поверить в дьявола, как сказал дядюшка Жак».

Анонимный журналист утверждал, что фразу о дьяволе судебный следователь произнес с особым удовольствием. Статья завершалась описанием воплей Божьей благодати.

«Как объяснил хозяин трактира «Башня», так именуют чрезвычайно мрачные звуки, которые иногда испускает по ночам кошка одной старой женщины, матушки Ажену, как ее здесь называют.

Матушка Ажену, нечто вроде святой, живет

в глубине леса, в хижине, неподалеку от грота Святой Женевьевы.

Желтая комната, Божья благодать, матушка Ажену, дьявол, Святая Женевьева, дядюшка Жак — вот уж действительно запутанная история, которую завтра сможет объяснить один единственный удар кирки о стену.

Будем надеяться, по крайней мере во имя человеческого разума, как говорит судебный следователь. Однако пока что мадемуазель Станжерсон может не пережить ночи. Она не перестает бредить и внятно произносит только одно слово: «Убийца!»

Наконец, в последнем выпуске эта же газета сообщила, что начальник сыскной полиции телеграфировал знаменитому инспектору Фредерику Ларсану, посланному в Лондон по делу о похищении ценных бумаг, и предложил ему немедленно вернуться в Париж.

II. *ГЛАВА, в которой впервые появляется Жозеф Рультабиль*

Что ж, пожалуй пришло время представить вам моего друга. Я знал Жозефа Рультабиля, когда он был еще никому не известным журналистом. Сам я только начинал выступать в адвокатуре и частенько встречал его в коридорах суда, когда он добивался пропуска в тюрьму Маза или Сен-Лазар.

У него было славное открытое лицо и голова, круглая как пушечное ядро, вероятно, по этой причине товарищи по газете и дали ему прозвище Рультабиль, которому впоследствии суждено было стать знаменитым.

Только и слышалось: «Рультабиль, Рультабиль», «Ты уже видел Рультабиля?», «А вот и Рультабиль!»

Он краснел, как помидор. Иногда был веселым, чаще серьезным. Каким образом, будучи всего шестнадцати с половиной лет от роду, он уже зарабатывал на жизнь в такой солидной газете? Вот что интересовало всех, кто знакомился с Рультабилем, не зная о его дебюте.

Именно он принес редактору газеты «Эпок» левую ступню, которой не хватало в корзине, где были найдены останки расчлененной на улице Океркамиф женщины. Еще одно забытое дело.

Полиция тщетно искала эту ступню в течение недели, а молодой человек нашел ее в сточной трубе, куда никто и не удосужился заглянуть. Для этого ему пришлось устроиться чернорабочим, которых набирал для очистки труб Парижский муниципалитет ввиду повреждений, причиненных разливом Сены.

Когда редактор газеты получил драгоценную ступню и понял, в результате каких размышлений и выводов Рультабиль ее нашел, он был восхищен этим шестнадцатилетним ребенком и радостно предвкушал, как газета выставит в своей витрине ужасов «левую ступню с улицы Оберкамиф».

Затем главный редактор спросил Рультабиля, сколько он хотел бы зарабатывать в качестве репортера.

— Двести франков в месяц, — скромно ответил молодой человек, чрезвычайно удивленный этим предложением.

— Вы получите двести пятьдесят, — ответил редактор, — но заявите всем, что уже месяц ра-

ботаете у нас. Пусть все знают, что это не вы нашли злополучную ступню, а «Эпок». Здесь, мой друг, отдельный человек ничто, а газета все. Как ваше имя?

— Жозеф Жозефэн, — ответил молодой человек.

— Это не имя, — сказал редактор, — впрочем, подписываться вам все равно не придется.

Вскоре безбородый репортер приобрел много друзей. Он был добродушен, услужлив и всегда в хорошем настроении, что восхищало ворчунов и обезоруживало завистников. В Кафе адвокатов, где собирались и репортеры, прежде чем отправиться в суд или в префектуру на поиски очередной сенсации, он завоевал репутацию смышленого малого, который может пройти всюду, даже к начальнику сыскной полиции. Когда дело этого стоило, расследование поручали Рультабилю, и ему часто случалось брать верх над самыми заслуженными инспекторами полиции.

Мы познакомились в Кафе адвокатов. Адвокаты, криминалисты и журналисты всегда были друзьями: одним нужна реклама, а другим — сведения. Мы разговорились, и я почувствовал глубокую симпатию к этому храбрецу. Он был чрезвычайно одарен, и я ни у кого не встречал

такого оригинального склада ума, как у него.

Незадолго до описываемых событий мне предложили давать судебную хронику в одной вечерней газете, что только усилило нашу дружбу. Рультабиль начал вести юридический отдел в «Эпок», и я часто снабжал его сведениями по юриспруденции, которых ему по молодости явно недоставало.

Прошло около двух лет, и чем больше я его узнавал, тем сильнее любил, обнаружив под оживленной внешностью несвойственную юному возрасту серьезность. Однажды, когда я спросил его о родителях, он встал и ушел, сделав вид, что не расслышал вопроса.

В это-то время и разразилось знаменитое дело Желтой комнаты, которое сделало его не только первым из репортеров, но и лучшим сыщиком в мире.

Никогда не забуду, как утром 26 октября 1892 года Рультабиль появился в моей квартире. Я еще лежал в постели.

— Ну что, Сэнклер, читали? — закричал он мне прямо с порога.

— Преступление в Гландье?

— Да, Желтая комната! Что вы об этом думаете?

— Черт подери, я думаю, что преступление совершено дьяволом или Божьей благодатью.

— Будьте же серьезней!

— Что же, тогда я скажу, что не слишком-то верю в убийц, проникающих сквозь стены. Дядюшка Жак напрасно оставил после себя орудие преступления. Так как он живет над комнатой мадемуазель Станжерсон, то архитектурные исследования судебного следователя, вероятно, дадут ключ к разгадке. Мы узнаем, через какой люк или другую секретную дверь этот «добряк» мог проскользнуть, чтобы мгновенно вернуться в лабораторию к ничего не заметившему профессору. Ну что вам сказать? Это гипотеза.

Рультабиль сел в кресло, закурил трубку, с которой никогда не расставался, и несколько мгновений молча курил, чтобы подавить овладевшую им лихорадку.

Затем с иронией, которую я, право же, затрудняюсь передать, он произнес:

— Молодой человек! Вы адвокат, и я не сомневаюсь в вашем таланте оправдывать виновных, но если вы когда-нибудь станете судьей… О! С какой, легкостью вы станете осуждать невиновных. Никто не найдет никакого люка, и тайна Желтой комнаты будет еще более необъяснимой,

вот почему я этим и заинтересовался. Судебный следователь прав в одном — никто и никогда не встречался с более странным делом.

— И как же, по-вашему, скрылся преступник? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Рультабиль, — пока не знаю, но идея по поводу револьвера уже есть. Преступник не пользовался револьвером.

— Кто же им пользовался?

— Мадемуазель Станжерсон.

— Не понимаю, — сказал я, — ничего не понимаю.

Рультабиль пожал плечами.

— Вас ничто не поразило в статье «Матэн»?

— Пожалуй, нет. Просто все это очень странно.

— А дверь, закрытая на ключ?

— Что же, это единственная реальная вещь во всей истории.

— Пожалуй. А задвижка?

— Задвижка?

— Задвижка, запертая изнутри! Странные предосторожности предпринимает мадемуазель Станжерсон в собственном доме. Значит, кого-то опасалась и, не желая никого волновать, приняла свои меры предосторожности. Даже взяла у дядюшки Жака револьвер, не сказав ему об этом.

Особенно она не хотела пугать отца. И то, чего мадемуазель Станжерсон опасалась, — произошло. Она защищалась и боролась и даже весьма ловко использовала револьвер, ранив убийцу в руку. Этим объясняется кровавый отпечаток большой ладони на стене и на двери — следы человека, который ощупью ищет выход. Но она выстрелила недостаточно быстро и получила ужасный удар в правый висок.

— Разве мадемуазель Станжерсон ранена в висок не из револьвера?

— В газете об этом ни слова. Мне же кажется более логичным, что пистолетом воспользовалась именно она.

Ну, а чем орудовал преступник? Удар в висок показывает, что мадемуазель Станжерсон намеревались убить после неудачной попытки задушить ее. Вероятно, нападавший знал, что на чердаке ночует дядюшка Жак, и поэтому решил воспользоваться холодным оружием — дубинкой или, может быть, молотком…

— Все это, однако, не объясняет, — ответил я, — каким образом он вышел из Желтой комнаты.

— Бесспорно, — подтвердил Рультабиль, вставая, — и так как это необходимо выяснить — я еду в замок Гландье, и вместе с вами вдобавок.

— Со мной?

— Да, дорогой друг. Именно с вами. Я нуждаюсь в вас. «Эпок» поручил мне это дело, и его необходимо как можно скорее распутать.

— Но чем я-то могу быть вам полезен?

— Робер Дарзак находится в замке Гландье.

— Это верно. Горе его должно быть безгранично.

— Мне надо с ним поговорить. — Рультабиль произнес эти слова удивившим меня тоном.

— Вы полагаете найти с этой стороны что-нибудь интересное? — спросил я.

Но мой друг не желал далее объясняться. Он вышел в гостиную, попросив меня одеться да поскорее.

Я познакомился с Робером Дарзаком, оказав ему значительную юридическую услугу в одном процессе, когда стажировался у адвоката Барбье Делатура. Сорокалетний профессор физики в Сорбонне Робер Дарзак был близко связан с семьей Станжерсонов, так как после семи лет усердного ухаживания он должен был наконец жениться на мадемуазель Станжерсон, которая, несмотря на свои тридцать пять лет, была еще удивительно хороша.

Одеваясь, я крикнул Рультабилю, нервничав-

шему от нетерпения в моей гостиной:

— А что вы думаете о самом убийце?

— Полагаю, — ответил он, — что это должен быть светский человек или, по крайней мере, человек из общества. Впрочем, это только предположение.

— Но почему?

— А засаленный берет, а простой платок и следы грубой обуви на полу…

— Понимаю. Такое количество улик оставляют только для того, чтобы сбить с толку.

— Вы делаете успехи, мой дорогой Сэнклер, — подытожил Рультабиль.

III. *Этот человек прошел сквозь ставни, как тень*

Через полчаса Рультабиль и я были уже на перроне Орлеанского вокзала, ожидая отхода поезда, который должен был доставить нас в Эпиней-сюр-Орж.

Мы удостоились чести наблюдать торжественное прибытие прокуратуры Корбейля в лице господина Марке и его секретаря. Эти достойные господа провели минувшую ночь в Париже, дабы присутствовать в одном из театров на генеральной репетиции пьесы, анонимным автором которой почтеннейший судебный следователь и являлся.

Господин Марке был красивым стариком. Вежливый и галантный, он всю жизнь питал страсть к драматическому искусству. Делая карьеру судебного чиновника, он в действительности интересовался делами только как материалом для своих произведений. Располагая связями, он мог бы рассчитывать и на более высокое положение в судебном мире, но работал лишь для того, чтобы достичь успеха на подмостках Порт-Сен-Мартен

или Одеона.

Необъяснимое дело Желтой комнаты должно было чрезвычайно прельстить этот благородный ум, склонный к литературе. Господин Марке увлеченно погрузился в расследование, но не как судебный работник, желающий установить истину, а как драматург, склонный к интриге, желающий непременно довести дело до последнего акта, где все и должно объясниться.

Когда мы увидели почтенную пару, господин Марке как раз со вздохом говорил своему секретарю:

— Только бы этот архитектор с его дурацкой киркой не разрушил нам столь прекрасную тайну!

— Не беспокойтесь, — ответил секретарь, — кирка, быть может, и разрушит павильон, но не затронет нашего дела. Я сам ощупал стены и изучил пол и потолок. Мы ничего не узнаем. Я кое-что понимаю в этом, и меня не проведешь.

Успокоив таким образом своего шефа, господин Малэн кивком головы указал на нас господину Марке.

Этот последний насупился и, заметив подходящего к нему Рультабиля, сняв шляпу, устремился к двери вагона.

Уже из купе он достаточно громко прошептал своему секретарю:

— Постарайся отвадить всех этих журналистов.

— Понимаю, — ответил господин Малэн и попытался воспрепятствовать моему другу проникнуть к судебному следователю.

— Извините, пожалуйста, но это купе занято.

— Я журналист, сотрудник «Эпок», — ответил Рультабиль, — и желал бы сказать несколько слов господину Марке.

— Господин Марке весьма занят следствием.

— О, поверьте, его следствие меня совершенно не интересует. Я не репортер, — заявил Рультабиль с презрительной усмешкой, — я театральный рецензент. И так как сегодня вечером я должен представить отчет о некоем обозрении, идущем в…

— Войдите, сударь, прошу вас, — сказал секретарь и учтиво поклонился.

Рультабиль был уже в купе. Я немедленно последовал за ним и сел рядом. Секретарь вошел и закрыл дверцу.

Господин Марке недовольно посмотрел на секретаря.

— Ах, сударь, — опередил его мой друг, — не

сердитесь на этого достойного человека. Ваше уединение нарушил не какой-нибудь репортеришка, а театральный рецензент всесильной «Эпок». И я хотел бы поговорить не с господином Марке-следователем, а с автором нового спектакля. И прекрасного спектакля, смею вас заверить. Примите наши искренние поздравления.

И Рультабиль, представив сперва меня, представился сам.

Господин Марке беспокойным жестом поглаживал бороду. В нескольких словах он поведал Рультабилю, что является всего лишь скромным автором и желал бы, чтобы имя его оставалось неизвестным широкой публике. Он надеется также, что восторг журналиста перед достоинствами драматического произведения удержит его от разглашения того факта, что автором является судебный следователь из Корбейля.

— Стезя драматурга, — сказал он после некоторого колебания, — может бросить тень на деятельность судебного следователя, особенно в провинции, где люди являются рутинерами.

— О, положитесь на мою скромность! — воскликнул Рультабиль, воздев руки к небу.

Поезд тронулся.

— Мы едем, — сказал судебный следователь,

несколько удивленный тем, что мы отправились вместе с ним.

— Да, господин судебный следователь, мы двинулись с места в поисках истины, — сказал Рультабиль, любезно улыбаясь, — и двинулись к замку Гландье. Прекрасное дело, господин Марке, не правда ли? Прекрасное дело!

— Темное дело, невероятное и необъяснимое дело. Боюсь только, что журналисты, господин Рультабиль, в своем неуемном желании все объяснять начнут мешать следствию.

Мой друг, уловив, в чей адрес выпущена эта отравленная стрела, значительно покивал головой.

— Да, — сказал он сочувственно, — этого следует опасаться, они во все вмешиваются. Что до меня, то я разговариваю с вами только потому, что случай, чистый случай, господин судебный следователь, привел меня к вам в это купе.

— Куда вы едете? — любезно поинтересовался господин Марке.

— В замок Гландье, — не моргнув глазом ответил Рультабиль.

Господин Марке подпрыгнул на месте.

— Вам не удастся туда проникнуть, господин Рультабиль.

— И кто же этому помешает? Вы? — воинственно поинтересовался мой друг.

— О нет, я чересчур люблю прессу и журналистов, чтобы препятствовать им в чем бы то ни было. Но господин Станжерсон закрыл свои двери для всего света. Вчера ни один журналист не смог пройти за ограду замка Гландье.

— Тем лучше, — ответил Рультабиль, — я прибуду вовремя.

Господин Марке закусил губу и, казалось, вознамерился сохранять упорное молчание. Правда, он явно вздохнул с облегчением, когда Рультабиль сообщил, что мы отправляемся в Гландье исключительно для того, чтобы пожать руку «старому и близкому другу». Так он именовал Робера Дарзака, которого, вероятно, увидит первый раз в жизни.

— Ах, Робер, — продолжал молодой репортер, — бедный, несчастный Робер, боюсь, он не перенесет этого удара. Он так любит мадемуазель Станжерсон.

— Действительно, больно видеть его горе, — нехотя подтвердил господин Марке.

— Но надо надеяться, что мадемуазель Станжерсон останется жива.

— Будем надеяться, — господин Марке покачал

головой. — Ее отец сказал мне вчера, что если она погибнет, то он разделит с ней ее могилу. Какая невосполнимая потеря для науки!

— Рана в висок очень серьезна, не правда ли?

— Конечно, просто неслыханное счастье, что она не смертельна. Удар был нанесен с такой силой!

— Значит, мадемуазель Станжерсон ранена не из револьвера, — заметил Рультабиль, бросая на меня торжествующий взгляд.

Господин Марке казался очень смущенным.

— Я ничего не сказал, не хочу говорить и ничего больше не скажу.

И он повернулся к своему секретарю, давая тем самым понять, что не желает более иметь с нами дело. Но не так-то легко было избавиться от Рультабиля.

— В описании «Матэн» все это дело вообще представляется какой-то неразберихой, — огорченно сказал мой друг. — Вы читали отчет? Он абсурден, не правда ли?

— Никоим образом.

— Как же так! Желтая комната имеет только одно окно с решеткой и ставнями, которые были закрыты, и одну дверь, которая была взломана. А убийцу не находят!

— И, тем не менее, именно так и обстоит дело.

Рультабиль замолчал и погрузился в размышления. Примерно через четверть часа он вновь устремился в атаку.

— А какова была в тот вечер прическа мадемуазель Станжерсон?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил судебный следователь.

— Ну как же. Это ведь чрезвычайно важно, — ответил Рультабиль, — я уверен, что в тот вечер, когда произошла драма, ее волосы были спущены на лоб.

— Ошибаетесь, господин Рультабиль, — ухмыльнулся судебный следователь. — Волосы несчастной были зачесаны вверх, обычная ее прическа. Лоб совершенно открыт, я могу это утверждать, так как тщательно осматривал раны, и кровь на волосах отсутствовала. А между тем, никто не прикасался к прическе после покушения.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверен, — продолжал судебный следователь. — Доктор еще сказал, пока я осматривал рану: «Как жаль, что мадемуазель Станжерсон носит такую прическу. Волосы, спущенные на лоб, хоть немного смягчили бы этот

ужасный удар в висок». Меня удивляет, что вы придаете этому такое значение.

Рультабиль нахмурился, о чем-то задумавшись.

— И рана на виске серьезна? — скова спросил он.

— Ужасна.

— А каким орудием она нанесена?

— Это секрет следствия.

— Вы нашли это орудие?

Судебный следователь не ответил.

— А рана на шее?

На этот раз господин Марке снизошел до ответа:

— По мнению врача, сожми убийца горло хоть каплю сильнее, и мадемуазель Станжерсон была бы задушена.

Рультабиль выудил из кармана номер «Матэн» и огорченно хлопнул по нему рукой.

— И все-таки отсюда ничего невозможно понять, — сказал он, — какие там, например, окна и двери?

— Их пять, — ответил господин Марке, смущенно кашлянув два или три раза, так как он был просто не в состоянии противиться желанию поговорить о всех этих прекрасных и таинственных

загадках, которые он расследовал. — Дверь вестибюля, единственная входная дверь павильона, всегда закрыта на английский замок, ключи от которого хранятся у профессора Станжерсона и дядюшки Жака. Мадемуазель Станжерсон ключ не нужен, так как дядюшка Жак ночует в павильоне, а днем она не покидает отца. Когда они ворвались в Желтую комнату, дверь вестибюля оставалась закрытой, и оба ключа находились, как всегда, у мужчин. В павильоне четыре окна: одно в Желтой комнате, два в лаборатории и четвертое в вестибюле. Окна Желтой комнаты и лаборатории выходят в поле, окно вестибюля — в парк.

— Именно через это окно преступник и покинул павильон! — воскликнул Рультабиль.

— Откуда вы это знаете? — господин Марке устремил на моего друга подозрительный взгляд.

— Как он бежал из Желтой комнаты, мы еще узнаем, — ответил Рультабиль, — но из павильона он должен был выбраться именно через это окно.

— Еще раз, откуда вы это знаете?

— Ах, боже мой, но ведь это же так просто. Поскольку он не мог бежать из павильона через

двери, значит, он вылез через окно. А для этого необходимо окно без решетки. На окнах Желтой комнаты и лаборатории такие решетки есть. Они же выходят в поле! Но, поскольку убийца все-таки бежал, значит, он нашел окно без решетки. И это было окно вестибюля.

— Да, — сказал господин Марке, — но вы не предусмотрели того, что окно вестибюля, единственное без решетки, имеет солидные железные ставни, и эти ставни оставались закрытыми изнутри на железную задвижку. Между тем мы имеем доказательства, что убийца действительно бежал из павильона через это окно! Следы крови на стене, на ставнях и следы на земле, похожие на те, что я измерил в Желтой комнате, свидетельствуют, что убийца бежал именно здесь. Он как бы прошел сквозь ставни! Но все это уже не столь важно. Следы, оставленные преступником, когда он бежал из павильона, — это хотя бы что-то конкретное. Как он вышел из Желтой комнаты, хотел бы я знать, и как пошел через лабораторию, чтобы попасть в вестибюль. Прекрасное дело, господин Рультабиль, просто прекрасное, и я надеюсь, что ключ к этой загадке не удастся подобрать еще достаточно долгое время.

— Надеетесь, господин судебный следователь?

— То есть, я полагаю, — поправился господин Марке.

— Окно было закрыто изнутри после бегства преступника? — спросил Рультабиль.

— Конечно. Это мне кажется естественным, хотя и непонятным, ведь для этого требуется сообщник или сообщники, а их нет.

Помолчав, он добавил:

— Ах, если бы мадемуазель Станжерсон чувствовала себя сегодня получше, и ее можно было допросить…

Рультабиль, продолжая думать о чем-то своем, спросил:

— А чердак? На чердаке должно быть какое-то отверстие.

— Да, действительно, я и забыл о нем, с чердаком выходов шесть. Это маленькое слуховое окно, и, так как оно обращено в поле, господин Станжерсон также снабдил его решеткой. У этого окошечка, как и на первом этаже дома, решетки не повреждены, а ставни, которые, естественно, открываются внутрь, оставались закрытыми. В общем, на бегство преступника через окно чердака ничто не указывает.

— Но если не нашли следов убийцы на чердаке, — сказал Рультабиль, — вроде тех, которые

были обнаружены на полу Желтой комнаты, то следовало прийти к заключению, что он не крал револьвер дядюшки Жака.

— На чердаке имеются только следы самого дядюшки Жака, — следователь многозначительно покачал головой, — но он был вместе с профессором Станжерсоном, и это счастье для старика.

— Но при чем тут револьвер? Мне кажется, что им скорее был ранен преступник, а не мадемуазель Станжерсон.

Не ответив на этот вопрос, который без сомнения смущал и его самого, господин Марке сообщил нам, что он нашел в Желтой комнате следы двух пуль: один в стене, на которой остался красный отпечаток мужской руки, другой в потолке.

— В потолке, — повторил Рультабиль, — очень странно… в потолке!

Он закурил, и его окутало облако дыма. Когда мы прибыли в Эпиней-сюр-Орж, я вынужден был потрясти его за плечо, чтобы вывести из задумчивого состояния.

На перроне судебный следователь и его секретарь сухо откланялись, дав тем самым понять, что с них вполне достаточно общения с нами. Затем они сели в ожидавший их экипаж и уехали.

— Сколько времени потребуется, чтобы дойти отсюда до Гландье пешком? — спросил Рультабиль какого-то железнодорожного служащего.

— Полтора часа, час сорок пять, если не торопиться, — ответил тот.

Рультабиль посмотрел на небо и, решив, что дождя не будет, взял меня под руку.

— Пойдемте, — сказал он, — нужно прогуляться.

— Ну что, — спросил я, — дело проясняется?

— О нет, ничего не проясняется. Все гораздо более запутано, чем я предполагал. Правда, у меня появилась одна идея.

— Скажите, какая?

— Пока я ничего не могу сказать. Моя идея — это вопрос жизни и смерти, по крайней мере, для двух человек.

— Вы верите в сообщников?

— Нет, не верю.

Минуту мы помолчали, затем он продолжал:

— Просто счастье, что мы встретили этого судебного следователя. Что я вам говорил о револьвере!

Рультабиль шел, опустив голову, засунув руки в карманы, и что-то насвистывал.

— Бедная женщина, — пробормотал он через

минуту.

— Это вы о мадемуазель Станжерсон?

— Да, эта благородная женщина достойна сожаления, у нее сильный характер, и я представляю себе…

— Вы разве знакомы с мадемуазель Станжерсон?

— Нет, я видел ее только один раз.

— Откуда вы знаете, что у нее сильный характер?

— Потому что она сумела противостоять убийце. Потому что она мужественно сопротивлялась, и в особенности потому, что в потолке обнаружили след пули.

Я взглянул на Рультабиля, чтобы убедиться, что он не смеется надо мной и не сошел с ума. Но молодой человек никогда, кажется, не был так серьезен, а взгляд этих умных округлых глаз успокоил меня по части состояния его разума. Кроме того, я уже привык к его отрывистой речи, казавшейся бессвязной лишь до тех пор, пока несколькими быстрыми и четкими фразами он не объяснял ход своих мыслей. Тогда все становилось ясным. Слова, которые раньше казались бессмысленными, так легко связывались и обретали логику, что можно было только удивляться,

как я не понимал их раньше.

IV. *На лоне природы*

Замок Гландье — один из самых старых в Иль-де-Франс — провинции, сохранившей еще немало сооружений времен феодализма. Воздвигнутый среди лесов при Филиппе Красивом, он расположен в нескольких сотнях метров от дороги, ведущей из деревни Сен-Женевьев де Буа в Монтлери.

Замок представляет собой скопление отдельных строений, над которыми господствует главная башня. Когда посетитель поднимается по ее шатким ступеням и выходит на плоскую крышу, он видит за лесами и полями возвышающуюся на расстоянии трех километров гордую башню Монтлери. Обе башни смотрят друг на друга в течение многих столетий и, кажется, рассказывают друг другу старинные легенды французской истории.

Говорят, что башня замка Гландье возвышается над останками героической и святой покровительницы Парижа, перед которой отступил сам Атилла, и Святая Женевьева спит крепким сном неподалеку от старого замка.

Летом влюбленные приходят посидеть у могилы этой святой и обменяться здесь клятвами. Говорят, что недалеко от могилы находится колодец с чудотворной водой; благодарные женщины воздвигли рядом с ним статую Святой Женевьевы и кладут у ее ног колпачки или маленькие туфельки детей, спасенных святой водой из колодца.

В этой-то местности, так тесно связанной с прошлым, и поселились профессор Станжерсон и его дочь. Им сразу понравился уединенный замок, расположенный в глубине лесов, где свидетелями их трудов и надежд были только замшелые камни и высокие дубы.

Гландье, раньше Гландериум, получил это название потому, что в этих краях собирали большое количество желудей.

Здания бесконечно перестраивались и подновлялись. Каждое столетие накладывало на них свой отпечаток.

Описывая эти места, я не могу удержаться от следующего замечания. Если я и задержался немного на описании Гландье, то вовсе не для нагнетания драматической атмосферы, просто мне хочется во всем этом деле быть как можно более точным. Я ведь не романист, а хроникер.

В тайне Желтой комнаты и без того достаточно настоящих трагедий, я же только излагаю события, помещая их в рамку, вот и все. Должны же вы представлять себе, где все это происходило.

Возвращаюсь к господину Станжерсону. Когда лет за пятнадцать до описываемых событий он купил это поместье, в Гландье уже давным-давно никто не жил. Расположенный неподалеку другой старинный замок, построенный в четырнадцатом веке Жаном Бальмонтом, также пустовал. Таким образом, местность была почти необитаема. Несколько домишек по дороге в Корбейль да трактир «Башня», дающий кратковременный приют извозчикам, — вот и все, что напоминало о цивилизации в этих заброшенных местах, которые никто не ожидал встретить рядом со столицей, но это полное уединение и явилось причиной, определившей выбор господина Станжерсона и его дочери. Профессор уже пользовался широкой известностью. Он недавно вернулся из Северной Америки, где работы его нашли значительный отклик, а опубликованная им в Филадельфии книга «Распад материи в результате электрического воздействия» вызвала споры всего ученого мира. Господин Станжерсон был французом американского происхождения,

но важные дела о наследстве в течение ряда лет удерживали его за океаном.

Он продолжал там работу, начатую во Франции, и возвратился на родину, чтобы ее закончить. Все его судебные дела завершились благополучно, и он стал обладателем большого состояния, которое оказалось весьма кстати. Профессор Станжерсон, если бы захотел, мог зарабатывать миллионы долларов, применив свои открытия в производстве красящих веществ, но он, считая себя должником человечества, не желал использовать свой чудесный дар изобретателя в меркантильных целях.

Профессор не скрывал своего удовлетворения неожиданно полученным состоянием, которое позволяло ему полностью отдаться своей страсти к науке. Но существовала и другая причина. Мадемуазель Станжерсон было двадцать лет, когда ее отец вернулся из Америки и купил замок Гландье. Она была поразительно красива, унаследовав грацию парижанки от своей матери, умершей при ее рождении, и здоровье от своего деда — американца Вильяма Станжерсона. Этот последний, уроженец города Филадельфии, вынужден был перебраться во Францию перед свадьбой по требованию семьи своей невесты

— француженки, ставшей матерью знаменитого Станжерсона. Таким образом и объясняется французское подданство нашего профессора.

В двадцать лет очаровательная блондинка с голубыми глазами, чудесным цветом лица и прекрасным здоровьем, мадемуазель Станжерсон была одной из самых красивых девушек Старого и Нового Света. Ее отец, несмотря на грусть неизбежного расставания, должен был думать о предстоящей свадьбе и, естественно, радовался деньгам, которые могли быть использованы для приданого его дочери. Однако Станжерсоны неожиданно уединились в Гландье, вопреки ожиданиям общества.

— Таково желание моей дочери, и я ни в чем не могу ей отказать, — говорил профессор.

Молодая девушка, в свою очередь, и сама это спокойно подтверждала:

— Нигде бы нам не работалось лучше, чем в этом прекрасном уединении.

Матильда Станжерсон уже принимала участие в работе отца, но тогда еще никто не мог и предположить, что страсть к науке заставит ее в течение пятнадцати лет отклонять все предложения о замужестве.

Живя очень замкнуто, отец и дочь, тем не ме-

нее, должны были несколько раз в год появляться на официальных приемах, а также в двух-трех домах, где слава профессора и красота Матильды производили сенсацию.

Чрезвычайная холодность молодой девушки поначалу не обескураживала ее поклонников, однако шли годы, и их оставалось все меньше. Только один продолжал ухаживать с нежным упорством, чем и заслужил прозвище «вечный жених», которое он принимал спокойно и меланхолично. Это был Робер Дарзак. Но теперь мадемуазель Станжерсон была не так молода, и, казалось, что если она не вышла замуж до 35 лет, уже никогда не изменит своего решения.

Эти соображения, вероятно, не смущали Робера Дарзака, так как он продолжал ухаживать, если этим словом можно назвать ту нежную заботливость, которой он окружил женщину тридцати пяти лет, заявлявшую, что она никогда не выйдет замуж. И вдруг, за неделю до интересующих нас событий, по Парижу распространился слух, которому сперва никто не придал значения. Мадемуазель Станжерсон согласилась наконец стать женой Робера Дарзака! То, что сам господин Дарзак этих слухов не опровергал, придавало им некоторую правдоподобность. Наконец, было

объявлено, что свадьба состоится в тесном кругу, как только отец и дочь закончат доклад, подводящий итог их многолетней работы по распаду материи. Молодая пара поселится в Гландье и примет участие в продолжении исследований. Ученый мир еще не успел оправиться от этой новости, как вдруг все узнали о покушении на мадемуазель Станжерсон при тех таинственных обстоятельствах, которые мы только что описали.

Все эти детали были мне хорошо известны из деловых встреч с Робером Дарзаком. Теперь же я, не колеблясь, сообщаю их читателю, чтобы, переступая вместе со мной порог желтой комнаты, он был осведомлен не хуже меня.

V. *ГЛАВА, в которой Жозеф Рультабиль обращается к Роберу Дарзаку с фразой, производящей должный эффект*

В течение нескольких минут мы шли с Рультабилем вдоль стены, окружающей обширные владения господина Станжерсона. Уже показались ворота, но в этот момент наше внимание привлек склонившийся над землей человек. Он был так поглощен своей работой, что даже не заметил, как мы подошли. Этот человек то наклонялся и почти ложился на землю, то поднимался и внимательно разглядывал стену. Затем он двинулся большими шагами вперед и даже пустился бежать, постоянно посматривая себе на ладонь.

Рультабиль жестом остановил меня.

— Тише, — сказал он, — это работает Фредерик Ларсан, не будем ему мешать.

Молодой репортер преклонялся перед великим сыщиком, я же никогда прежде не видел Фредерика Ларсана, но много слышал о его замечательной репутации.

Дело о золотых слитках, которое взволнова-

ло весь мир, и арест взломщиков несгораемых шкафов Лионского кредитного банка сделали его имя чрезвычайно популярным. Он пользовался заслуженной репутацией во всем мире, и часто полиции Лондона, Берлина и даже Соединенных Штатов призывали его на помощь, если местные сыщики расписывались в своей беспомощности.

Поэтому никто не удивился, когда начальник сыскной полиции вызвал своего неоценимого сотрудника телеграммой из Лондона, куда он был послан по делу о крупной краже ценных бумаг.

Фредерик Ларсан, которого в сыскной полиции называли «Великий Фред», поспешил вернуться, зная по опыту, что если уж его побеспокоили, значит, другого выхода не было.

Поэтому мы с Рультабилем и застали его этим утром за работой, вскоре поняв, в чем она заключалась. На ладони своей правой руки он держал часы и, беспрерывно с ними сверяясь, казалось, вычислял на ходу какое-то время. Затем он повернул назад, остановился только у решетки ворот и, снова посмотрев на часы, разочарованно пожал плечами. Окончив свои вычисления, Ларсан вошел в парк, закрыл за собой ворота на ключ и, подняв голову, наконец-то заметил за воротами нас.

Рультабиль шагнул вперед, я последовал за ним.

— Господин Фред, — сказал мой друг с глубоким почтением, снимая шляпу, — позвольте узнать — в замке ли сейчас Робер Дарзак? Вот его друг из парижской адвокатуры, и он хотел бы поговорить с ним.

— Не знаю, господин Рультабиль, — ответил Фред, пожимая руку моему другу, так как им неоднократно случалось встречаться раньше во время наиболее сложных расследований, — я его не видел.

— Мы могли бы осведомиться у привратников, — сказал Рультабиль, указывая рукой на маленький кирпичный домик, в котором, без сомнения, обитали верные стражи поместья.

— Привратники ничего вам не скажут, господин Рультабиль.

— Почему же?

— Полчаса тому назад они арестованы.

— Арестованы! — воскликнул Рультабиль. — Значит, они убийцы?

Фредерик Ларсан флегматично пожал плечами.

— Когда невозможно арестовать убийцу, — сказал он с иронией, — то всегда можно позволить

себе роскошь отыскать сообщников.

— Это вы их арестовали, господин Фред?

— О нет, я этого не приказывал. Во-первых, потому что я почти уверен в их невиновности, а во-вторых… — Он замолчал.

— Во-вторых… — робко напомнил о себе Рультабиль.

Ларсан махнул рукой.

— Потому что нет сообщников! — торжествующе прошептал Рультабиль.

— Вы уже, кажется, составили себе мнение об этом деле? А ведь вы еще ничего не видели, молодой человек, вы еще даже не побывали здесь.

— Это мне предстоит сделать.

— Сомневаюсь. Отдан строгий приказ никого не пускать.

— Но я все-таки войду, если вы поможете мне увидеть господина Дарзака. Сделайте это для меня. Ведь мы же старые друзья, господин Фред, вспомните прекрасную статью по делу о золотых слитках, в которой я расхвалил вас. Пожалуйста, одно слово Роберу Дарзаку.

Рультабиль в этот момент выглядел очень комично. Он был буквально воплощенным желанием проникнуть через порог, за которым происходили удивительные чудеса, и так крас-

норечиво умолял Ларсана не только словами, взглядами, но и всем своим видом, что я не мог удержаться от смеха. Фредерик Ларсан тоже улыбнулся, однако спокойно положил ключ в карман, и не думая открывать ворота.

Я наблюдал за ним через решетку. Ларсану можно было дать лет пятьдесят, красивая голова с седеющими волосами, матовый цвет лица, резкий профиль с выпуклым лбом, подбородок и щеки тщательно выбриты. Маленькие круглые глаза смотрели прямо и пристально. Среднего роста и хорошо сложенный, он выглядел элегантным и симпатичным, выгодно отличаясь от обыкновенного полицейского. Говорил сыщик скептическим тоном человека, лишенного иллюзий и имеющего дело по долгу службы с бесконечными преступлениями и низостями, что соответственно «ожесточило его чувства», как выразился Рультабиль.

Ларсан повернул голову на шум коляски, подъезжавшей со стороны замка. Мы узнали кабриолет, который недавно увез с вокзала судебного следователя и его секретаря.

— Вы хотели поговорить с господином Дарзаком, — заметил Ларсан, — вот он.

Кабриолет уже подъехал, и сидевший в нем

Робер Дарзак попросил Ларсана открыть ворота, но тут он узнал меня и поинтересовался, что нас привело в Гландье в столь трагический момент. Он был чрезвычайно бледен, и лицо его выражало бесконечное горе.

— Лучше ли мадемуазель Станжерсон? — поинтересовался я.

— Да, — ответил Дарзак, — ее, возможно, спасут, она должна быть спасена…

Он не прибавил «или я умру», но я почувствовал, что эти слова едва не сорвались с его уст.

Тут вмешался Рультабиль:

— Вы торопитесь, сударь, но мне просто необходимо с вами поговорить. У меня есть для вас важное сообщение.

Его перебил Ларсан.

— Могу я оставить вас? — спросил он Дарзака. — У вас есть ключ, или дать вам мой?

— Спасибо, ключ есть, — ответил Дарзак, — я запру ворота.

Ларсан повернулся и быстро пошел в сторону замка, который возвышался в нескольких сотнях метров от входа.

Робер Дарзак, выражавший явные признаки нетерпения, нахмурил брови. Я представил Рультабиля как моего друга, но, узнав, что моло-

дой человек журналист, Дарзак бросил на меня взгляд, полный упрека, извинился и, сославшись на необходимость через двадцать минут быть на вокзале в Эпиней, хлестнул лошадь.

К моему глубокому удивлению, Рультабиль успел перехватить узду, остановил маленький экипаж и произнес следующую фразу, лишенную для меня всякого смысла:

— Дом не потерял своего очарования, а сад — своего блеска.

Услышав эти слова, Дарзак отшатнулся. Побледнев еще сильнее, он с ужасом уставился на молодого человека и немедленно выскочил из коляски.

— Пойдемте, — пробормотал он и вдруг с яростью повторил, — да пойдемте же, наконец!

Он направился к замку, Рультабиль следовал за ним, ведя лошадь. Я что-то сказал Дарзаку, но он мне не ответил. Я посмотрел на Рультабиля — он, казалось, не видел меня.

VI. *Под сенью дубовой рощи*

Мы приближались к замку, старая башня которого была связана с частью строения, полностью законченного во времена Людовика XIV. Здесь находился главный вход. Я никогда не видел ничего столь оригинального, быть может, даже безобразного по своей архитектуре, как эта необычная смесь исчезнувших стилей. Зрелище одновременно чудовищное и захватывающее.

Два жандарма прогуливались перед маленькой дверью, ведшей в первый этаж башни. Мы скоро узнали, что в этом помещении, которое когда-то служило тюрьмой, а сейчас просто кладовкой, заперли привратников Бернье.

Робер Дарзак через большие двери провел нас в современную часть замка. Рультабиль, передавая лошадь и коляску слуге, не спускал глаз с Дарзака. Его взгляд не отрывался от черных перчаток на руках профессора.

В маленькой, обставленной старинной мебелью гостиной Дарзак резко повернулся.

— Говорите, сударь, — надменно обратился он к Рультабилю, — что вам угодно?

— Пожать вашу руку, — ответил молодой репортер с не меньшим высокомерием.

— Что это значит? — отшатнулся Дарзак.

Мне вспомнился след окровавленной руки на стене Желтой комнаты и я понял, что мой друг подозревает в ужасном преступлении именно Дарзака.

Я смотрел на Робера Дарзака, обычно столь гордого и надменного, не понимая его странного смущения.

— Вы друг Сэнклера, — наконец произнес он, — который оказал мне большую услугу, и я не вижу причин отказывать вам в рукопожатии.

Рультабиль не принял поданной руки и ответил с беспримерной дерзостью:

— Сударь, я провел несколько лет в России и приобрел там обыкновение никогда не пожимать руку в перчатке.

Мне показалось, что профессор Сорбонны не сможет подавить охватившей его ярости, однако он все-таки снял перчатки и показал свои руки. На них не было ни единой царапины.

— Вы удовлетворены?

— Нет, — ответил Рультабиль и обратился ко мне: — друг мой, оставьте нас одних на некоторое время.

Я поклонился и вышел, удивленный всем, что увидел и услышал, и не понимая, почему Робер Дарзак не выставил за дверь моего дерзкого, несправедливого и глупого друга, ибо в ту минуту меня возмутили подозрения Рультабиля, которые привели к этой нелепой сцене.

Я прогуливался перед замком около двадцати минут, пытаясь связать воедино отдельные события сегодняшнего утра, но мне это не удавалось. Неужели журналист действительно считал Робера Дарзака преступником? Как можно даже предположить, что человек, который через несколько дней собирался жениться на мадемуазель Станжерсон, проник в Желтую комнату, чтобы убить свою невесту! К тому же по-прежнему оставалось неясным, как этот некто покинул Желтую комнату, а до тех пор, пока подобная тайна не будет объяснена, никого нельзя подозревать. Наконец, что означает эта бессмысленная фраза, которая все еще звучала в моих ушах: *«Дом не потерял своего очарования, а сад — своего блеска».* Мне хотелось поскорее остаться наедине с Рультабилем и расспросить его.

В этот момент молодой человек вышел из замка под руку с Робером Дарзаком. Удивительная вещь! С первого взгляда я понял, что они стали

чуть ли не лучшими друзьями.

— Мы идем в Желтую комнату, — сказал мне Рультабиль, — пойдемте с нами. Мой дорогой друг, я задержу вас на целый день, и мы пообедаем вместе в окрестностях замка.

— Вы можете пообедать со мною здесь, господа, — предложил Робер Дарзак.

— Нет, — ответил молодой человек, — спасибо, мы зайдем в трактир «Башня».

— Вы там ничего не найдете.

— Вы думаете? А я как раз рассчитываю там кое-что отыскать, — ответил Рультабиль. — Перекусив, мы снова приступим к работе, я напишу статью, а вы, Сэнклер, окажете мне любезность и отвезете ее в редакцию.

— Вы не вернетесь со мной?

— Нет, я заночую здесь.

В этот момент мы проходили мимо башни, из-за двери которой доносились всхлипывания и причитания.

— Почему арестовали этих людей? — спросил Рультабиль.

— Отчасти это моя вина, — ответил Дарзак, — я сказал вчера судебному следователю, что привратники просто физически не могли успеть одеться и пробежать довольно большое расстоя-

ние их хижины до павильона, ведь и двух минут не прошло между выстрелами и тем моментом, когда их встретил дядюшка Жак.

— Это действительно странно, — согласился Рультабиль, — и они были одеты?

— Они были полностью одеты и даже успели зашнуровать ботинки. Они заявили, что легли спать в девять часов вечера, как обычно. Прибывший сегодня утром из Парижа судебный следователь запасся оружием того же калибра, что и револьвер, которым было совершено преступление. Он, знаете ли, не хочет прикасаться к тому, который является вещественным доказательством. Так вот, его секретарь выстрелил два раза из револьвера в Желтой комнате, закрыв дверь и окно, а мы были в домике привратников и ничего не слышали, да там ничего и нельзя услышать. Привратники солгали, в этом нет сомнения; они явно находились недалеко от павильона и чего-то ждали. Конечно, их не обвиняют в убийстве, но соучастие… Короче, господин Марке тотчас же приказал их арестовать.

— Соучастники, — сказал Рультабиль, — обязательно появились бы небрежно одетыми или не пришли бы совсем. Когда вы бросаетесь в объятия правосудия с таким грузом улик, то ясно, что вы

не при чем.

— Тогда почему они были в полночь у павильона?

— Какая-то причина заставляет их молчать, а все, что происходит в подобную ночь, может иметь значение.

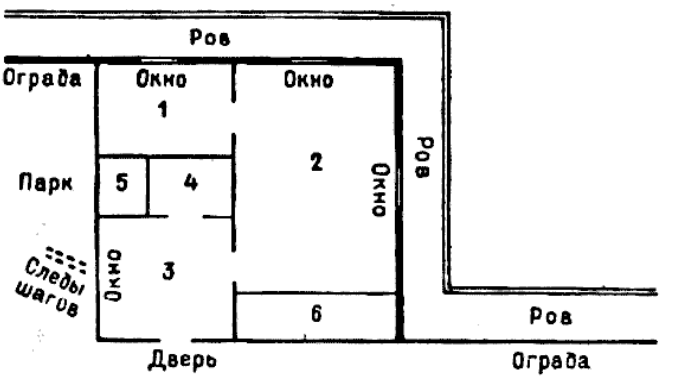
Тем временем мы прошли по мосту надо рвом и попали в ту часть парка, которую из-за нескольких больших столетних дубов называют «дубовая роща». Осень уже скрутила их пожелтевшие листья, а черные разлапистые ветви казались в вышине спутанными волосами Медузы.

Здесь мадемуазель Станжерсон жила летом, так как находила это место более веселым, но сейчас все вокруг казалось нам печальным и мрачным. Земля была черной и топкой после недавних дождей, стволы деревьев тоже почернели. Само небо над нашими головами, затянутое тяжелыми свинцовыми тучами, казалось, было в трауре.

Неожиданно открылись белые стены павильона. Странное сооружение! С нашего места не было видно ни единого окна, только маленькая дверь указывала на вход. Можно было подумать, что это гробница или большой мавзолей посреди леса. За этой-то дверью, выходившей в парк, отец и дочь нашли идеальное место, где можно было

мечтать и работать.

Здание имело только один этаж, куда вело несколько ступенек, и довольно высокий чердак, нас совершенно не занимавший. Вот план первого этажа, который я предлагаю вниманию читателей.



1. Желтая комната с единственным окном, снабженным решеткой, и единственной дверью, выходящей в лабораторию.

2. Лаборатория с двумя большими зарешеченными окнами и

дверьми, ведущими — одна в вестибюль, а другая — в Желтую комнату.

3. Вестибюль с окном без решетки и дверью, выходящей в парк.

4. Туалет.

5. Лестница, ведущая на чердак.

6. Большой единственный камин павильона, который служит для лабораторных опытов.

Имея этот план и пояснения к нему, читатели, для того чтобы добраться до истины, знают теперь ровно столько же, сколько знал и Рультабиль, переступая порог павильона.

Перед тем как подняться по трем ступенькам к двери, Рультабиль внезапно остановился.

— А какова причина этого нападения? — спросил он.

— Для меня нет никаких сомнений, что негодяй пытался совершить гнусное преступление, — ответил Дарзак, — на груди и на шее мадемуазель Станжерсон следы пальцев и глубокие царапины. Врачебная экспертиза утверждает, что они были нанесены рукой, оставившей на стене кровавый отпечаток. Огромной рукой, которая не влезла бы в мою перчатку, — добавил он с горькой улыбкой.

— А не могла ли сама мадемуазель Станжерсон коснуться стены в момент падения и оставить на

ней увеличенный след? — перебил я.

— На руках несчастной не было ни капли крови, когда ее подняли с пола, — ответил Дарзак.

— Существует предположение, — снова вмешался я, — что сама мадемуазель Станжерсон вооружилась револьвером дядюшки Жака и могла ранить нападавшего в руку. Она кого-нибудь опасалась?

— Возможно…

— А вы никого не подозреваете?

— Нет, — ответил Дарзак и посмотрел на Рультабиля.

— Видите ли, мой друг, — обратился ко мне журналист, — вам следует знать, что револьвером в целях самообороны воспользовалась потерпевшая, но известно также и то, чем орудовал преступник. Это кастет, как мне сказал господин Дарзак. Почему господин Марке окружает этот кастет такой тайной? Вероятно, желая облегчить поиски агентам полиции, которые ищут его владельца среди парижских подонков. Впрочем, разве можно предположить, что происходит в голове судебного следователя, — усмехнулся Рультабиль.

— Значит, этот кастет был найден в Желтой комнате? — спросил я.

— Да, — ответил Дарзак, — у подножия кровати. Но умоляю вас — ни слова господину Марке, он требует тайны. Это здоровенный кастет, верхнее звено которого еще красно от крови мадемуазель Станжерсон. Кастет, безусловно, уже побывал в деле, по крайней мере, так полагает господин Марке, отправивший его в парижскую лабораторию на анализ. Он предполагает найти на нем не только свежую кровь последней жертвы, но и следы предыдущих преступлений.

— Кастет в руках опытного преступника страшное оружие, — сказал Рультабиль, — пожалуй, более надежное и опасное, чем тяжелый молоток.

— И негодяй доказал это, — печально кивнул Дарзак, — удар пришелся по голове. Форма звена кастета полностью соответствует ране, и она безусловно оказалась бы смертельной, но, вероятно, именно в момент удара прогремел выстрел, и убийца был задет пулей. Раненный в руку, он выронил кастет и бежал; к несчастью, удар уже успел достичь цели, и мадемуазель Станжерсон едва не была убита, после того как ее чуть было не задушили. Если бы она ранила нападавшего первым выстрелом, то без сомнения избежала бы удара кастетом, должно быть, она просто слиш-

ком поздно схватилась за оружие. В процессе борьбы револьвер, вероятно, отклонился, и первая пуля ушла в потолок, а цели достиг только второй выстрел.

Дарзак постучал в дверь павильона. Признаюсь, мне не терпелось попасть на место происшествия, и, хотя разговор о кастете был необычайно интересен, но я просто сгорал от нетерпения, видя, что наша беседа продолжается, а дверь павильона остается закрытой.

Наконец она отворилась, и на пороге показался человек, в котором я без труда узнал дядюшку Жака. Ему было уже около шестидесяти. Длинная седая борода, седые волосы, берет, поношенный коричневый бархатный костюм и деревянные башмаки. Вид неприветливый и ворчливый, однако, увидев Дарзака, он улыбнулся.

— Это друзья, — просто сказал наш провожатый, — в павильоне никого нет?

— Мне приказано не пускать ни единого человека, господин Робер, но, конечно, приказ не касается вас. И почему, собственно, не пускать? Они уже видели все, что можно было увидеть, эти господа полицейские. Все зарисовали, всех допросили…

— Извините, дядюшка Жак, один вопрос рань-

ше всего прочего, — вмешался Рультабиль.

— Говорите, молодой человек, и если я смогу вам ответить…

— Ваша хозяйка носила в этот вечер волосы, спущенные на лоб?

— Нет, сударь, она никогда не носила такую прическу, ни в тот вечер, ни в другие дни. Волосы были, как всегда, зачесаны наверх, и весь ее прекрасный лоб, чистый, как лоб новорожденной, был открыт.

Рультабиль что-то недовольно проворчал и принялся осматривать вход. Замок действительно был английский, и открыть дверь без ключа было практически невозможно.

Затем мы вошли в вестибюль, маленькое, довольно светлое помещение с красными плитками на полу.

— А вот и окно, через которое бежал убийца!

— Так говорят, сударь, но ведь мы не слепые. Ни господин Станжерсон, ни я, ни привратники, хоть они сейчас и в тюрьме, мы никого не видели. Почему тогда и меня не засадят из-за моего револьвера?

Рультабиль уже открыл окно и осматривал ставни.

— Они были закрыты в момент преступления?

— На железную задвижку изнутри, — ответил дядюшка Жак. — Что же он, сквозь ставни прошел, что ли?

— Там есть пятна крови?

— Да, вы можете посмотреть на камнях снаружи. Но чьей крови?

— Так, — сказал Рультабиль, — а вот и следы на дорожке, земля была очень влажной. Сейчас мы все это внимательно исследуем.

— Глупости, — возразил старик, — он не мог здесь пройти.

— Но где же?

— Откуда я знаю?

Рультабиль опустился на колени и начал быстро осматривать плитки вестибюля, покрытые пятнами.

— Вы ничего не найдете, сударь, — продолжал дядюшка Жак, — и они ничего не нашли. Кроме того, здесь теперь чересчур грязно, входило и выходило множество людей, а пол мыть мне не разрешают. Но в день преступления я все вымыл, и, пройди здесь убийца в своих башмаках — это было бы сразу заметно. Таких следов он достаточно оставил в комнате барышни.

— Когда вы мыли эти плитки в последний раз? — спросил Рультабиль, поднимаясь.

— В самый день преступления, я же вам сказал, около половины шестого, в тот момент, когда хозяин и его дочь прогуливались перед обедом. Они и обедали в лаборатории. На следующий день следователь мог видеть все следы на полу, как отпечатки чернил на белой бумаге, однако ни в лаборатории, ни в вестибюле ничего не было. Откуда же следы за окном? Для этого убийца должен был продырявить потолок в Желтой комнате, пройти по чердаку, пробить крышу и спуститься как раз под окно вестибюля. Но никаких отверстий нигде нет, просто чертовщина какая-то.

Неожиданно Рультабиль опустился на колени перед дверью маленького туалета, который находился в глубине вестибюля, и в таком положении оставался целую минуту.

— В чем дело? — спросил я, когда он поднялся.

— Так, ничего существенного, капелька крови.

Молодой человек повернулся к дядюшке Жаку:

— Когда вы начали мыть пол, окно вестибюля было открыто?

— Да, перед этим я разжигал камин газетами, и появился дым. Чтобы создать сквозняк, я открыл окна в лаборатории и вестибюле, затем, закрыв окна лаборатории, но не закрывая окна вестибюля, ненадолго сходил в замок за тряпками.

Вернулся около половины шестого и начал мыть полы, потом снова ушел, оставив окно вестибюля по-прежнему открытым. Наконец, когда я вернулся в павильон окончательно, окно было закрыто, а профессор с дочерью работали в лаборатории.

— Вероятно, окно закрыл кто-то из них, войдя в помещение.

— Наверное.

— Вы их не спрашивали об этом?

— Нет.

Еще раз посмотрев на маленький туалет и на лестницу, ведущую на чердак, Рультабиль вернулся в лабораторию. Я и Робер Дарзак последовали за ним.

Ну вот, наконец, и дверь Желтой комнаты! Выбитая почти наполовину, она была закрыта или, вернее, прислонена к косяку лаборатории. Мой друг, работая методично и не говоря ни слова, внимательно осматривал большое и хорошо освещенное помещение лаборатории, в которой мы находились. Два окна, снабженные решетками, открывали вид на окружающую местность. Просека в лесу позволяла увидеть прекрасную долину, простиравшуюся до самого города, который можно было различить в солнечные дни. Но сегодня — только грязь на земле да изморось

в воздухе.

Одна из стен была полностью занята громадным камином, тиглями и разнообразными приборами для химических опытов. Вдоль другой стены возвышались шкафы с инструментами и огромным количеством минералов. Рультабиль осмотрел камин, пальцем пошарил в тиглях и выпрямился, разглядывая маленький кусочек обгоревшей бумаги.

— Сохраните это для нас, господин Дарзак, — попросил он.

Я наклонился над обгорелой бумагой и с трудом разобрал несколько сохранившихся слов: *«Дом не пот… очаров, а сад… блеска».*

И ниже: *«23 октября».*

Во второй раз бессмысленность этих слов поразила меня, и во второй раз я увидел, какое потрясающее впечатление они произвели на Дарзака. Прежде всего он глянул в сторону дядюшки Жака, но старик ничего не заметил, так как был чем-то занят у окна. Тогда Дарзак открыл свой бумажник и дрожащими пальцами спрятал туда драгоценный клочок бумаги.

— О боже! — со вздохом произнес он.

В это время Рультабиль заглянул в камин, вернее, он внимательно рассматривал дымовую

трубу, которая, постепенно сужаясь в пятидесяти сантиметрах, над головой закрывалась вмазанной в кирпичи чугунной доской. Через доску проходили три трубы по пятнадцать сантиметров в диаметре каждая.

— Да, здесь пройти невозможно, — подвел итог своих наблюдений Рультабиль, — можно и не пытаться, все это сооружение немедленно рухнет на землю. Нет, искать надо не здесь.

Затем мой друг принялся осматривать мебель, открывать и закрывать дверцы шкафов. Потом наступила очередь окон. И их Рультабиль счел непроходимыми и «непройденными».

Все это время дядюшка Жак насмешливо поглядывал из окна на улицу.

— Что там случилось? — поинтересовался Рультабиль.

— Да вот, — ответил старик, — удивляюсь я на этого умника из полиции, который все время бродит вокруг пруда. И он не увидит больше других!

— Вы не знаете Фредерика Ларсана, дядюшка Жак, — сказал журналист, меланхолично покачав головой, — иначе бы вы этого не говорили. Если кто-нибудь здесь и сможет найти убийцу, так это будет именно он, поверьте мне.

— До того как его найдут, хорошо бы узнать, как

его потеряли, — проворчал старый упрямец.

И вот мы снова у дверей Желтой комнаты.

— Здесь-то все и произошло! — торжественно произнес Рультабиль тоном, который при других обстоятельствах мог бы показаться смешным.

VII. *ГЛАВА, в которой Рультабиль отправляется под кровать*

Рультабиль отворил дверь Желтой комнаты и остановился на пороге.

— О! Аромат Дамы в черном, — произнес он в волнении, причину которого я понял значительно позже.

Комната была погружена в темноту. Дядюшка Жак собрался уже открыть ставни, но Рультабиль остановил его.

— Драма произошла в полной темноте?

— Нет, молодой человек, не думаю. Барышня держала на столе ночник, и я зажигал его по ночам, перед тем как она ложилась спать. Я был как бы ее горничной, когда приходил вечер. Настоящая горничная появлялась только утром, а барышня работала допоздна.

— А где находился стол, на котором стоял ночник? Далеко от кровати?

— Довольно далеко.

— Вы можете сейчас зажечь этот ночник?

— Когда стол опрокинулся, ночник разбился, и масло разлилось. Все осталось в том же поло-

жении, как и было, мне нужно только открыть ставни, и вы это увидите.

— Подождите!

Рультабиль вернулся в лабораторию, чтобы закрыть дверь вестибюля и ставни окон. Когда мы оказались в полной темноте, он зажег свечу, передал ее дядюшке Жаку и попросил его встать посреди Желтой комнаты на том же месте, где в ночь преступления горел ночник.

Дядюшка Жак в носках (обычно он оставлял свои деревянные башмаки в вестибюле) вошел в Желтую комнату, и при дрожащем пламени свечи мы смогли различить неясные контуры перевернутой мебели, кровать в углу напротив и настенное зеркало, висевшее слева подле кровати.

— Достаточно, — сказал Рультабиль, — можете открывать ставни.

— Только ничего не трогайте, — попросил дядюшка Жак, — не следует ничего менять. — Это просьба судебного следователя, хотя он уже и сделал свое дело.

Славный старик открыл окно, и дневной свет проник в комнату, осветив мрачный беспорядок.

Пол, в отличие от вестибюля и лаборатории, был деревянный. Его покрывала желтая циновка,

занимавшая почти всю комнату и заходившая под кровать и туалетный столик, единственные предметы, которые остались на месте. По циновке расплылось большое кровавое пятно — след от ужасной раны на лбу мадемуазель Станжерсон, кроме того, повсюду виднелись капельки крови, сопровождавшие грязные следы огромных ступней преступника. Происхождение этих капелек объяснялось, вероятно, раной человека, который оставил на стене кровавый отпечаток своей руки. На стене имелись и другие следы этой руки, но значительно менее четкие.

— Посмотрите, — не удержался я от невольного возгласа, — посмотрите на эту кровь на стене. Было темно, и человек, вероятно, полагал, что открывает дверь, надавливая на стену. Он полагал, что толкает именно дверь, потому и нажал так сильно. Этот след на желтых обоях просто готовое обвинение. На свете немного найдется подобных рук, она большая и сильная, а пальцы почти одинаковой длины. Большой палец отсутствует вовсе, и если мы проследим за движением руки, то увидим, как после стены она ощупью ищет дверь, находит ее, ищет ручку…

— Конечно, — насмешливо перебил меня Рультабиль, — удивительно только, почему ни на

задвижке, ни на ручке нет ни капли крови.

— Что и доказывает, — ответил я с присущим мне здравым смыслом, которым всегда необычайно гордился, — что замок и засов он, конечно, открыл левой рукой. И это вполне естественно, так как правая рука была ранена и…

— Он ничего не открывал, — воскликнул дядюшка Жак, — мы же не сумасшедшие! И нас было четверо, когда мы выломали дверь!

— Какая все-таки странная рука, — начал я снова, — посмотрите на эту руку.

— Успокойтесь, Сэнклер, — перебил меня Рультабиль, — это самая обыкновенная рука, просто рисунок ее изменен, так как она скользнула по стене. Человек как бы вытер раненую руку о стену. Его рост примерно метр восемьдесят сантиметров.

— Почему вы так думаете?

— По высоте отпечатка руки на обоях.

Затем мой друг занялся следом от пули в стене, который имел вид круглого отверстия.

— Пуля вошла прямо, — сказал Рультабиль, — ни сверху, ни снизу.

Он обратил также наше внимание на то, что входное отверстие находилось на несколько сантиметров ниже, чем след на стене, оставленный

кровавой рукой.

Вернувшись к двери, Рультабиль занялся замком и засовом. Он быстро установил, что, хотя дверь и была выбита снаружи, замок и засов все еще находились на этой выбитой двери, первый заперт, а второй задвинут. Две петли на стене, почти вырванные, висели, удерживаемые винтами.

Молодой репортер внимательно осмотрел петли и дверь и убедился в том, что открыть и закрыть замок снаружи было попросту невозможно. Он убедился также, что пока ключ находился в замке с внутренней стороны, нельзя было открыть дверь снаружи другим ключом.

— Это лучше, — пробормотал он, затем быстро сел на пол и снял ботинки. Оставшись в носках, он вошел в комнату и, наклонившись над опрокинутой мебелью, принялся чрезвычайно внимательно ее изучать. Мы смотрели на него молча, а дядюшка Жак насмешливо произнес:

— Вы уж чересчур затрудняете себя, мой мальчик.

— Вы были правы, дядюшка Жак, — Рультабиль поднял голову, — волосы вашей хозяйки в тот вечер не были спущены на лоб. И как только я, глупец, мог в это поверить!

Гибкий, как змея, он скользнул под кровать.

— Подумать только, — продолжал дядюшка Жак, — что убийца прятался под кроватью. Он уже был здесь, когда около десяти часов вечера я закрывал ставни и зажигал ночник, ведь ни профессор, ни его дочь, ни я не покидали лабораторию до момента преступления.

Под кроватью раздался голос Рультабиля:

— В котором часу ваши хозяева вернулись в лабораторию, чтобы больше уже не покидать ее?

— В шесть часов.

— Да, он забрался сюда, — продолжал голос Рультабиля, — это бесспорно, он мог прятаться только здесь. А когда вы все четверо вошли сюда — под кроватью смотрели?

— Тотчас же. Мы ее даже перевернули, перед тем как поставить на место.

— А между матрасами?

— На кровати находился только один матрас, на который мы и положили мадемуазель Матильду, и привратник с профессором немедленно перенесли этот матрас в лабораторию. На кровати оставалась только металлическая сетка, которая не могла никого скрыть. Наконец, подумайте, сударь, нас ведь было четверо, и ничто не могло ускользнуть от нас. Комната такая маленькая и

почти без мебели.

— Быть может, он выбрался вместе с матрасом, — рискнул предположить я, — быть может, в матрасе? В замешательстве привратник и господин Станжерсон могли и не заметить, что выносят двойную тяжесть. И затем, если привратники были все-таки соучастниками… Я просто высказываю гипотезу. Но она многое объяснила бы, и в особенности отсутствие в лаборатории и в вестибюле тех следов, которые были обнаружены в комнате. Когда раненую переносили из павильона в замок, мгновенная остановка у окна могла помочь преступнику спастись.

— Ну, а дальше-то что? — поинтересовался Рультабиль из-под кровати, весело рассмеявшись.

Я был немного задет.

— Но ведь никто ничего не знает. Здесь все может быть возможно.

Вмешался дядюшка Жак:

— Эту же мысль высказал и судебный следователь. Он приказал тщательно осмотреть матрас, но, в конце концов, посмеялся над собой так же, как сейчас смеется ваш друг, потому что это был обычный тонкий матрас. И затем, мы бы увидели человека в матрасе!

Я и сам засмеялся. Действительно абсурд. Но где начинается и где кончается абсурд в таком деле? Разве что мой друг мог бы дать на это ответ.

— Скажите, — вновь зазвучал из-под кровати голос Рультабиля, — эту циновку переворачивали?

— Да, сударь. Не найдя преступника, мы решили, что в полу может быть дыра.

— Никакой дыры здесь, конечно, нет, — ответил Рультабиль, — а как насчет погреба?

— Ни погреба, ни чего-либо подобного. Судебный следователь и особенно его секретарь осмотрели каждую доску пола.

Наконец репортер показался из-под кровати, его глаза сверкали, ноздри раздувались. Он оставался на четвереньках и походил на большую охотничью собаку, напавшую на след. Казалось, он вынюхивает следы человека, которого поклялся доставить своему хозяину — редактору «Эпок», так как не надо забывать, что Рультабиль прежде всего был журналистом.

Вот так, на четвереньках, он и обшаривал углы комнаты, обнюхивал все, что было на виду и все то, чего мы не видели.

Воспользоваться маленьким туалетным столиком, стоящим на одной ножке, было невозможно.

Шкаф отсутствовал, так как платья мадемуазель Станжерсон хранились в замке. Рультабиль ощупал стены, сложенные из нескольких рядов кирпича, и, покончив с ними, проворно простучал всю поверхность желтых обоев вплоть до потолка, которого он смог коснуться, только взобравшись на стул, водруженный на туалетный столик, и передвигая это шаткое сооружение вдоль всей комнаты.

Покончив с потолком, на котором он, кстати, внимательно осмотрел след второй пули, репортер приблизился к окну — наступила очередь решеток и ставней, солидных и неповрежденных. Наконец, Рультабиль вздохнул и объявил, что теперь он спокоен.

— Ну что, вы убедились, что она была заперта, наша дорогая барышня, когда ее убивали и когда она звала нас на помощь? — простонал дядюшка Жак.

— Да, — сказал репортер, вытирая лоб, — действительно, комната была заперта, как несгораемый шкаф.

— Вот почему эта тайна настолько и удивительна, — заметил я, — даже литература не дает нам подобных примеров. В «Убийстве на улице Морг», если помните, Эдгар По ничего подобного

придумать не смог. Место убийства, правда, было достаточно хорошо закрыто, чтобы исключить бегство мужчины, но имелось окно, через которое мог скрыться убийца, оказавшийся обезьяной. Но здесь нет никакого выхода — дверь заперта, ставни закрыты, даже муха не могла бы проникнуть сюда или покинуть комнату.

— Все верно, все верно, — задумчиво бормотал Рультабиль, вытирая капли пота на лбу. Он, казалось, вспотел не столько от недавней физической нагрузки, сколько от умственного напряжения. — Все верно, это огромная, прекрасная и глубокая тайна.

— Даже Божья благодать, если бы преступление совершила она, не выбралась бы отсюда. Послушайте-ка! Слышите? Тихо! — Дядюшка Жак сделал нам знак замолчать и вытянул руку по направлению к стене, казалось, слушая то, чего мы не слышали.

— Ушла наконец, — придется все-таки убить ее. Уж больно оно зловещее, это животное. Каждую ночь вопит на могиле Святой Женевьевы, и никто не решается ее тронуть из боязни, что матушка Ажену наведет на него порчу.

— Какой величины эта ваша Божья благодать?

— Почти как большая такса, просто чудовище

какое-то. Я уж и то спрашивал себя, не она ли схватила барышню своими когтями за шею, но Божья благодать не носит башмаков, не стреляет из револьвера и не имеет подобной руки! — воскликнул дядюшка Жак, снова указывая нам на кровавый отпечаток. — И затем, мы бы ее увидели также, как увидели бы и человека, и она тоже была бы заперта в комнате и в павильоне, как и человек.

— Конечно, — заметил я, — еще не видя Желтой комнаты, я спрашивал себя, не кошка ли это матушки Ажену.

— И вы тоже? — удивился Рультабиль.

— А вы? — спросил я.

— Нет, ни минуты. Прочитав статью в «Матэн», я сразу понял, что животное тут ни при чем, теперь я могу поклясться, что здесь произошла ужасная трагедия. А почему вы не говорите нам, что нашли берет и платок, дядюшка Жак?

— Их забрал следователь, — запинаясь пробормотал старик.

— Я не видел ни платка, ни берета, — серьезно сказал Рультабиль, — но тем не менее, я могу их подробно вам описать.

— Уж больно вы ловкий, — смущенно кашлянул дядюшка Жак.

— Голубой платок с красными полосами, сделанный из грубой ткани, старый баскский берет, похожий на этот, — и Рультабиль указал на берет дядюшки Жака.

— Однако все верно. Вы что, колдун? — старик попытался рассмеяться. — Как вы узнали, что платок был голубой и с красными полосами?

— Потому что, если бы платок был не голубой и без красных полос, то его вообще не нашли бы.

Не обращая больше внимания на дядюшку Жака, мой друг вынул из кармана кусок белой бумаги, взял ножницы и, наклонившись над следами шагов, принялся вырезать контур подошвы. Результаты своих трудов он передал на хранение мне.

Затем он повернулся к окну и, указав на Фредерика Ларсана, который все еще не покидал берегов пруда, поинтересовался, не заходил ли сыщик взглянуть на Желтую комнату.

— Нет, — ответил Робер Дарзак, не сказавший ни единого слова с тех пор, как Рультабиль передал ему кусок обгорелой бумаги. — Он заявил, что ему не нужно осматривать Желтую комнату, так как убийца ушел оттуда самым естественным образом, и что он все объяснит сегодня же вечером.

Услышав слова Дарзака, Рультабиль побледнел.

— Неужели Фредерик Ларсан обладает знанием истины, которую я еще только предчувствую, — пробормотал он. — Ларсан, конечно, силен, очень силен, и я восхищаюсь им, но на этот раз мало быть опытным сыщиком. Требуется быть логичным, логичным, как Господь Бог, когда он сказал, что два плюс два будет четыре. Важно правильно подойти к решению вопроса!

И репортер устремился из комнаты, обезумев от мысли, что знаменитый Фред может раньше него добиться решения этой загадки.

Я догнал его уже на пороге павильона.

— Успокойтесь, — сказал я, — разве вы недовольны?

— О, — признался он, глубоко вздохнув, — я очень доволен и обнаружил массу интересных вещей.

— Морального или материального порядка?

— Некоторые морального, а одна определенно материального, вот эта, например.

Он быстро вытащил из кармана лист бумаги, засунутый туда во время экспедиции под кровать, и развернул его. На листке я увидел белокурый женский волос.

VIII. *Судебный следователь допрашивает мадемуазель Станжерсон*

Через пять минут, когда Жозеф Рультабиль склонился к следам, обнаруженным в парке под окнами вестибюля, к нам подбежал один из служителей замка и крикнул Роберу Дарзаку, выходившему из павильона:

— Господин Робер, судебный следователь собирается допрашивать мадемуазель Станжерсон!

Дарзак наспех извинился перед нами и бросился бежать по направлению к замку, слуга побежал за ним.

— Если умирающая заговорила, это может быть интересно, — заметил я.

— Мы должны все знать, — ответил мой друг, — идемте в замок.

Он увлек меня за собой, но дежуривший в вестибюле первого этажа жандарм преградил нам путь на лестницу. Мы вынуждены были ждать.

А в комнате жертвы в этот момент происходило следующее.

Домашний врач, полагая, что мадемуазель

Станжерсон чувствует себя несколько лучше, но опасаясь, что она вновь потеряет сознание и допросить ее не удастся, счел своим долгом предупредить судебного следователя, и этот последний решил немедленно приступить к краткому допросу.

На допросе присутствовали господин Марке, его секретарь, господин Станжерсон и врач. Позднее, во время процесса, я раздобыл текст этого допроса. Вот он, со всей своей юридической сухостью.

Вопрос: Можете ли вы, мадемуазель, не утомляясь, сообщить нам некоторые подробности ужасного нападения, жертвой которого вы стали?

Ответ: Я чувствую себя значительно лучше и расскажу вам все, что знаю. Войдя в свою комнату, я не заметила ничего необычного.

В. Извините, мадемуазель. Если позволите, я буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать. Это утомит вас меньше, чем длинный рассказ.

О. Хорошо.

В. Что вы делали в течение дня? Я хочу

это знать как можно подробнее и проследить все ваши поступки. Я не требую от вас слишком многого.

О. Я встала поздно, часов в десять. Мой отец и я вернулись накануне поздно ночью, так как присутствовали на обеде и приеме, данном президентом республики в честь делегатов Филадельфийской Академии наук. В половике одиннадцатого, когда я вышла из моей комнаты, отец уже сидел за работой в лаборатории. Мы проработали вместе до двенадцати часов, затем совершили получасовую прогулку по парку. После завтрака в замке мы вновь погуляли, как всегда, до половины второго и вдвоем вернулись в лабораторию. Там мы застали горничную, убиравшую мою спальню, и я вошла в Желтую комнату, чтобы дать несколько несущественных распоряжений прислуге, которая тотчас же оставила павильон, а мы с отцом приступили к работе. В пять часов мы вышли, чтобы снова прогуляться и выпить чаю.

В. Уходя в пять часов, вы заходили в вашу комнату?

О. Нет, туда заходил мой отец. Я попросила его взять мою шляпу.

В. Он не заметил там ничего необычного?

Господин Станжерсон. Я ничего не заметил.

В. Во всяком случае, ясно, что в этот момент убийцы под кроватью еще не было. Уходя, вы не запирали комнату на ключ?

Мадемуазель Станжерсон. Нет, для этого не было никаких оснований.

В. Сколько времени вы отсутствовали в павильоне на этот раз?

О. Примерно около часа.

В. Несомненно, в течение этого часа преступник и забрался в павильон. Но как? Это неизвестно. В парке найдены следы шагов, которые идут от окна вестибюля, но следов, которые бы вели к вестибюлю, не обнаружено. Вы не заметили, когда выходили с отцом, окно вестибюля было открыто?

О. Я не помню.

Господин Станжерсон. Оно было закрыто.

В. А когда вы вернулись?

Мадемуазель Станжерсон. Я не заметила.

Господин Станжерсон. Оно все еще было закрыто. Я помню это очень хорошо, так как, вернувшись, громко сказал: «Во время нашего отсутствия дядюшка Жак мог бы открыть окно и проветрить помещение».

В. Странно, странно. Припомните, господин Станжерсон, что дядюшка Жак, пока вас не было, открыл его, прежде чем уйти. Итак, вы вернулись в лабораторию в шесть часов и снова приступили к работе?

Мадемуазель Станжерсон. Да, господин судебный следователь.

В. И после этого вы больше не оставляли лабораторию, до того как ушли в свою комнату?

Господин Станжерсон. Ни я, ни моя дочь. У нас была срочная работа, и мы не могли терять ни минуты. Поэтому мы ни на что не обращали внимания.

В. Вы обедали в лаборатории?

О. Да, по той же причине.

В. Вы обычно обедаете в лаборатории?

О. Мы там обедаем довольно редко.

В. Преступник мог знать, что этим вечером вы будете обедать в лаборатории?

Господин Станжерсон. Боже мой! Я этого не думаю, мы решили обедать в лаборатории уже около шести часов вечера, когда возвращались в павильон. В это время ко мне подошел сторож, попросивший пройти с ним в лесок, который я намеревался срубить, но я торопился, и мы отложили вопрос на завтра. Тогда-то я и попросил сторожа, который должен был пройти мимо замка, предупредить дворецкого, что мы собираемся обедать в лаборатории. Сторож отправился выполнять мое поручение, а я присоединился к дочери, которой еще раньше передал ключ от павильона. Она оставила ключ с наружной стороны двери и уже работала.

В. В котором часу вы, мадемуазель, вошли в спальню, оставив продолжавшего работать отца в лаборатории?

Мадемуазель Станжерсон. В полночь.

В. Дядюшка Жак заходил в течение вечера в Желтую комнату?

О. Чтобы закрыть ставни и зажечь ночник, как обычно.

В. Он ничего подозрительного не заметил?

О. Старик сказал бы нам об этом. Дядюшка Жак честный человек и очень меня любит.

В. Вы утверждаете, господин Станжерсон, что после этого дядюшка Жак не покидал лаборатории? Что он все время оставался с вами?

О. Я уверен в этом. На этот счет у меня нет никаких сомнений.

В. Мадемуазель, когда вы вошли в вашу комнату, то сразу же закрыли дверь на замок и задвижку. Сколько предосторожностей! А ведь вы знали, что и отец, и слуга находятся здесь, рядом. Вы чего-то боялись?

Мадемуазель Станжерсон. Мой отец должен был вскоре отправиться в замок, а дядюшка Жак пойти спать. И потом, мне действительно было как-то не по себе.

В. Настолько, что вы взяли револьвер дядюшки Жака, ничего ему не сказав?

О. Это правда. Я не хотела никого пу-

гать, тем более что мои страхи могли оказаться просто смешными.

В. Чего же вы боялись?

О. Я не могу вам точно ответить. Вот уже несколько ночей мне казалось, что я слышу шум, иногда шаги или треск ветвей. В ночь перед покушением, ложась спать около трех часов после нашего возвращения из Елисейского дворца, я остановилась у окна, и мне показалось, что я вижу тени…

В. Сколько теней?

О. Две тени, которые двигались вокруг пруда, затем луна зашла, и я больше ничего не видела. Все годы в это время я уже переселялась в замок и возвращалась к своим зимним привычкам. Но в этот раз я решила оставить павильон только после того, как мой отец подведет для Академии итоги своих работ по распаду материи. Я не желала, чтобы окончанию этого фундаментального труда помешали какие-нибудь перемены в нашем укладе. Оставалось всего несколько дней, и я не хотела рассказывать отцу о своих страхах, не рассказала я о них и дядюшке Жаку,

который мог бы проговориться. Так как я знала, что он прячет свой револьвер в тумбочке, то без затруднений взяла днем оружие, когда старый добряк вышел. Потом я спрятала револьвер в ящике своего ночного столика.

В. У вас были враги?

О. Никаких.

В. Вы понимаете, мадемуазель, что эти необычные предосторожности кажутся очень странными?

Господин Станжерсон. Конечно, дитя мое, вот уж действительно странные предосторожности.

Мадемуазель Станжерсон. Говорю вам, что в течении последних двух ночей я была неспокойна, очень неспокойна.

Господин Станжерсон. Ты должна была сказать мне об этом. Это не простительно, мы могли бы избежать несчастья.

В. Закрыв двери Желтой комнаты, вы легли спать?

О. Да. И так как очень устала, то сразу же уснула.

В. Ночник оставался гореть?

О. Да, но он дает мало света.

В. Итак, мадемуазель, расскажите, что произошло.

О. Я не знаю, долго ли я спала, но вдруг я проснулась и громко закричала…

Господин Станжерсон. Да, да, ужасный крик. Он все еще стоит у меня в ушах.

В. Итак, вы громко закричали…

О. В моей комнате был человек. Он бросился на меня, схватил за шею и начал душить, я уже задыхалась, но тут моя рука нащупала в полупустом ящике ночного столика револьвер, который я туда положила. Он был заряжен. В этот момент человек повалил меня к подножию кровати и обрушил что-то на мою голову, но я выстрелила. Тотчас я почувствовала сильный, ужасный удар по голове. Все это, господин судебный следователь, произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю. Больше мне добавить нечего.

В. Больше ничего? И вы не имеете представления, каким образом преступник мог скрыться из вашей спальни?

О. Ни малейшего представления, и я больше ничего не помню. Нельзя же знать, что происходит вокруг вас, когда

вы без сознания.

В. Он был большого роста или маленького?

О. Я видела только тень, которая показалась мне огромной.

В. Вы не можете больше ничем помочь следствию?

О. Я больше ничего не знаю. Человек напал на меня, а я в него выстрелила. Вот и все.

Здесь оканчивается допрос мадемуазель Станжерсон.

Мой друг с нетерпением ждал появления Робера Дарзака, который не замедлил явиться. Он слушал допрос мадемуазель Станжерсон в соседней комнате и с удивившей меня покорностью чуть ли не дословно пересказал нам его содержание. Благодаря поспешным карандашным заметкам, он с почти стенографической точностью воспроизвел вопросы и ответы.

В самом деле, Робер Дарзак, казалось, стал секретарем моего молодого друга и вел себя так, будто ни в чем не мог ему отказать.

Тот факт, что окно было закрыто, очень поразил Рультабиля, так же как и судебного следователя.

Кроме того, Рультабиль попросил Дарзака повторить ему, как отец и дочь провели день накануне драмы. Обед в лаборатории также чрезвычайно заинтересовал репортера, и он заставил дважды повторить то место допроса, из которого следовало, что об этом знал только сторож, а также и то, как он об этом узнал.

— Вот допрос, который не продвигает дела вперед, — сказал я, когда Дарзак замолчал.

— Он его затрудняет, — заметил Дарзак.

— Он его проясняет, — произнес Рультабиль задумчиво.

IX. *Репортер и полицейский*

Мы все трое возвращались к павильону. В сотне метров от здания репортер остановил нас и, показав на небольшие кусты справа, заметил:

— Чтобы попасть в павильон, преступник вышел отсюда.

Так как вокруг имелись и другие кусты подобного рода, я позволил себе поинтересоваться, почему он выбрал именно эти. Рультабиль ответил, указав на дорожку, которая проходила вблизи кустов и вела к дверям павильона.

— Как видите, эта дорожка посыпана гравием, поэтому необходимо, чтобы, направляясь к павильону, человек прошел именно здесь, так как на мягкой земле его следов нет. Не летел же он по воздуху. Значит, он шел по гравию, на котором его следы не сохранились. По этой дорожке ходят, конечно, многие, потому что она ведет из павильона в замок самым коротким путем. Неувядающие зимой кусты лавра и бересклета служили убийце надежным убежищем, пока тот не смог направиться к павильону. Спрятавшись в кустах, он видел, как оттуда вышли профес-

сор и его дочь, а затем и дядюшка Жак. Гравий насыпан почти до окна вестибюля. Следы, параллельные стене, следы, которые мы сейчас увидим и которые я уже видел, доказывают, что преступнику надо было сделать только один шаг, чтобы оказаться напротив окна, оставленного распахнутым стариной Жаком. Он подтянулся на руках и оказался в вестибюле.

— В конце концов, это вполне возможно, — заметил я.

— Что значит «в конце концов», — воскликнул Рультабиль, охваченный внезапным гневом, причиной которого невольно послужил я, — в конце чего это, хотел бы я знать!

Я умолял его не сердиться, но Рультабиль не желал меня слушать. Он заявил, что восхищается разумным сомнением, с которым некоторые люди (я, в частности) подходят к решению самых простых проблем, никогда не отваживаясь сказать «это так» или «это не так». Таким образом они приходят к результату, который был бы достигнут и в том случае, если бы природа вообще забыла вложить мозги в их череп.

Так как я обиделся, Рультабиль взял меня под руку и заявил, что он не имел в виду конкретно меня, которого ценит весьма высоко и необыкно-

венно уважает.

— Так или иначе, — продолжал он, — иногда бывает просто преступно рассуждать здраво, когда это возможно, конечно. Если не принимать в расчет гравий, как это делаю я, то пришлось бы призвать на помощь воздушный шар. Мой дорогой, воздухоплавание еще не настолько развито, чтобы включать в цепь моих рассуждений убийцу, падающего с неба, так что не следует говорить «возможно», когда иначе и быть не может. Мы знаем теперь, как этот человек проник через окно в вестибюль, мы знаем и когда он проник. Факт присутствия в павильоне горничной, пришедшей убирать Желтую комнату в половине второго, в момент возвращения профессора с дочерью, позволяет нам утверждать, что в это время преступника под кроватью еще не было, если только горничная не была его соучастницей. Что вы на это скажете, господин Дарзак?

Дарзак покачал головой и заявил, что он уверен в честности горничной мадемуазель Станжерсон, которая всегда была честной и преданной служанкой.

— И затем в пять часов сам господин Станжерсон вошел в комнату, чтобы взять шляпу своей дочери, — прибавил он.

— Это так, — согласился Рультабиль.

— Вполне допустимо, — заметил я, — что человек проник через окно в указанное вами время, но почему он его закрыл? Такой поступок мог бы сразу привлечь внимание того, кто его открывал.

— Быть может, окно и не было закрыто сразу, — ответил мне репортер, — но если он все же его закрыл, то сделал это по причине изгиба гравийной дорожки в двадцати пяти метрах от павильона и тех трех дубов, которые растут в этом месте.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил следовавший за нами Дарзак. Он слушал Рультабиля с напряженным вниманием.

— Я объясню это позднее, когда сочту момент наиболее подходящим, но думаю, что более важных слов, связанных с этим делом, я еще не произносил. Конечно, если мои предположения оправдаются.

— А каковы ваши предположения?

— Вы их никогда не узнаете, если они окажутся ошибочными. Это чересчур важная гипотеза, и раскрывать ее раньше времени не следует.

— Есть ли у вас, по крайней мере, какие-нибудь предположения относительно убийцы?

— Нет, я не знаю, кто этот человек, но будьте уверены, господин Дарзак, я это узнаю.

Должен констатировать, что Робер Дарзак был очень взволнован. И подозреваю, что утверждение Рультабиля не очень-то ему понравилось. Но если он действительно боится разоблачения убийцы, то почему помогает репортеру его найти? Казалось, мой молодой друг также почувствовал это.

— Вы не хотите, господин Дарзак, чтобы я нашел преступника? — довольно резко спросил он.

— Ах, я желал бы уничтожить его собственными руками! — воскликнул жених мадемуазель Станжерсон, с порывом, который меня поразил.

— Я вам верю, — серьезно ответил Рультабиль, — но вы не ответили на мой вопрос.

Мы миновали кусты, о которых мой друг только что говорил. Я их раздвинул и сразу же показал ему на отчетливые следы скрывавшегося здесь человека — Рультабиль еще раз был прав.

— Да, — сказал он, — безусловно, мы имеем дело с живым человеком, обладающим теми же возможностями, что и все мы, простые смертные, а посему все, в конце концов, объяснится.

Сказав это, он попросил у меня бумажный контур отпечатка и приложил его к ясному следу.

— Черт побери, — пробормотал он, выпрямляясь.

Я полагал, что теперь мы последуем за следами, которые вели от окна вестибюля, но он увлек нас довольно далеко влево, заявив, что бесполезно копаться в этой грязи, так как теперь он знает весь путь бегства убийцы.

— Он прошел до конца стены в пятидесяти метрах отсюда и затем перепрыгнул через ограду и ров, как раз напротив дорожки, ведущей к пруду. Это наиболее короткий путь, чтобы выбраться из поместья и дойти до пруда.

— А откуда вы знаете, что он пошел именно к пруду?

— Потому что Фредерик Ларсан с утра не оставляет его берегов. Вероятно, там остались какие-то следы.

Через несколько минут и мы подошли к этой болотистой водной поверхности, окруженной тростником, на которой плавали несколько увядших листьев кувшинок. Великий Фред, быть может, и видел, как мы приближались, но не обратил на нас никакого внимания и продолжал концом своей трости шевелить что-то, чего мы разглядеть не могли.

— Посмотрите, — сказал Рультабиль, — вот

снова следы шагов убегающего преступника. Они огибают здесь пруд, возвращаются и, наконец, пропадают как раз перед тропинкой, ведущей к дороге на Эпиней. Отсюда он продолжал свое бегство к Парижу.

— Что вас заставляет это предполагать? — спросил я. — Ведь на тропинке следов этого человека больше нет.

— Но есть другие следы, причем именно те, которые я и ожидал здесь увидеть! — воскликнул он, указывая на очень ясный узковатый отпечаток подошвы элегантных туфель. — Посмотрите! Господин Фред, — обратился он к Ларсану, — скажите пожалуйста, эти изящные следы на дороге обнаружены здесь уже после преступления?

— Да, молодой человек, и весьма тщательно исследованы, как видите, они приходят и уходят отсюда вновь.

— У этого человека был велосипед! — воскликнул репортер.

Разглядывая отпечатки велосипедных шин, которые следовали в обоих направлениях за «изящными следами», я счел возможным вмешаться:

— Велосипед объясняет исчезновение грубых следов убийцы. Он сел на велосипед, с которым

его ждал сообщник, человек в модных туфлях. Это произошло где-то здесь, на берегу пруда. Можно предположить, что преступник действовал по поручению этого человека, оставляющего изящные следы.

— Нет, нет, — загадочно улыбнулся Рультабиль, — я с самого начала ожидал найти эти отпечатки и просто так вам их не уступлю. Это следы убийцы!

— А другие следы, более грубые?

— И это следы убийцы.

— Значит, их двое?

— Нет. Убийца был один, и сообщника он тоже не имел.

— Неплохо, молодой человек, очень неплохо, — пробормотал Ларсан.

— Посмотрите, — продолжал репортер, указывая на землю, разрыхленную грубыми каблуками, — здесь человек сел и снял свои грубые башмаки, которые он надевал, чтобы ввести следствие в заблуждение. Затем он поднялся уже в своей настоящей обуви и пешком добрался до большой дороги, ведя велосипед рядом. Грубые башмаки преступник, без сомнения, взял с собой, чтобы не оставлять улик.

Рисковать и ехать по этой отвратительной до-

роге на велосипеде он не мог. Это подтверждают и слабые отпечатки велосипедных шин на тропинке, несмотря на мягкую почву. Если бы человек сидел на велосипеде, то следы на земле были бы значительно глубже. Нет, нет, здесь был только один человек: преступник, шедший пешком!

— Браво, — еще раз произнес Великий Фред, — просто великолепно.

Неожиданно он подошел к нам и остановился перед Робером Дарзаком.

— Будь у нас велосипед, мы бы, подтвердили правильность соображений этого молодого человека. Нет ли в замке велосипеда, сударь?

— Нет, — ответил Дарзак, — свой я отвез в Париж четыре дня тому назад, когда был здесь в последний раз перед преступлением.

— Жаль, — холодно заметил Ларсан и повернулся к Рультабилю, — если так будет продолжаться и дальше, то мы с вами придем к одинаковому выводу, молодой человек. Знаете ли вы уже, как убийца выбрался из Желтой комнаты?

— Да, — ответил мой друг, — кое-что я, пожалуй, предполагаю.

— Я также, — продолжал Ларсан, — и наши мнения должны совпадать. В этом деле просто не может быть двух мнений, и я ожидаю только

прибытия моего шефа, чтобы дать следствию необходимые пояснения.

— Должен приехать начальник сыскной полиции?

— Да, после полудня. Судебный следователь решил провести очную ставку всех тех, кто играл или мог играть какую-нибудь роль в этой драме. Это будет весьма интересно. Жаль, что вы не сможете там присутствовать.

— Я буду присутствовать, — заявил Рультабиль.

— В самом деле? Что ж, вы действительно необычный человек… для своего возраста! — заметил Ларсан тоном, не лишенным некоторой иронии, — из вас вышел бы превосходный сыщик, будь вы немного последовательнее и менее склонны полагаться лишь на рассудок. Я уже несколько раз отмечал, господин Рультабиль, что вы чересчур много рассуждаете. Вы просто не допускаете, чтобы наблюдение само вело вас. Что вы скажете по поводу окровавленного платка и отпечатка руки на стене? Вы видели след окровавленной руки? Я видел только платок. Говорите же!

— Мадемуазель Станжерсон ранила убийцу в руку из револьвера, — неуверенно произнес

Рультабиль.

— Это чисто умозрительное заключение. Берегитесь, Рультабиль, вы чересчур логичны, и логика сыграет с вами плохую шутку, если вы будете обращаться с ней настолько грубо. С логикой следует обходиться бережно, подходить к ней издалека. Вы правы, когда говорите о револьвере в руках мадемуазель Станжерсон, она, бесспорно, стреляла. Но, предполагая, что ей удалось ранить убийцу в руку, вы ошибаетесь.

— Я уверен в этом! — воскликнул Рультабиль.

— Ошибка наблюдения, — невозмутимо перебил его Фред, — исследование платка, бесчисленное количество маленьких круглых пятен, характер капель, которые я обнаружил на отпечатках шагов, все это доказывает что рана здесь ни при чем. Просто у преступника пошла носом кровь.

Великий Фред был серьезен, а я не мог удержаться от удивленного восклицания. Репортер и полицейский смотрели друг на друга.

— Человек, у которого шла носом кровь, — заключил Фред, — и руку, и платок вытер об стену. Это очень серьезный вопрос, так как человек вовсе не обязательно должен быть ранен в руку, чтобы оказаться преступником.

— Есть нечто более важное, господин Фред, чем насилие над логикой, — серьезно ответил Рультабиль, — это направление ума некоторых полицейских, заставляющее логику подчиняться их представлениям. У вас уже сложилось о преступнике свое мнение, и вам надо, чтобы руки убийцы были в полном порядке, иначе все ваши предположения рассыплются как карточный домик. Эта система очень опасна, господин Фред, вы исходите из своих представлений об убийце, чтобы прийти к доказательствам, которые вам нужны! Это может вас далеко завести, берегитесь ошибки, сударь, она вас уже подстерегает!

И, улыбнувшись, держа руки в карманах, Рультабиль устремил на Великого Фреда взгляд своих маленьких круглых глаз. Фредерик Ларсан молча смотрел на мальчишку, который считал себя мудрее его. Он пожал плечами, раскланялся и ушел, широко шагая и постукивая по булыжникам своей длинной тростью.

Рультабиль посмотрел, как он удаляется, потом повернулся к нам с радостным и торжествующим видом.

— А ведь я его одолею, — воскликнул он, — я одолею самого Фреда, как бы велик он ни был! Я возьму верх над всеми. Великий Фред, известный,

знаменитый Фред, единственный и неповторимый, рассуждает, как сапожник!

Вдруг он замолчал. Я проследил за направлением его взгляда и увидел Робера Дарзака, который с отчаянным лицом смотрел на следы своих шагов на дорожке рядом с отпечатками элегантных туфель. Между ними не было никакой разницы!

Мы решили, что Дарзак сейчас потеряет сознание, его расширившиеся от ужаса глаза старались избегать наших взглядов, в то время как правая рука нервно теребила бородку. Наконец он взял себя в руки. Поклонившись и пробормотав изменившимся голосом, что ему срочно нужно вернуться в замок, он ушел.

— Черт побери! — только и сказал Рультабиль.

Репортер также имел достаточно удрученный вид, он вновь вытащил из бумажника лист белой бумаги и по отпечатку на земле вырезал ножницами контуры узких подошв преступника. Затем он нанес их на вырезанные контуры обуви господина Дарзака. Совпадение обоих следов было полным, и Рультабиль поднялся с земли, повторив:

— Черт побери!

Я не решался произнести ни слова, так как представлял себе, насколько важным было то,

что происходило сейчас в мозгу Рультабиля.

— И все же, — сказал он, — я думаю, что Робер Дарзак — честный человек.

Взяв меня под руку, он направился к трактиру «Башня», который виднелся в километре от нас у дороги, подле небольшой рощицы деревьев.

X. *«…Теперь придется есть говядину…»*

Трактир был достаточно непригляден, но я очень люблю эти домишки с балками, почерневшими от времени и дыма очага, эти трактиры эпохи дилижансов, от которых вскоре останутся одни воспоминания. Они связаны с прошлым и заставляют вспоминать о старых преданиях.

Я прикинул, что зданию «Башни» было, по крайней мере, лет двести, если не больше. Над входной дверью поскрипывала на ветру железная вывеска — какой-то местный художник изобразил на ней башню, увенчанную остроугольной крышей и фонарем, весьма похожую на свой оригинал в замке Гландье. Под этой вывеской на пороге стоял человек, погруженный в мрачные мысли, о чем можно было судить по складкам на нахмуренном лбу и нелюбезному виду.

Когда мы приблизились, он соизволил нас заметить и осведомился, не испытываем ли мы какой-либо нужды. Не слишком-то приветливый хозяин был у этого очаровательного жилища. Мы выразили надежду, что здесь нас покормят

завтраком, но он заявил, что провизия у него отсутствует и удовлетворить нас ему будет затруднительно. Произнеся это, он замолчал и принялся нас с недоверием разглядывать.

— Вы можете принимать нас совершенно спокойно, — сказал Рультабиль, — мы не служим в полиции.

— Я не боюсь полиции, — ответил хозяин, — и вообще никого не боюсь.

Я попытался объяснить знаками моему другу, что нам лучше было бы не настаивать, но ему явно хотелось войти, и он проскользнул в трактир за спиной у хозяина.

— Заходите, — прозвучал оттуда его голос, — здесь весьма уютно.

И действительно, в камине весело потрескивали поленья, так что мы могли протянуть руки к огню, ибо этим утром уже чувствовалось приближение зимы. Комната была довольно просторной. Два солидных деревянных стола, несколько табуреток и стойка, где в ряд выстроились бутылки с сиропами и спиртом, заполняли помещение. Все три окна выходили на дорогу.

Плакат на стене, изображавший молодую улыбающуюся парижанку с поднятым стаканом, расхваливал достоинства нового вермута. На

верхней доске камина трактирщик выставил большое количество горшков и кружек из керамики и фаянса.

— В этом прекрасном камине, — заметил Рультабиль, — неплохо было бы зажарить цыпленка.

— У нас нет цыплят, — мрачно ответил хозяин, — дрянного кролика и того нет.

— Я знаю, — сказал мой друг насмешливым тоном, что меня, признаться, весьма удивило, — я знаю, теперь нам придется есть говядину.

Я не очень-то понял Рультабиля. Однако трактирщик, услышав эти слова, подавил сдержанное проклятье и, вздохнув, предоставил себя в наше распоряжение так же покорно, как и Робер Дарзак, услышавший фразу: «Дом не потерял своего очарования, а сад — своего блеска». Действительно, мой друг обладал удивительной способностью покорять людей, произнося непонятные фразы. Я сказал ему об этом, но он только улыбнулся. Я бы предпочел кое-какие объяснения с его стороны, однако Рультабиль приложил палец к губам, что означало не столько нежелание говорить, сколько рекомендацию помалкивать.

Тем временем трактирщик, приоткрыв маленькую дверь, потребовал у кого-то полдюжины яиц и кусок филе. Поручение было тотчас исполнено

молодой приветливой женщиной с прекрасными белокурыми волосами, ее большие нежные глаза смотрели на нас с любопытством.

— Убирайся, — грубо отослал ее трактирщик, — и, если вновь объявится этот тип в зеленом, чтобы я тебя здесь больше не видел.

Она исчезла, а Рультабиль принялся за яйца, которые ему принесли в чашке, и за мясо, поданное на блюде: взяв сковородку и рашпер, он начал взбивать омлет и поджаривать шипящий бифштекс. Приказав подать еще две бутылки сидра, он, казалось, вовсе перестал обращать внимание на нашего хозяина, а трактирщик то поглядывал на Рультабиля, то смотрел на меня с тщетно скрываемым беспокойством. Он поставил наши приборы у окна и предоставил нам заниматься стряпней самостоятельно.

— А! Ну вот и он, — неожиданно пробормотал трактирщик и уставился через окно на дорогу с искаженным от злобы лицом.

Мне не надо было предупреждать Рультабиля, молодой человек уже оставил свой омлет и присоединился к хозяину у окна. Я последовал за ним.

По дороге, не спеша, шел человек в зеленом бархатном костюме, круглой фуражке того же цвета, с ружьем через плечо. Лет сорока — сорока

пяти, этот человек был поразительно красив и держался почти с аристократической непринужденностью. Проходя мимо трактира, он, казалось, хотел войти, но, бросив на нас взгляд, выпустил из трубки короткую струйку дыма и тем же небрежным шагом продолжил прогулку.

Рультабиль и я посмотрели на хозяина, сверкающие глаза, сжатые кулаки и дрожащие губы которого ясно показывали, что за чувства его одолевали.

— И правильно сделал, что поостерегся сегодня входить, — прошептал он.

— Кто этот молодец? — спросил Рультабиль, возвращаясь к своему омлету.

— Человек в зеленом, — проворчал хозяин. — Вы не знакомы? Тем лучше для вас, он и не стоит знакомства. Это сторож господина Станжерсона.

— Вы его, кажется, не очень-то жалуете? — небрежно обронил репортер, переворачивая омлет на сковородке.

— Никто его здесь не любит, сударь. Кроме того, этот гордец когда-то имел состояние, а теперь вымещает на других свою злость за то, что и сам вынужден быть слугой, чтобы зарабатывать на жизнь. Ибо сторож — это такой же лакей, как и другие, не так ли? Честное слово, можно поду-

мать, что он и есть хозяин Гландье и что именно ему принадлежат все эти леса и земли. Он запрещает бедняку позавтракать на траве куском хлеба. На его траве, видите ли!

— Он заглядывает и сюда?

— Даже чересчур часто, но я ясно дал понять, что мы ему не компания. Вот уже месяц, как он стал докучать мне, а раньше трактир «Башня» для него не существовал. У него, видите ли, не было времени. Еще бы! Он ухаживал за хозяйкой «Трех лилий» в Сен-Мишеле, а теперь у них наступило охлаждение, вот он и ищет, где бы провести время в другом месте. Ни один честный человек его не выносит, и привратники в замке тоже терпеть не могли этого зеленого человека.

— По вашему мнению, они честные люди, господин трактирщик?

— Называйте меня папаша Матье, это мое имя. Так вот, это честные, порядочные люди, и это такая же истина, как и то, что меня зовут Матье.

— Тем не менее, их арестовали.

— Ну и что это доказывает? Впрочем, в эти дела я не вмешиваюсь.

— А что вы думаете о преступлении в замке?

— О покушении на нашу бедную барышню? Хорошая девушка, ее все кругом любили. Что я

думаю?

— Да, что вы думаете?

— Ничего или кое-что… но это никого не касается.

— Даже меня? — настаивал Рультабиль.

— Даже вас.

Омлет был наконец готов, мы уселись за стол и принялись молча завтракать. В этот момент кто-то толкнул входную дверь и на пороге показалась старуха в лохмотьях, с дрожащей головой, неряшливыми волосами, свисающими на покрытый лоб, и палкой в руке.

— А вот и матушка Ажену, — сказал хозяин, — давненько вы к нам не заглядывали.

— Я была больна, чуть не умерла совсем, — ответила старуха, — нет ли у вас каких остатков для моей зверушки?

Она вошла в трактир в сопровождении кошки огромных размеров. В жизни я не видывал ничего подобного. Животное посмотрело на нас и так отчаянно замяукало, что я невольно вздрогнул. Мне еще никогда не приходилось слышать более мрачного крика.

Как будто привлеченный этими звуками, следом за старухой вошел и Человек в зеленом. Он поприветствовал нас, приложив руку к фуражке,

и расположился за соседним столиком.

— Дайте мне стакан сидра, папаша Матье, — попросил он.

Хозяин двинулся было угрожающе ему навстречу, но сдержался и только буркнул в ответ:

— Больше нет сидра, я отдал последнюю бутылку этим господам.

— Тогда рюмку белого, — сказал Человек в зеленом, не проявляя на малейшего удивления.

— И белого вина больше нет, ничего больше нет! — повторил папаша Матье глухим голосом.

— А как поживает ваша уважаемая жена? — не унимался гость.

При этом вопросе трактирщик сжал кулаки, но вновь сдержался и насмешливо процедил:

— Прекрасно поживает, большое спасибо.

Так, значит, молодая женщина, которую мы только что видели, была женой этого грубияна, над всеми физическими недостатками которого доминировал еще и моральный изъян — ревность.

Хлопнув дверью, трактирщик вышел из комнаты. Матушка Ажену все еще стояла у порога, опершись на палку, с кошкой у ног.

— Вы были больны, матушка Ажену? — спросил ее Человек в зеленом. — Я целую неделю вас

не видел.

— Да, господин сторож. Я и вставала-то только три раза, чтобы пойти помолиться нашей доброй покровительнице — святой Женевьеве, а все остальное время лежала в кровати. За мною никто не ухаживал, кроме моей кошечки.

— И никуда ваша кошечка не выходила?

— Как бог свят!

— Странно, а люди говорят будто в ночь преступления слышались ее вопли.

Матушка Ажену стукнула клюкой об пол.

— Все это выдумки, если хотите знать, голос моей Благодати божьей ни с чем не перепутаешь. В ту ужасную ночь я тоже слышала крики, да только она все время лежала у меня на коленях и даже ни разу не мяукнула, клянусь вам.

Я не сводил глаз со сторожа и убежден, что он насмешливо улыбался, слушая причитания матушки Ажену.

В этот момент до нас донеслась брань, крики и глухие удары. Человек в зеленом поднялся и решительно направился к маленькой двери, но она распахнулась ему навстречу — на пороге показался трактирщик.

— Не волнуйтесь, сударь, — сказал он сторожу, усмехаясь, — это у моей жены зубы болят. Вот,

матушка Ажену, здесь требуха для вашей кошки.

Старуха жадно схватила пакет и вышла в сопровождении своего чудовища.

— Вы не хотите мне ничего подать? — спросил сторож.

Папаша Матье не мог больше сдерживать свою ненависть.

— Для вас ничего не было и не будет, убирайтесь немедленно!

Человек в зеленом спокойно разжег свою трубку, раскланялся с нами и вышел.

Едва он оказался за порогом, как папаша Матье с силой захлопнул дверь и повернулся к нам с налитыми кровью глазами и пеной на губах. Указывая рукой на дверь, закрытую за ненавистным ему человеком, он гневно воскликнул:

— Сударь, я не знаю, кто вы, сказавший мне, что теперь нам придется есть говядину, но если это вас интересует — вот он, убийца!

Почти прокричав последние слова, папаша Матье тотчас же нас покинул. Рультабиль повернулся к очагу:

— Что же, теперь мы наконец-то дожарим наши бифштексы. Как вы находите сидр? Крепковат немного, но я такой люблю.

В тот день папаша Матье больше не появлялся,

и в трактире воцарилась глубокая тишина. Мы вышли, оставив на столе пять франков за поданную нам еду и напитки.

Рультабиль заставил меня пройти около мили вокруг поместья профессора Станжерсона. Минут на десять он остановился у черной от сажи тропинки, ведущей к убогим избушкам местных угольщиков, расположившихся в лесу святой Женевьевы, подле дороги из Эпиней в Корбейль.

Мой друг полагал, что преступник, учитывая состояние его грубой обуви, прошел именно здесь, до того как проник в поместье и спрятался в кустах.

— Вы, значит, не верите, что в этом деле замешан сторож? — перебил я его.

— Позже увидим, — ответил он, — сейчас меня мало заботят мысли трактирщика по поводу этого человека. Он говорил с такой ненавистью! Во всяком случае, я вас привел в «Башню» не ради Человека в зеленом.

Говоря так, Рультабиль с большими предосторожностями пробрался (и я, разумеется, последовал за ним) к домику у ограды, служившему жильем привратникам, которых арестовали сегодня утром. С ловкостью акробата он проник в помещение через открытое слуховое окно и

вылез оттуда спустя десять минут, произнеся свое неизменное «черт побери», что в его устах многое означало.

Когда мы направились к замку, у ворот началась какая-то суматоха. Подъехала коляска, из замка показались встречающие. Рультабиль указал мне на только что прибывшего человека:

— Это начальник сыскной полиции. Поглядим, что же надумал Фредерик Ларсан и так ли уж он велик, как поговаривают.

За коляской начальника сыскной полиции следовали три других экипажа с репортерами, которые также вознамерились пройти в парк. Но у ворот поставили двух жандармов и строго наказали никого не пускать. Начальник сыскной полиции успокоил представителей прессы, пообещав этим же вечером предоставить всю информацию, которую он может сообщить без ущерба для следствия.

XI. *ГЛАВА, в которой Фредерик Ларсан объясняет, как убийца мог выйти из Желтой комнаты*

В массе посвященных Желтой комнате бумаг, свидетельств, воспоминаний и газетных вырезок, которыми я располагаю, находится один из интереснейших документов. Это пересказ знаменитого допроса, который имел место во второй половине дня в лаборатории профессора Станжерсона, в присутствии начальника сыскной полиции. Данная запись была сделана господином Маленом, секретарем судебного следователя, который, так же как и его шеф, в свободное время баловался литературой. Этот отрывок должен был составить часть книги под названием «Мои допросы», никогда, впрочем, не увидевшей свет. Документ был передан мне самим секретарем некоторое время спустя после неожиданной развязки этого исключительного судебного дела. Вот он. Это не сухое изложение вопросов и ответов. Секретарь судебного следователя приводит здесь иногда и свои личные впечатления.

Записки секретаря

«Вот уже целый час, как судебный следователь и я находимся в Желтой комнате вместе с архитектором, построившим павильон по планам профессора Станжерсона. Господин Марке приказал очистить стены, и подручный архитектора сорвал с них обои. Удары киркой в разных местах достаточно убедительно продемонстрировали отсутствие какого-либо отверстия. Пол и потолок также изучены довольно тщательно. Мы ничего не нашли, и господин Марке казалось, был в восторге.

— Какое дело, господин архитектор, — неоднократно повторял он, — какое прекрасное дело! Вы увидите, что мы так никогда и не узнаем, как выбрался убийца из этой комнаты.

Вдруг господин Марке, сиявший из-за того, что он ничего не понимает, вспомнил, что его обязанностью было именно понимать. Он вызвал бригадира жандармов.

— Бригадир, — сказал он, — отправляйтесь-ка в замок и попросите господина Станжерсона и Робера Дарзака явиться ко мне в лабораторию, вместе с дядюшкой Жаком. Да пусть ваши люди приведут сюда и привратников.

Через некоторое время все названные персоны собрались в лаборатории. Начальник сыскной полиции, только что прибывший в Гландье, присоединился к ним в этот момент. Я сел за стол господина Станжерсона и приготовился к работе, а господин Марке произнес маленький экспромт, оригинальный и неожиданный.

— Если позволите, господа, мы оставим старую систему допросов, поскольку она ни к чему не приводит. Я не буду вызывать вас к себе по-одиночке. Все мы останемся здесь: господин Станжерсон, господин Дарзак, дядюшка Жак, оба привратника, господин начальник сыскной полиции, мой секретарь и я. Мы все будем находиться здесь на равных правах. Пусть привратники забудут, что они арестованы. Мы будем просто беседовать. Считайте, что я собрал вас именно для беседы. Итак, мы находимся на месте происшествия. О чем же нам говорить, как не о преступлении? Давайте же и поговорим! Будем говорить все, что придет в голову, разумно или глупо, но будем говорить о случившемся, без всякой системы. Я обращаю горячие молитвы к Божественному случаю. Итак, начнем!

— Какая сцена! — прошептал он, проходя мимо меня и потирая руки. — Я сделаю из этого пре-

красную пьесу для «Водевиля».

Я взглянул на профессора Станжерсона. Надежда, которая родилась у него после обнадеживающего сообщения врача о состоянии здоровья мадемуазель Станжерсон, не могла стереть с этого благородного лица следов глубокого горя, горя человека, уже привыкшего к мысли, что он потерял единственную дочь. Его голубые глаза, такие спокойные и невозмутимые, выражали теперь глубокую скорбь. Я часто встречал господина Станжерсона на публичных приемах и всегда поражался его взгляду, такому чистому, как взгляд ребенка, взгляду мечтательному и величественному, как взгляд изобретателя или безумца. На этих приемах за ним или рядом с ним всегда можно было видеть его дочь, так как они никогда не расставались, работая рядом в течение многих лет. Эта посвятившая себя науке девушка, которой уже исполнилось тридцать пять, хотя ей нельзя было дать и тридцати, все еще вызывала восхищение своей величественной красотой, полностью сохранившейся, победившей любовь и время. Кто бы мог предсказать, что в ближайшие дни я буду находиться у ее изголовья с моими бумагами и увижу ее почти умирающей, с трудом рассказывающей нам о самом ужасном и таин-

ственном преступлении, с которым я когда-либо сталкивался во время своей службы? Кто бы мог предсказать, что я буду сидеть вот так, как сегодня, в присутствии убитого горем отца, тщетно пытавшегося объяснить себе, каким образом ускользнул от него убийца его дочери?

К чему уединенная работа в глубине лесов, если она не защитит вас от жизненных катастроф, которые обычно преследуют обитателей большого города.[1]

— Итак, господин Станжерсон, — начал судебный следователь с важностью, — вообразите себя в том месте, где вы были в тот момент, когда ваша дочь удалилась к себе в комнату.

Господин Станжерсон расположился примерно в полуметре от двери Желтой комнаты. Голос его был монотонным, а речь бесцветна.

— Я находился здесь. Около одиннадцати часов, закончив непродолжительный химический опыт в лабораторной печи, я передвинул мой стол к этому месту, так как дядюшке Жаку, чистившему некоторые из моих приборов, нужно было место позади нас. Моя дочь работала за тем же столом, что и я. Когда собралась уходить, она поднялась,

---

[1] Примечания: 1

Я напоминаю читателям, что я лишь передаю записки секретаря, не изменяя при этом ни их страсти, ни их величественности.

поцеловав меня и пожелав доброй ночи дядюшке Жаку, ей пришлось с трудом протиснутся между моим столом и дверью. Отсюда понятно, что я находился совсем рядом с тем местом, где должна была разыграться эта трагедия.

— Ну а стол, — вмешался я в нашу беседу, согласно пожеланиям моего шефа, — что случилось с ним, когда вы услышали крик «убийца» и прогремели револьверные выстрелы?

— Мы оттолкнули его к стене, — ответил дядюшка Жак, — вот сюда, примерно на то же место, где он сейчас находится, это было необходимо, чтобы сразу броситься к двери, господин судебный следователь.

Я продолжал свою мысль, хотя и не придавал ей большого значения:

— Может быть, стол находился так близко от двери, что, выйдя из комнаты, преступник мог сразу проскользнуть под ним незамеченным?

— Вы все время забываете, что моя дочь заперлась на ключ и задвижку, — устало сказал господин Станжерсон, — поэтому дверь оставалась закрытой, а мы находились перед дверью, стремясь выбить ее, с самого начала трагедии. Мы находились у двери, еще борьба убийцы с моей дочерью продолжалась, и шум этой борьбы

достигал наших ушей. Мы слышали, как хрипела моя дочь, когда пальцы убийцы сжимали ее шею, оставляя на ней эти ужасные следы. Нападение произошло быстро, но и мы были достаточно быстры и немедленно очутились перед дверью, отделявшей нас от ужасной трагедии.

Выслушав господина Станжерсона, я поднялся, подошел к двери и снова тщательно ее осмотрел. После чего разочарованно вернулся на место.

— У некоторых дверей нижняя панель может открываться самостоятельно, без необходимости открывать всю дверь. Это могло бы решить проблему. Но, к сожалению, осмотр двери исключает подобное предположение. Это очевидно, несмотря на повреждения, которые она получила при взломе.

— Это старая и прочная дверь, — вмешался дядюшка Жак, — принесенная сюда из замка. Таких больше не делают. Нам понадобился толстый железный шкворень, чтобы справиться с нею вчетвером, ибо супруги Бернье тоже принимали в этом участие. Весьма прискорбно, господин судебный следователь, видеть их теперь в заточении.

Едва дядюшка Жак произнес эту фразу, полную сожаления и протеста, как плач и сетования

привратников возобновились с новой силой. Я никогда не видел столько слез сразу. Даже признавая их невиновность, трудно было понять, как люди могут быть так слабы и невыдержанны, пусть и в несчастье. Достойное поведение в подобных случаях стоит больше, чем все слезы и все отчаяние, которые большей частью являются притворными.

— Перестаньте же, — возмутился господин Марке, — еще раз говорю вам — довольно слез. В ваших же интересах объяснить, что вы делали под окнами павильона в тот час, когда убивали вашу хозяйку. Ибо вы, безусловно, были вблизи павильона, когда дядюшка Жак встретил вас в парке.

— Мы бежали на помощь, — простонали они хором.

А женщина между двумя всхлипываниями добавила:

— Ах, если бы мы держали убийцу в своих руках, мы бы ему показали!

Разумных слов от них так и не удалось добиться. Они продолжали упрямо все отрицать и призывали в свидетели Бога и всех святых, утверждая, что мирно почивали в кроватях и были разбужены револьверным выстрелом.

— Был не один, а два выстрела, вы лжете. Если вы слышали один выстрел, то должны были слышать и второй.

— Действительно, было два выстрела, — вмешался дядюшка Жак, — я уверен, что револьвер был заряжен полностью. Мы нашли две пули и слышали за дверью два выстрела. Не так ли, господин Станжерсон?

— Да, — ответил профессор, — два выстрела, сперва один глухой, затем — оглушительный.

— Почему вы продолжаете лгать? — воскликнул господин Марке, поворачиваясь к привратникам, — вы считаете полицию столь же глупой, как и вы сами? Все говорит за то, что в момент, когда разыгралась драма, вы находились около павильона. Что вы там делали? Не желаете говорить? Ваше молчание только подтверждает вашу вину! Что касается меня, — добавил он, повернувшись к господину Станжерсону, — что касается меня, то я могу объяснить бегство убийцы только пособничеством этих двух соучастников. Когда дверь была выбита, а господин Станжерсон занимался своей несчастной дочерью, привратник с женой облегчили бегство негодяя, который, проскользнув сзади всех, добрался до окна вестибюля и выскочил в парк. Привратник закрыл

за ними окно и ставни, так как эти ставни сами, естественно, закрыться не могли. Вот как я вижу все это дело. Если кто-нибудь думает иначе, пусть скажет…

— Это невозможно, — вмешался господин Станжерсон, — я не верю ни в виновность, ни в соучастие моих привратников, хотя и не понимаю, что они делали в парке в столь поздний час. Повторяю — это невозможно! Привратница держала лампу и не сходила с порога, я же, тотчас как дверь была выбита, опустился на колени у тела моей дочери. Просто невозможно, чтобы кто-нибудь вошел или вышел из комнаты через дверь, не задев моей бедняжки и не толкнув меня. Это невозможно еще и потому, что дядюшка Жак и привратник сразу же осмотрели комнату и заглянули под кровать, как это сделал и я. Таким образом все убедились, что в комнате находилась только моя умирающая дочь.

— Ну, а ваше мнение, господин Дарзак? Вы еще ничего не сказали, — поинтересовался судебный следователь.

Робер Дарзак уклонился от ответа.

— А вы, господин начальник сыскной полиции?

Господин Дакс, начальник сыскной полиции,

до сих пор только слушал и осматривал помещение.

— Желая поймать преступника, нужно прежде всего определить мотив преступления. Это продвинуло бы дело вперед, — пробурчал он.

— Причина преступления — низкая страсть! — ответил господин Марке. — Следы, оставленные убийцей, грубый платок и берет — все это заставляет нас думать, что убийца принадлежал к низшим слоям общества. Быть может, привратники прояснят нам этот вопрос?

Начальник сыскной полиции, обратившись к господину Станжерсону, продолжал тем же холодным тоном, который, я полагаю, характеризует людей умных и волевых:

— Мадемуазель Станжерсон собиралась в скором времени выйти замуж?

Профессор скорбно посмотрел на Робера Дарзака.

— За моего друга, — сказал он, — за человека, которого я был бы счастлив назвать своим сыном, за господина Дарзака.

— Вашей дочери лучше, и она, вероятно, скоро оправится от своих ран. Таким образом, это просто отсрочка свадьбы, не так ли? — настаивал начальник полиции.

— Я надеюсь.

— Как? Вы не уверены?

Господин Станжерсон промолчал. Робер Дарзак казался взволнованным, его дрожащие руки не могли ускользнуть от моего взгляда. Господин Дарзак кашлянул, подобно господину Марке, когда тот бывал в затруднении.

— Вы понимаете, господин Станжерсон, — сказал он, — что в подобном запутанном деле ничем нельзя пренебрегать. Следует выяснить все, даже самые незначительные мелочи, касающиеся пострадавшей. Вы полагаете, что, если мадемуазель Станжерсон останется жива, этот брак может расстроиться? Вы сказали: «Я надеюсь». И эта надежда выглядит, как сомнение. В чем причина ваших сомнений?

— Вы правы, сударь, — с видимым усилием ответил наконец господин Станжерсон, — вы правы. Если я что-либо скрою, это может показаться вам подозрительным. Господин Дарзак будет, конечно, того же мнения.

Робер Дарзак, бледность которого показалась мне в этот момент ненормальной, сделал знак, что он согласен с профессором. Он ограничился простым кивком, вероятно потому, что был не в силах произнести ни единого слова.

— Итак, господин начальник сыскной полиции, — продолжал профессор Станжерсон, — моя дочь, несмотря на все мои настойчивые мольбы, поклялась никогда не оставлять меня. Несколько раз пытался склонить ее к замужеству, так как считал это своим долгом. Много лет мы знали Робера Дарзака. Он любил мою дочь. Одно время я полагал, что и он так же любим, ибо с радостью услышал из уст моей дочери согласие на свадьбу, которой я желал от всей души. Я уже старик и как благословение Божье воспринял известие, что после моей смерти дочь будет иметь около себя человека, которого я люблю и уважаю за его большое сердце и знания, человека, который будет ее любить и продолжит нашу работу. Но, увы, за два дня до преступления моя дочь объявила, что замуж за Робера Дарзака она не выйдет.

Воцарилась гнетущая тишина. Момент был серьезным.

— Мадемуазель Станжерсон не дала вам никаких объяснений? — спросил господин Дакс. — Какими соображениями она руководствовалась?

— Она сказала только, что уже слишком стара, чтобы выходить замуж, что она чересчур долго ждала и много думала. Она пояснила, что любит Робера Дарзака, но хочет, чтобы все оставалось

по-старому, и будет счастлива, если узы чистой дружбы, связывающие нас и Дарзака, станут еще теснее, но о свадьбе и слышать больше не желает.

— Это странно, — пробормотал господин Дакс.

— Странно, — как эхо повторил господин Марке.

— С этой стороны, господа, вы не откроете причину преступления, — слабо улыбнулся господин Станжерсон.

— Во всяком случае, — сказал господин Дакс нетерпеливо, — ограбление здесь также, вероятно, ни при чем.

— О, мы в этом уверены! — воскликнул судебный следователь.

В этот момент дверь лаборатории приоткрылась, и бригадир жандармов передал судебному исполнителю записку.

— Это уж слишком! — провозгласил господин Марке прочитав послание.

— В чем дело? — спросил начальник сыскной полиции.

— Записка от маленького репортера «Эпок», Жозефа Рультабиля. В ней слова: *«Одна из причин преступления — кража».*

— А, маленький Рультабиль, — начальник

сыскной полиции улыбнулся, — я слышал, он, кажется, считается весьма способным. Позовите его, господин судебный следователь.

И Жозефа Рультабиля впустили. Я познакомился с ним нынче утром, в поезде, по дороге на Эпиней-сюр-Орж. Он проник в наше купе вопреки моей воле, почти насильно, и мне сразу не понравились его развязные манеры и претензии на понимание того, в чем правосудие разобраться не может.

Я не люблю журналистов. Это сварливые и нахальные люди, от которых следует держаться подальше. Они никого не уважают и считают, что им все позволено. Когда имеешь несчастье приблизить их к себе хоть на волос, они теряют чувство меры, и уже не знаешь, какой неприятности следует ожидать. Этому на вид лет двадцать, а наглость, с которой он осмелился допрашивать нас и спорить с нами, его насмешливая и презрительная манера говорить — просто возмутительны! Я знаю, что «Эпок» очень влиятельна и с ней следует ладить, но нельзя же, в самом деле, набирать себе репортеров из колыбели.

Жозеф Рультабиль вошел в лабораторию и поздоровался.

— Вы полагаете, — обратился к нему господин

Марке, — что вам известен мотив преступления и что этот мотив, вопреки очевидности, кража?

— Нет, господин судебный следователь, я не утверждал этого. Да и сам, конечно, в это не верю.

— Тогда что означает эта записка?

— Она означает, что одной из причин преступления была кража.

— Что вам дает основание так думать?

— Будьте любезны проследовать за мной, — сказал молодой человек и пригласил нас пройти в вестибюль, что мы и сделали.

Там он направился в сторону туалетной комнаты и попросил судебного следователя опуститься с ним на колени. В эту туалетную комнату свет проникал через застекленную дверь, и, когда ее оставили открытой, комнатка оказалась освещена полностью. Господин Марке и Рультабиль опустились у порога на колени, и молодой человек указал на плиточный пол туалета. В пыли были ясно видны отпечатки двух больших подошв и тот черно-серый пепел, который повсюду сопровождал следы преступника.

— Дядюшка Жак не мыл этих плиток, — пояснил Рультабиль, — этот пепел не что иное, как угольная пыль, припорошившая тропку, которую

следует пересечь, чтобы пройти по прямой из Эпиней в Гландье. В этом месте находится поселение угольщиков, заготовляющих в больших количествах древесный уголь. По всей вероятности, преступник проник в павильон во второй половине дня, когда здесь никого не было, и совершил кражу.

— Но какую кражу? Где доказательства этой кражи? — зашумели мы все.

— Кражу меня заставило предположить, — начал репортер…

— Вот это! — громко перебил его господин Марке, стоя на коленях.

— Правильно, — улыбнулся Рультабиль.

И господин Марке объявил, что, действительно, на запыленных плитках, рядом со следами двух подошв, виден свежий след большого четырехугольного пакета, можно даже различить следы веревки, которой он был перевязан.

— Но вы, значит, побывали здесь, господин Рультабиль? А ведь я приказал дядюшке Жаку никого сюда не впускать. Он обязан был охранять павильон.

— Не браните его, — попросил Рультабиль, — я приходил сюда с господином Дарзаком.

— Ну, знаете ли, — воскликнул господин Марке

недовольным тоном, поглядев на Робера Дарзака, который по-прежнему хранил молчание.

— Увидев отпечаток пакета рядом со следами подошв, я сразу подумал о краже, — продолжал Рультабиль. — Вор не явился сюда с пакетом. Он приготовил этот пакет здесь из украденных предметов и припрятал в этом углу, намереваясь захватить его с собой в момент бегства. Он оставил также подле пакета и свои грубые башмаки. Отпечатки подошв расположены рядом друг с другом и неподвижны. Теперь понятно, почему, убегая из Желтой комнаты, преступник не оставил никаких следов ни в лаборатории, ни в вестибюле. Проникнув в Желтую комнату в башмаках, он их там снял. Вероятно, они его стесняли, или он не желал шуметь. Затем его следы в вестибюле и в лаборатории были смыты дядюшкой Жаком. Это заставляет предположить, что убийца проник в павильон через открытое окно вестибюля после того, как дядюшка Жак в первый раз ушел из павильона, и до того, как он помыл полы. Сняв обувь, этот человек отнес башмаки в туалет и оставил их там, стоя на пороге, так как на пыльных плитках отсутствуют следы голых ног, ног в носках или в какой-нибудь другой обуви. Он поставил башмаки рядом

с пакетом. В этот момент кража была уже совершена. Затем человек вернулся в Желтую комнату и проскользнул под кровать, где след его тела хорошо сохранился на полу и даже на циновке, которая в этом месте была скомкана. Отдельные соломинки даже выпали из плетения, когда он устраивался под кроватью.

— Да, да, это мы знаем, — вмешался господин Марке.

— Возвращение убийцы под кровать доказывает, что кража не являлась единственной целью его появления. Не следует также думать, что он спрятался туда, увидев через окно вестибюля или дядюшку Жака, или профессора с дочерью, возвращавшихся в павильон. В этом случае гораздо проще было бы спрятаться на чердаке и ожидать там более подходящего момента для бегства. Но нет! Он непременно желал остаться в Желтой комнате.

Здесь вмешался начальник сыскной полиции:

— Недурно, недурно, молодой человек! Мои поздравления. Если мы и не знаем еще, как убийца ушел, то, по крайней мере, шаг за шагом проследили его приход сюда и знаем, что он здесь делал: совершил кражу. Но что он украл?

— Чрезвычайно важные вещи, — ответил ре-

портер.

В этот момент в лаборатории раздался вопль отчаяния. Все бросились туда и увидели дрожащего профессора Станжерсона, который с блуждающим взором указал нам на некое подобие книжного шкафа, раскрытого и пустого. В тот же момент он рухнул в глубокое кресло у стола, не в силах сдерживать слезы.

— Я вновь обокраден! — простонал он. — Только ни слова дочери. Она будет в отчаянии еще больше, чем я. А впрочем, после всего, — он глубоко вздохнул, — не все ли равно. Только бы Матильда осталась жива.

— Она будет жить, — сказал Робер Дарзак.

— А мы найдем украденные вещи, — как эхо откликнулся господин Дакс. — Но что же хранилось в этом шкафу?

— Двадцать лет моей жизни, — глухо ответил знаменитый профессор, — или, вернее, моей с дочерью. Наиболее ценные документы, секретные отчеты о наших опытах и наших работах за двадцать лет были заперты здесь. Это наиболее ценные из всех документов, хранившихся в этой комнате. Какая невосполнимая потеря для нас и, смею сказать, для науки. Человек, который пришел сюда, отнял у меня все — мою дочь и

мою душу.

И великий Станжерсон заплакал, как ребенок. Мы стояли вокруг, потрясенные этим огромным горем. Господин Дарзак, опершись о кресло, в котором сидел профессор, также с трудом сдерживал слезы. На мгновение я даже испытал к нему симпатию, несмотря на инстинктивную неприязнь, которую мне внушали странное поведение и часто необъяснимое волнение этого человека.

Жозеф Рультабиль, как будто его великая миссия на земле не позволяла снизойти до земных горестей, спокойно приблизился к пустому шкафу и, показав его начальнику сыскной полиции, нарушил молчание, которым мы почтили горе великого Станжерсона. Обнаружив следы в туалете и пустой шкаф в лаборатории, он сразу подумал о краже. Он был поражен странной формой этого шкафа, едва только вошел в лабораторию. Необычайная прочность конструкции и железная обшивка предохраняли его от пожара. И вот в дверце этого шкафа, практически сейфа, предназначенного для хранения наиболее ценных предметов, торчал ключ. Обычно сейфы не держат открытыми. Итак, этот маленький ключ с фигурной медной головкой привлек внимание Жозефа Рультабиля, тогда как наше внимание он

усыпил. Для всех нас наличие ключа в шкафу создает настроение безопасности, но этого малыша, который, бесспорно, был гениален, присутствие ключа в замке навело на мысль о краже, и мы скоро узнали причину этого.

Но для того чтобы двигаться дальше, следует указать на некоторую растерянность господина Марке, который не знал, радоваться ли ему открытиям маленького репортера или сожалеть, что эти открытия сделал не он. В нашей профессии встречаются такие щекотливые ситуации, но мы не имеем права на малодушие. Наше самолюбие не в счет, когда дело идет о благе общества. Итак, господин Марке, восторжествовав над самим собой, счел нужным присоединиться к поздравлениям, которые гражданин Дакс расточал Рультабилю и которого я с удовольствием побил бы, когда в ответ он только пожал плечами и пробормотал что-то вроде «не стоит похвалы».

— Следовало бы спросить господина Станжерсона, у кого обычно хранился этот ключ? — добавил он.

— У моей дочери, — ответил господин Станжерсон, — и она никогда с ним не расставалась.

— Это меняет дело и противоречит мнению господина Рультабиля! — вскричал господин

Марке. — Если мадемуазель Станжерсон никогда не расставалась с ключом, то преступник должен был сперва дождаться ее ночью в комнате, забрать ключ, и кража была бы совершена после нападения. Но к этому времени в лаборатории уже находилось четыре человека! Решительно я ничего больше не понимаю!

И господин Марке повторил это с восторженным отчаянием опьянения, ибо я уже замечал, что наиболее счастливыми минутами его жизни были моменты полного непонимания.

— Кража, — ответил репортер, — могла произойти только до покушения. Это бесспорно. Проникнув в павильон, преступник уже имел ключ с медной головкой.

— Это невозможно, — мягко возразил господин Станжерсон.

— Иначе просто и быть не может, и вот тому доказательства.

С этими словами Рультабиль извлек из кармана номер «Эпок» от 21 октября (напомню, что преступление было совершено в ночь с 24-го на 25-е) и, показав нам некое объявление, прочитал:

— «Крупное вознаграждение будет выплачено тому, кто вчера в магазине

«Лувр» нашел утерянную дамскую сумочку из черного атласа. Наряду с другими предметами в сумочке находился небольшой ключ с медной головкой. Обращаться письменно в 40-е почтовое отделение до востребования на имя М.А.Т.С.Н.».

— Не означают ли эти буквы, — продолжал репортер, — имени Матильда Станжерсон? А этот ключ с медной головкой, не ваш ли это ключ? Я всегда читаю объявления. В моем деле, как и в вашем, господин судебный следователь, всегда полезно читать маленькие личные объявления. Сколько там скрыто удивительнейших интриг! И ключей к интригам, которые не всегда имеют медную головку, но, тем не менее, необычайно интересны. В этом объявлении меня поразила таинственность, которой окружила себя эта женщина, потерявшая ключ, предмет, вообще говоря, мало ее компрометирующий. Она, безусловно, дорожила этим ключом, если обещала крупное вознаграждение. Потом я подумал об этих буквах: «М.А.Т.С.Н.». Первые три скорее всего обозначали имя. «Мат, — думал я, — очевидно, Матильда». Женщина, потерявшая сумочку с ключом, зовется Матильда! Однако последние

две буквы расшифровке не поддавались. Пришлось отложить газету и заняться другими делами. Когда через четыре дня вечерние газеты вышли с аршинными заголовками, сообщая о покушении на мадемуазель Матильду Станжерсон, то имя жертвы напомнило мне объявление. Немного заинтригованный, я нашел номер газеты, так как забыл две последние буквы. Увидев их вновь я не мог удержаться от восклицания: «С. Н.» — Станжерсон!» Через минуту я уже мчался на извозчике в сороковое почтовое отделение. Обратившись к чиновнику, я поинтересовался корреспонденцией на имя «М.А.Т.С.Н.». Таковой не оказалось. И так как я настаивал, упрашивая посмотреть еще раз, то служащий возмутился: «Это просто глупая шутка какая-то. Три дня тому назад я уже отдал подобное письмо даме, которая его спрашивала. Сегодня это письмо требуете от меня вы. А позавчера с неменьшей настойчивостью еще один господин требовал от меня то же самое. Может быть, довольно мистификаций?»

Я попытался расспросить почтового служащего об этих двух людях, но он даже не ответил мне, полагая, что и так сказал чересчур много.

Рультабиль замолчал, молчали и остальные. Каждый делал свои выводы из этой странной

истории с письмом. Казалось, что теперь найдена надежная нить, посредством которой можно будет вытянуть на свет божий это непонятное дело.

— Вполне вероятно, — сказал господин Станжерсон, — что моя дочь потеряла ключ и ничего не сказала, чтобы меня не беспокоить. Могла она, разумеется, и обратиться к нашедшему с просьбой написать ей до востребования. Она, очевидно, опасалась дать свой адрес, ведь таким образом я мог бы узнать о потере ключа. Это логично и естественно, ибо один раз меня уже обокрали.

— Где и когда? — спросил начальник сыскной полиции.

— В Америке, много лет тому назад, прямо из лаборатории в Филадельфии у меня украли секрет двух изобретений, которые могли бы обогатить целый народ. Имени вора я так никогда и не узнал, да и разговоров об этой краже никогда не было. Дело в том, что я сам передал мои изобретения в общественное пользование, расстроив таким образом расчеты вора и сделав кражу бесполезной. С этого времени я стал очень подозрительным и начал прятаться во время работы. Все эти решетки на окнах, уединенное расположение павильона, мебель, которую я

сам сконструировал, и даже специальный ключ — все это результаты моих страхов и следствие печального опыта.

— Весьма любопытно, — заметил господин Дакс, а Жозеф Рультабиль поинтересовался судьбой сумочки. Оказалось, что ни господин Станжерсон, ни дядюшка Жак в течение последних дней эту сумочку больше не видели.

Через несколько часов мы узнали от самой мадемуазель Станжерсон, что сумочку действительно украли, или она ее потеряла. 23 октября в 40-м почтовом отделении она получила письмо, оказавшееся всего-навсего шуткой весьма дурного тона. Письмо же она немедленно сожгла.

Чтобы вернуться к нашему допросу или, скорее, к нашей беседе, я должен упомянуть, что начальник сыскной полиции попросил уточнить, при каких обстоятельствах 20 октября, в день потери сумочки, мадемуазель Станжерсон оказалась в Париже. Мы узнали, что она отправилась в столицу в сопровождении Робера Дарзака, которого с этого момента в замке больше не видели. Он появился только на следующий день после преступления. Тот факт, что Робер Дарзак находился в универсальном магазине рядом с мадемуазель Станжерсон в момент исчезновения сумочки,

не мог пройти незамеченным и привлек наше внимание.

Этот разговор между чиновниками, обвиняемыми, свидетелями и журналистом уже заканчивался, когда наступила неожиданная развязка, что всегда так нравилось господину Марке.

Пришел бригадир жандармерии и сообщил, что разрешения войти просит Фредерик Ларсан. Разумеется, это было ему немедленно позволено. Войдя, Ларсан швырнул на пол пару грубых, покрытых илом башмаков, которые держал в. руках.

— Вот башмаки, которые носил преступник, — сказал он, — вы узнаете их, дядюшка Жак?

Старик наклонился и с удивлением признал свои старые башмаки, брошенные им некоторое время назад в кучу старого хлама. Он был так поражен, что принужден был высморкаться, чтобы скрыть замешательство.

Указывая на платок, которым воспользовался при этом бедный старик, Ларсан объявил:

— А вот и платок, удивительно напоминающий тот, который был обнаружен в Желтой комнате.

— Да, да, я все знаю, — в ужасе простонал дядюшка Жак, — они почти одинаковы.

— И наконец, — продолжал сыщик, — старый

баскский берет, вероятно некогда украшавший голову дядюшки Жака. Все это, господин начальник сыскной полиции и господин судебный следователь, по моему мнению, означает только одно… Успокойтесь, любезнейший, — обратился он к бедняге Жаку, который почти потерял сознание. — Все это указывает на то, что убийца хотел скрыть свое истинное лицо. Он сделал это довольно грубо, или это только кажется нам таковым, ибо мы уверены, что дядюшка Жак, который не оставлял господина Станжерсона, к преступлению не имеет никакого отношения. Но представьте себе, что профессор этим вечером не засиделся бы в своей лаборатории и, расставшись с дочерью, вернулся в замок. Вообразите, что в момент покушения в лаборатории никого нет, а дядюшка Жак спит у себя на чердаке. Никто бы не усомнился в том, что убийца — именно старый слуга! Он обязан своему спасению только тому, что драма разыгралась слишком рано. Тишина ввела убийцу в заблуждение, он подумал, что в лаборатории уже никого нет, и решил, что момент настал.

Человек, который мог столь таинственно проникнуть сюда и подготовить такие улики против дядюшки Жака, без сомнения, хорошо знал этих

людей. В котором часу он проник сюда? Во второй половине дня? Вечером? Не берусь объяснить. Хорошо зная обитателей и расположение павильона, он мог войти в Желтую комнату в любое время.

— Но как же он мог войти, если в лаборатории были люди? — не выдержал господин Марке.

— Что мы об этом знаем? — ответил Ларсан. — В лаборатории обедали, слуги приходили и уходили, производились химические опыты, которые между одиннадцатью и двенадцатью часами могли собрать профессора, его дочь и старого слугу в углу возле камина. Кто может утверждать, что преступник, хороший близкий знакомый, не использовал этого момента, чтобы проскользнуть в Желтую комнату, предварительно сняв в туалете свои башмаки?

— Это невероятно! — усомнился господин Станжерсон.

— Во всяком случае, и не невозможно. Впрочем, я ничего не утверждаю. Что касается ухода… о, это другое дело! Как он мог убежать? Самым естественным образом.

На мгновение, которое показалось нам вечностью, Ларсан замолчал. Мы с лихорадочным нетерпением жаждали продолжения.

— Я не входил в Желтую комнату, — снова начал Фредерик Ларсан, — но вы, вероятно, убедились, что выход возможен только один — через дверь. Убийца и вышел через эту дверь. Или, поскольку иное предположение невозможно, это так и должно быть! Он совершил преступление и вышел через дверь. В какой момент? Разумеется, тогда, когда это было легче всего сделать. Проанализируем события, последовавшие за преступлением. Первый момент — перед дверью находятся господин Станжерсон и дядюшка Жак, готовые преградить путь преступнику. Второй момент — дядюшка Жак ненадолго уходит, и перед дверью остается один господин Станжерсон. Третий момент — к профессору присоединяются привратники. Четвертый — перед дверью находятся все четверо: профессор и слуги. И, наконец, пятый момент — дверь взломана, и Желтая комната наполняется людьми.

Бегство убийцы, естественно, наиболее объяснимо в тот момент, когда перед дверью находится меньше всего народа, то есть, когда перед дверью остается один профессор. Трудно допустить молчаливое соучастие дядюшки Жака. Он не побежал бы осматривать окно Желтой комнаты, увидев, как открывается дверь и выходит пре-

ступник. Дверь открылась только перед одним профессором Станжерсоном, и преступник ушел. Здесь необходимо допустить, что профессор имел серьезнейшие причины не останавливать этого человека, ибо он не только позволил ему выбраться из окна вестибюля, но и закрыл окно за ним. Однако дядюшка Жак должен вот-вот вернуться и застать все в том же положении. И вот почти умирающая мадемуазель Станжерсон по просьбе отца находит в себе силы вновь запереть дверь Желтой комнаты на ключ и задвижку перед тем, как окончательно лишиться чувств. Мы не знаем, кто совершил преступление и жертвами какого негодяя стали профессор и его дочь. Но нет никакого сомнения в том, что они это знают! Тайна должна быть ужасной, если отец без колебаний оставил свою дочь умирать за дверью, которую она сама за собой заперла. Ужасной, если он позволил скрыться преступнику. Однако другого способа объяснить бегство убийцы из Желтой комнаты не существует.

После этого драматического выступления, проливающего свет на все дело, воцарилась гнетущая тишина. Мы переживали за знаменитого профессора, поставленного в безвыходное положение неумолимой логикой Фредерика Ларсана

и принужденного признать истину или молчать, что явилось бы еще более ужасным признанием. Мы видели, как профессор, бывший олицетворением горя, торжественно поднял руку. Громким голосом, который, казалось, истощил все его силы, он произнес следующие слова:

— Клянусь жизнью моей умирающей дочери, что с момента ее отчаянного призыва я не оставлял этой двери. Клянусь, что она не открывалась, пока я был один в лаборатории. Когда же мы проникли в Желтую комнату, я и трое моих слуг, клянусь, что убийцы там не было! Клянусь, что я не знаю преступника.

Нужно ли говорить, что, несмотря на торжественность клятвы, мы не поверили словам профессора Станжерсона. Фредерик Ларсан нашел для нас истину не для того, чтобы мы ее сразу потеряли.

Когда господин Марке объявил, что «разговор» окончен, и мы уже собирались покинуть лабораторию, Жозеф Рультабиль подошел к господину Станжерсону, почтительно пожал ему руку и произнес:

— Я вам верю.

Заканчивая изложение заметок господина Малена, секретаря суда в Корбейле, следует объ-

яснить читателям, что Рультабиль тотчас же подробно пересказал мне все, что произошло в лаборатории.

XII. *Трость Фредерика Ларсана*

Я собирался покинуть замок только в шесть часов вечера, увозя статью, которую мой друг поспешно написал в маленьком салоне, предоставленном в наше распоряжение Робером Дарзаком. Репортер должен был переночевать в замке, воспользовавшись необъяснимым гостеприимством, оказанным ему господином Дарзаком, на которого профессор Станжерсон переложил в эти печальные дни все домашние заботы.

Когда Рультабиль отправился провожать меня на вокзал в Эпиней, он говорил мне по дороге:

— Ларсан действительно очень сообразителен, и репутация его заслужена. Знаете, как он нашел башмаки дядюшки Жака? Свежая прямоугольная впадина в земле недалеко от того места, где мы заметили следы модных туфель и исчезновение отпечатков грубых башмаков, подсказала ему, что здесь недавно лежал камень. Ларсан поискал его, не нашел и решил, что этот камень удерживает на дне пруда башмаки, от которых преступник постарался избавиться. Фред рас-

считал верно, что и подтверждается успехом его поисков. Это от меня ускользнуло. Просто я уже составил себе определенное мнение об этом деле. Большое количество ложных следов, оставленных преступником, доказывали, что он старался направить подозрения на этого старого слугу. До этого места Ларсан и я мы рассуждали одинаково, но дальше выводы наши расходятся, и это ужасно, так как добросовестно он идет к ошибке, с которой мне предстоит бороться, будучи практически безоружным.

Я был удивлен мрачностью его тона, а мой друг повторил вновь:

— Да, ужасно! Но неужели бороться, будучи вооруженным идеей, значит быть безоружным?

В этот момент мы проходили мимо замка. Одно из окон второго этажа было полуоткрыто, из него падал слабый свет и доносился шум, привлекший наше внимание. Мы приблизились к двери под окном, и Рультабиль шепотом объяснил мне, что это окно комнаты мадемуазель Станжерсон. Шум, услышанный нами, смолк, затем возобновился. Это были приглушенные рыдания, сквозь которые мы смогли разобрать только два слова: «Бедный Робер!»

— Ах, если бы знать, о чем говорят в этой

комнате, — прошептал Рультабиль, — мое расследование закончилось бы гораздо быстрее.

Он огляделся. Вечерняя мгла уже опустилась на парк, и мы могли различить только окруженную деревьями лужайку у замка. Рыдания вновь прекратились.

— Так как ничего нельзя услышать, следует, по крайней мере, увидеть, — сказал Рультабиль.

Сделав знак ступать потише, он увлек меня с лужайки к большой березе, белевшей во тьме. Это дерево возвышалось как раз напротив интересовавшего нас окна, а его нижние ветви росли примерно на высоте второго этажа замка. С этих ветвей можно было увидеть происходящее в комнате мадемуазель Станжерсон. Такова была идея Рультабиля, и, вновь призвав меня к тишине, он обхватил ствол своими молодыми сильными руками и полез вверх. Скоро он исчез в ветвях, и вокруг воцарилась глубокая тишина.

Полуоткрытое окно было по-прежнему освещено, и ни одна тень не мелькнула на его светлом фоне. Дерево надо мной оставалось неподвижным. Я ждал.

— После вас, — неожиданно донеслось сверху.

— Нет, нет, только после вас, пожалуйста.

Там, вверху, над моей головой упражнялись в

вежливости, оказывая друг другу знаки внимания. Каково же было мое изумление, когда на землю, одна за другой, спустились две человеческие фигуры. Рультабиль взобрался на дерево один, а спускался вдвоем!

— Добрый вечер, господин Сэнклер.

Великий боже! Это был Ларсан. Полицейский уже занимал тот экзотический наблюдательный пост, на который претендовал мой друг. Ни один из них не обратил внимания на мое удивление. Из их разговора я понял, что они наблюдали сцену, полную нежности и отчаяния, между мадемуазель Станжерсон и Робером Дарзаком, который опустился на колени у ее изголовья. Было ясно, что увиденное произвело на Рультабиля большое впечатление в пользу Дарзака, тогда как сыщик полагал, что все это просто лицемерие жениха мадемуазель Станжерсон, доведенное до высшей степени.

Когда мы подошли к решетке парка, Ларсан остановился.

— Моя трость, — воскликнул он. — Я оставил ее там, внизу, у дерева.

— Вы заметили трость Фредерика Ларсана? — спросил меня репортер, когда мы остались одни. — Она совсем новая. Я никогда такой у него

не видел. И он очень дорожит ею! Можно сказать, из рук не выпускает, как будто боится, что ее возьмет кто-нибудь другой. До этого я вообще никогда трости у Ларсана не видел. Странно. Человек, никогда не прикасавшийся к трости, и шагу без нее не может ступить на следующий день после драмы в Гландье. Когда мы прибыли в замок, он, увидев нас, спрятал часы в карман и поднял с земли эту трость. Может быть, я и напрасно не придал значения этому жесту.

Мы уже вышли из парка, а мысли Рультабиля все еще были заняты тростью Ларсана. Спускаясь с холма в Эпиней, он заговорил вновь:

— Фредерик Ларсан прибыл в Гландье до меня, и расследование он начал раньше. У Ларсана было время узнать многое, чего я все еще не знал. Где же он взял эту трость? Возможно, что его подозрения, направленные против Дарзака, построены на чем-то очевидном для него и непонятном для меня. Неужели эта трость? Черт побери, где он мог ее взять?

В Эпиней нам пришлось ждать поезда минут двадцать, и мы зашли в ресторан. Почти тотчас же за нами открылась дверь и появился Ларсан, размахивая своей замечательной тростью.

— Все в порядке, пропажа нашлась, — объявил

он, улыбаясь.

Мы сели за столик втроем. Рультабиль не сводил глаз с трости и был так погружен в свои наблюдения, что не заметил несколько жестов, которыми Ларсан обменялся с каким-то молодым железнодорожным служащим с маленькой белокурой бородкой. Железнодорожник заплатил по счету, раскланялся и вышел. Я не придал бы этому эпизоду никакого значения, однако мне пришлось вспомнить о нем уже через несколько дней при вторичном появлении железнодорожника, причем в наиболее трагичный момент этой истории. Тогда я узнал, что блондин был одним из агентов Ларсана, который имел поручение наблюдать за всеми приезжающими и отъезжающими на вокзале в Эпиней-сюр-Орж, так как знаменитый сыщик не упускал ничего, что могло бы ему пригодиться.

— Господин Фред, — не выдержал наконец Рультабиль, — давно ли вы приобрели эту трость? Я привык видеть вас разгуливающим с руками в карманах.

— Это подарок, — ответил сыщик.

— И давно вам его сделали? — продолжал настаивать Рультабиль.

— Мне ее подарили в Лондоне.

— Ах да, вы ведь вернулись из Лондона. Позвольте взглянуть на вашу трость?

— Разумеется, — сказал Фред, передавая ее репортеру.

Это была толстая бамбуковая трость темного цвета, украшенная золотым кольцом. Рультабиль тщательно осмотрел ее.

— Итак, — сказал он насмешливо, — вам подарили в Лондоне французскую трость?

— Почему бы и нет? — невозмутимо ответил Ларсан.

— Посмотрите на фирменную марку: *«Кассет, 6 бис, Опера»*.

— Многие белят свое белье в Лондоне, — сказал Фред, — а англичанам никто не запрещал покупать себе трости в Париже.

Рультабиль вернул трость, и мы распрощались.

Поднявшись вместе со мной в купе, он спросил:

— Вы запомнили адрес?

— Разумеется. *«Кассет, 6 бис, Опера»*. Рассчитывайте на меня, завтра же утром вы получите мое сообщение.

Вернувшись в Париж и повидав господина Кассета, продавца тростей и зонтов, я написал

своему другу:

«Человек, поразительно похожий на Робера Дарзака (тот же рост, слегка сгорбленный, те же бородка, прорезиненное пальто и котелок), купил подобную трость в день покушения, около 8 часов вечера. За последние два года господин Кассет ни одной аналогичной трости не продал.

Трость господина Фреда абсолютно новая. Значит, продана была именно та, которая находится у Ларсана. Однако купить он ее не мог, так как находился в Лондоне. Как и вы, я полагаю, что он нашел ее где-то возле Робера Дарзака. Но если по вашим расчетам убийца находился в Желтой комнате с пяти или шести часов вечера, а драма произошла около полуночи, то покупка этой трости дает Роберу Дарзаку почти неопровержимое алиби».

XIII. *«Дом не потерял своего очарования. А сад — своего блеска»*

Через неделю после этих событий, 2 ноября, я получил в Париже следующую телеграмму:

> «Приезжайте в Гландье первым же поездом, прихватите револьверы. Привет, Рультабиль».

Как я уже упоминал, в то время я был молодым, начинающим адвокатом без особых занятий и проводил время в Париже, скорее привыкая к своим профессиональным обязанностям, чем защищая вдов и сирот. Поэтому не удивительно, что Рультабиль свободно распоряжался моим временем. Он знал, как я интересуюсь его расследованиями и, особенно происшествием в замке Гландье.

В течение недели все мои сведения об этом деле сводились к газетной болтовне да нескольким коротким заметкам самого Рультабиля. Он сообщал в «Эпок» о кастете, которым был нанесен удар. Как показал анализ, свежие пятна крови на нем принадлежали мадемуазель Станжерсон. Более

старые следы могли являться свидетельствами других преступлений. Можете себе представить, как прессу всего мира занимало дело Желтой комнаты. Но мне казалось, что следствие топчется на месте, и потому я был весьма обрадован приглашению посетить Гландье, однако просьба позаботиться о револьверах порядком меня озадачила. Если Рультабиль просил захватить оружие, значит, он предполагал, что им придется воспользоваться. Должен признаться я далеко не герой, но в данном случае меня призывал на помощь мой друг, находившийся в затруднительном положении, и я не испытывал и тени сомнения.

Удостоверившись, что мой револьвер заряжен, я отправился к Орлеанскому вокзалу, но по дороге решил зайти в оружейный магазин, чтобы позаботиться о Рультабиле. Довольно быстро мне удалось купить своему другу превосходный маленький револьвер последней модели.

Я надеялся увидеть Рультабиля на вокзале в Эпиней, но его там не было. Однако коляска ждала, и вскоре я уже подъезжал к Гландье, где на пороге замка меня встретил мой друг. Мы радостно обнялись, и после первых приветствий Рультабиль усадил меня в маленькой старой

гостиной, о которой я уже упоминал, и сразу же приступил к делу:

— Все очень плохо!

— Что плохо?

Он пересел поближе и прошептал:

— Ларсан прямо-таки преследует Робера Дарзака.

Я вспомнил, как жених мадемуазель Станжерсон побледнел при виде своих следов, и не удивился.

— Ну, а трость? — поинтересовался я.

— Трость! Ларсан не выпускает ее из рук.

— Но ведь это готовое алиби для Дарзака!

— Никоим образом. Спрошенный мною Дарзак категорически заявляет, что не покупал у Кассета никакой трости ни в тот вечер, ни в какой-либо другой день. И вообще, можно ожидать все, что угодно. Робер Дарзак явно что-то недоговаривает. Это же видно.

— Вероятно, по мнению Ларсана, эта трость является вещественным доказательством. Но каким образом? Трость не могла находиться в руках преступника, если учитывать час ее покупки.

— Этот час не будет смущать Ларсана. Он вовсе не обязан соглашаться с моей версией и считать, что преступник проник в Желтую комнату между

пятью и шестью часами вечера. Что мешает ему перенести его приход на десять или одиннадцать часов? В этот момент все присутствующие в лаборатории были заняты интересным химическим опытом возле камина, и Ларсан может утверждать, что убийца проскользнул у них за спиной. Он уже говорил это судебному следователю. При тщательном рассмотрении рассуждения Ларсана являются абсурдными. Уж кто-кто, а близкий знакомый должен был знать, что профессор скоро покинет павильон, и было бы куда безопаснее отложить свои действия до его ухода. Зачем же рисковать и пробираться через лабораторию таким сложным способом. И потом, когда этот хороший знакомый проник в павильон?

Сколько вопросов и сложностей надо прояснить, прежде чем принимать версию Ларсана! На это и времени терять не стоит, так как неопровержимая логика моих рассуждений не позволяет мне заниматься предположениями Ларсана. Однако в настоящее время я вынужден молчать, а Ларсан говорит, и все, что он говорит, оборачивается против Дарзака. Еще хорошо, что я здесь, — с гордостью добавил Рультабиль, — так как против него имеются и другие улики, не менее страшные, чем эта глупая история с тростью, которую я

пока что не пони маю. Она тем более непонятна, что Ларсан не стесняется показываться вместе с ней перед Дарзаком. В остальном система доказательств Ларсана мне ясна.

— А сыщик еще в замке?

— Да он и не оставлял его. Живет здесь так же, как и я, по просьбе господина Станжерсона, который сделал для него то же самое, что Робер Дарзак сделал для меня. Обвиненный Ларсаном в том, что он знает преступника и даже помог ему бежать, профессор решил предоставить своему обвинителю все условия для раскрытия истины. Так же Робер Дарзак поступает в отношении меня.

— А вы убеждены в его невиновности?

— На какой-то момент я было усомнился. Это случилось, когда мы приехали сюда в первый раз. Пожалуй, вам пора узнать, что произошло в тот день между Дарзаком и мной.

Здесь Рультабиль прервал свой рассказ и спросил, привез ли я оружие. Я показал ему револьверы.

— Прекрасно, — одобрил он и вернул их мне.

— Они нам потребуются? — спросил я.

— Без сомнения, и этой же ночью, ибо нам предстоит провести здесь ночь. Кажется, вы этим

недовольны?

— Напротив, — ответил я с таким выражением, что Рультабиль не выдержал и рассмеялся.

— Однако сейчас не до смеха, — сказал он. — Поговорим серьезно. Вы помните ту фразу, которая явилась ключом к этому таинственному замку?

— Конечно, прекрасно помню: *«Дом не потерял своего очарования, а сад — своего блеска».* Остаток этой фразы вы обнаружили позднее на обуглившемся листе бумаги в лабораторном тигле.

— Да, и пламя сохранило дату: «23 октября». Запомните ее, это чрезвычайно важно. Теперь объясню вам, что означает эта нелепая фраза. За два дня до преступления, то есть именно двадцать третьего октября, господин Станжерсон и его дочь отправились на прием в Елисейский дворец. И даже присутствовали там на обеде, я полагаю. Во всяком случае, на приеме они были, так как я их там видел. По заданию редакции я собирался взять интервью у одного из ученых Филадельфийской академии наук, которых чествовали в тот день. До этого вечера я Станжерсонов никогда не видел. Усталый от толкотни, я присел в гостиной, расположенной перед посольским залом, и погрузился в мечты, как вдруг явственно ощутил аромат Дамы в черном. Вы спросите меня — что

это такое? Сейчас вам достаточно знать, что это аромат, который я очень люблю. В моих детских воспоминаниях он связан с духами одной дамы, всегда одетой в черное, которая проявляла ко мне материнскую нежность. Однако женщина, источавшая в тот вечер аромат Дамы в черном, была в белом платье. И поразительно красива!

Я поднялся и невольно последовал за ней и ее ароматом. Этой красавице подал руку какой-то старик. Все оборачивались при их приближении и шептали: «Вот идет профессор Станжерсон и его дочь!» Таким образом я узнал, за кем следовал. Они встретили Робера Дарзака, которого я уже знал в лицо. Профессор Станжерсон вместе с американским ученым Артуром Вильямом Рансом расположились в креслах большой галереи, а Дарзак и мадемуазель Станжерсон прошли в оранжерею. Погода в тот вечер была мягкой, и мадемуазель Станжерсон, накинув на плечи легкий шарф, предложила господину Дарзаку спуститься вместе с ней в опустевший сад. Я продолжал следовать за ним, заинтригованный необычайным волнением Робера Дарзака. Они немного прошли вдоль стены, прилегающей к улице Мариньи, и остановились в мерцающем свете газового фонаря. Я пересек лужайку и ока-

зался совсем рядом с ними. Темнота ночи и густая трава, заглушавшая мои шаги, позволяли мне оставаться незамеченным. Впрочем, им было не до меня. Склонившись над листом белой бумаги, они углубились в чтение. Окруженный молчанием и тенью, я разобрал, как мадемуазель Станжерсон несколько раз повторила, складывая бумагу: *«Дом не потерял своего очарования, а сад — своего блеска».*

Фраза была произнесена таким одновременно насмешливым и полным отчаяния тоном, что ее голос никогда не изгладится из моей памяти. Но то, что ответил Робер Дарзак, было еще более странным. «Неужели мне придется совершить преступление, чтобы добиться вас!» — воскликнул он, чрезвычайно взволнованный, медленно поднося ее руку к губам. По движению его плеч мне показалось, что он плачет. Затем они удалились.

Когда я вернулся в большую галерею, Робера Дарзака уже не было, и я увидел его только в Гландье после покушения. Но я встретил вновь отца и дочь вместе с делегатами из Филадельфии. Мадемуазель Станжерсон стояла возле Артура Ранса, что-то увлеченно ей говорившего, причем глаза американца странно блестели. Она, казалось,

вовсе его не слушала. Мистер Ранс — крупный полнокровный человек. Его лицо покрывают большие красные пятна, ясно говорящие о том, что он не прочь выпить при случае. Когда господин Станжерсон и его дочь ушли, Артур Ранс отправился в буфет с явным намерением окончить там вечер. Я пошел за ним и в толчее оказал несколько мелких услуг. Он поблагодарил меня и сообщил, что через три дня, то есть двадцать шестого — обратите внимание: на следующий день после преступления — возвращается в Америку. Мы разговорились о Филадельфии, и он рассказал, что живет в этом городе уже двадцать пять лет и что там же познакомился с именитым профессором и его дочерью. Затем Ранс принялся за шампанское, и, когда я уходил, он уже был здорово навеселе.

Так прошел этот вечер, мой друг. Не знаю почему, но образы Робера Дарзака и мадемуазель Станжерсон не покидали меня всю ночь. Теперь можете себе представить, какое впечатление произвела на меня весть о покушении на мадемуазель Станжерсон. Как было не вспомнить слова ее спутника: «Неужели мне придется совершить преступление, чтобы добиться вас?» Но не эту фразу я прошептал Дарзаку при нашей первой

встрече в Гландье. Слов о доме и саде, которые мадемуазель Станжерсон прочла в письме, оказалось достаточно, чтобы перед нами распахнулись ворота замка. Думал ли я тогда, что Робер Дарзак может оказаться преступником? Конечно нет! В этот момент я серьезно ни о чем не думал. Практически я еще ничего не знал и просто хотел убедиться, что Дарзак не ранен и его рука в полном порядке.

Когда мы остались вдвоем, я рассказал ему о случайно услышанном разговоре в саду Елисейского дворца и напомнил фразу о преступлении, которое ему придется совершить. Это его сильно смутило, но, странное дело, значительно меньше, чем слова о доме и саде. По-настоящему же он пришел в ужас, узнав, что я связываю все это с письмом, которое мадемуазель Станжерсон получила в сороковом почтовом отделении во второй половине того же дня. Мое предположение подтвердилось, когда в лабораторном тигле обнаружился клочок этого письма, датированного двадцать третьим октября. Вернувшись из Елисейского дворца, мадемуазель Станжерсон попыталась его сжечь.

Напрасно Робер Дарзак утверждал, что это письмо никак не связано с преступлением. Пол-

ный отчаяния тон мадемуазель Станжерсон, его собственные слезы и угроза совершить преступление, произнесенная после чтения письма, говорили о многом. Я посоветовал ему не скрывать эту историю от правосудия.

Робер Дарзак нервничал все больше и больше, и я решил использовать свое преимущество.

— Вы должны были жениться, господин Дарзак, — сказал я небрежным тоном, не глядя на своего собеседника, — и вдруг эта свадьба расстраивается из-за автора письма, причем вы сразу заявляете о необходимости совершить преступление, чтобы заполучить свою собственную невесту. Значит, кто-то стоит между вами и мадемуазель Станжерсон, сударь, и этот человек пытается даже убить ее, лишь бы она не вышла замуж. Вам остается только сообщить мне имя преступника, господин Дарзак, — закончил я свою обвинительную речь, не подозревая того, что сказал что-то ужасное. Подняв глаза, я увидел искаженное лицо Робера Дарзака, покрытый крупными каплями пота лоб и глаза, полные страха.

— Господин Рультабиль, — сказал он мне, — моя просьба, быть может, покажется вам безрассудной, но в обмен я готов отдать всю свою жизнь. Не

надо говорить следователю о том, что вы видели и слышали в саду Елисейского дворца. Ни следователю, ни кому бы то ни было другому. Клянусь вам, что я невиновен, и я знаю, я чувствую, что вы мне верите. Но пусть уж лучше подозревают меня и не ищут смысла фразы о доме и саде. Правосудию незачем знать о ней. Разбирайтесь с Желтой комнатой сколько хотите, я вам не помешаю, только забудьте о вечере в Елисейском дворце. Больше того, я вам готов помочь. Вы найдете сотню других путей отыскать преступника. Хотите устроиться в замке? Распоряжайтесь здесь, как хозяин. Наблюдайте за моими действиями, за поведением всех остальных, но выбросьте из головы Елисейский дворец и тот вечер.

Здесь Рультабиль остановился, чтобы передохнуть. Я понимал теперь необъяснимое поведение Робера Дарзака по отношению к моему другу и легкость, с какой он проник на место преступления. Все, что я узнал, необычайно возбудило мое любопытство, и я попросил Рультабиля подробнее рассказать о событиях минувшей недели. Что означают его слова об уликах против Робера Дарзака, не менее веских, чем трость, найденная Ларсаном?

— Все обращается против него, — ответил мой

друг, — и положение становится очень серьезным. Причем, самого Дарзака это, похоже, вовсе не беспокоит. Он не прав, но его интересовало только здоровье мадемуазель Станжерсон, которое со дня на день улучшалось, пока вдруг не произошло событие еще более таинственное, чем покушение в Желтой комнате.

— Это невозможно! — воскликнул я. — Что может быть более загадочным, чем это странное преступление?

— Вернемся сперва к Роберу Дарзаку. Я вам говорил, что все обращается против него. Следы модных туфель, открытые Фредериком Ларсаном, могут быть его отпечатками. След велосипеда — может быть отпечатком его велосипеда. Он всегда оставлял свой велосипед в замке. Почему вдруг он забирает его в Париж? Разве он не должен был возвращаться в замок? Разве расторжение помолвки должно привести к разрыву его отношений с профессором и его дочерью?

Что же получается? Ларсан полагает, что между ними наступил полный разрыв. С того дня, как Робер Дарзак сопровождал мадемуазель Станжерсон в универсальный магазин, и до дня, следующего за преступлением, бывший жених в Гландье не появлялся. Причем, именно находясь

в его обществе, мадемуазель Станжерсон потеряла свою сумочку и ключ с медной головкой.

С того дня и до вечера в Елисейском дворце профессор Сорбонны и мадемуазель Станжерсон больше не виделись. Но, может быть, они писали друг другу? Мадемуазель Станжерсон отправилась в сороковое почтовое отделение за письмом, которое, по мнению Ларсана, было от Робера Дарзака. Ибо следователь, зная, что произошло в Елисейском Дворце, принужден думать, будто это Робер Дарзак украл сумочку с ключом, чтобы подчинить себе дочь старого Станжерсона, овладев наиболее ценными его бумагами. Может быть, он предлагал возвратить их, если свадьба все-таки состоится?

Эта гипотеза весьма сомнительна и почти абсурдна, но существует одно серьезное обстоятельство. Во-первых, странная вещь, которую я не могу себе объяснить: господин Дарзак лично отправляется двадцать четвертого на почту и спрашивает письмо, которое накануне уже получила мадемуазель Станжерсон. Описание человека, явившегося на почту, полностью соответствует внешности Дарзака. Он же на поставленный судебным следователем вопрос утверждает, что даже не приближался ни к какой

почте. И я ему верю.

Допустим даже, что письмо написал он, хотя это весьма сомнительно. Но ведь Дарзак видел это письмо у своей невесты в саду Елисейского дворца. Зачем же идти двадцать четвертого на почту и требовать письмо, которого, как он прекрасно понимал, там уже не было? По моему, это кто-то чрезвычайно похожий, скорее всего вор, укравший сумочку и требовавший в этом письме чего-то от мадемуазель Станжерсон. Чего-то, что не произошло! Должно быть, для вора это было неожиданностью, и он отправляется на почту, желая удостовериться, получено ли адресатом письмо с буквами «М.А.Т.С.Н.» на конверте.

Итак, адресат письмо получил, но требование не выполнено. Чего он хотел? Никто этого не знает, кроме мадемуазель Станжерсон. И вот на следующий день становится известным, что она чуть не была убита ночью, а еще через день выясняется, что профессор Станжерсон одновременно обокраден при помощи ключа, о котором шла речь в письме до востребования.

Поэтому я полагаю, что человек, приходивший на почту, должен быть преступником. И самое замечательное, что все эти доводы целиком принимаются Ларсаном, но он относит их пряме-

хонько к Роберу Дарзаку.

Вы понимаете, что судебный следователь, Ларсан и я сделали все возможное, чтобы получить сведения о странном посетителе почтового отделения двадцать четвертого октября. Но откуда он явился и куда отправился, неизвестно. Ничего, кроме описания, очень похожего на внешность Робера Дарзака.

Я поместил объявление в нескольких газетах:

> «Солидное вознаграждение будет немедленно выплачено извозчику, доставившему клиента 24 октября около 10 часов утра в 40-е почтовое отделение. Обращаться в редакцию «Эпок», спросить Ж. Р.».

Это ничего не дало. Быть может, человек пришел пешком. Я намеренно опустил в своем объявлении описание этого человека, чтобы ко мне не явились все парижские извозчики, утверждая, что это именно они побывали в сороковом почтовом и, разумеется, именно в десять утра. Днем и ночью я спрашиваю себя, кто же этот человек, так странно похожий на Робера Дарзака и покупающий трость, с которой не расстается Фредерик Ларсан.

Но самое неприятное заключается в том, что Робер Дарзак, который должен был читать лекцию в Сорбонне именно в то время, когда его двойник явился на почту, этой лекции не читал! Его заменил один из коллег по университету. Когда его спросили о причине этой замены, Дарзак ответил, что ему вздумалось отправиться прогуляться в Булонский лес. Что вы думаете о профессоре, который допускает замену своей лекции, чтобы слегка развеяться в Булонском лесу? Наконец, если Дарзак и гулял утром двадцать четвертого, то объяснить, как он провел время в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое, он и вовсе не может! На вопрос Ларсана Дарзак спокойно ответил, что то, как он проводит свое свободное время в Париже, касается его одного и никого больше.

В результате Фредерик Ларсан поклялся, что самостоятельно узнает, как Робер Дарзак провел это время. Все эти факты льют воду на мельницу сыщика, тем более что версия «отставного жениха» может подтвердить его предположение о том, каким образом преступник бежал: господин Станжерсон пропустил его, чтобы избежать грандиозного скандала!

Эта версия, на мой взгляд ошибочная, вводит

в заблуждение Ларсана. Я ничего не имел бы против, но может пострадать невиновный.

— А что, если Фредерик Ларсан прав? — не выдержал я, перебивая Рультабиля. — Уверены ли вы, что Робер Дарзак не виновен? Мне кажется, что все эти досадные совпадения…

— Совпадения, — ответил мой друг, — худший враг истины.

— Ну, а судебный следователь? Что думает он сегодня?

— Господин Марке колеблется. Признав Дарзака преступником, не имея для этого достаточных оснований, он восстановил бы против себя не только общественное мнение, включая Сорбонну, но и самих пострадавших. Мадемуазель Станжерсон обожает Робера Дарзака. Без сомнения, в Желтой комнате было темновато, но маленький ночник ее все-таки освещал. Публика с трудом поверит, что она не узнала в нападавшем своего жениха.

Вот, мой друг, как обстояли дела, когда три дня или, вернее, три ночи тому назад произошло удивительное событие, о котором я вам сейчас расскажу.

XIV. *«Я ожидаю убийцу сегодня вечером»*

— Пожалуй, я отведу вас на место происшествия, чтобы вы могли понять, или, вернее, чтобы вы убедились, что это понять невозможно. Что до меня, то я, пожалуй, нашел наконец способ, каким убийца выбрался из Желтой комнаты без сообщников и, разумеется, без всякого участия господина Станжерсона. Я еще не вполне уверен в личности преступника и поэтому не могу сейчас объявить об этом открытии. Но я нахожу свою версию безупречной, во всяком случае, она проста и естественна.

Событие, происшедшее три дня тому назад, здесь, в этом замке, поначалу казалось мне превосходящим всякое воображение. С другой стороны, единственное разумное объяснение кажется мне настолько абсурдным, что я почти предпочитаю ему неизвестность.

Мы вышли из замка и пошли вокруг здания. Под нашими ногами шуршали опавшие листья, и это был единственный шум, который я слышал. Можно было подумать, что замок заброшен. Ста-

рые камни, стоячая вода во рвах, окружавших башню, и опустевшая земля с черными стволами деревьев — все, это придавало мрачный и печальный вид окружающей местности.

Огибая башню, мы встретили Человека в зеленом, который, не поклонившись, прошел мимо, как будто мы не существовали. Он ничуть не изменился с того дня, когда я впервые увидел его через окно старого трактира папаши Матье. За плечом ружье, во рту трубка и очки на носу.

— Странная птица, — тихо сказал мне Рультабиль.

— Вы говорили с ним? — спросил я.

— Да, но из него ничего не вытянешь. Он ворчит, пожимает плечами и уходит. Живет он отшельником в большой комнате первого этажа, когда-то служившей молельней. Никогда не расстается с ружьем и любезен только с девушками. Под предлогом выслеживания браконьеров этот человек часто встает по ночам, но я подозреваю, что у него просто любовные свидания. Сильвия, горничная мадемуазель Станжерсон, — его возлюбленная. В настоящий момент он ухаживает за женой папаши Матье, трактирщицей. Но тот зорко следит за ней, и я полагаю, что это делает Человека в зеленом еще более мрачным и мол-

чаливым. Он красив, следит за собой и почти элегантен. Все женщины в округе от него без ума.

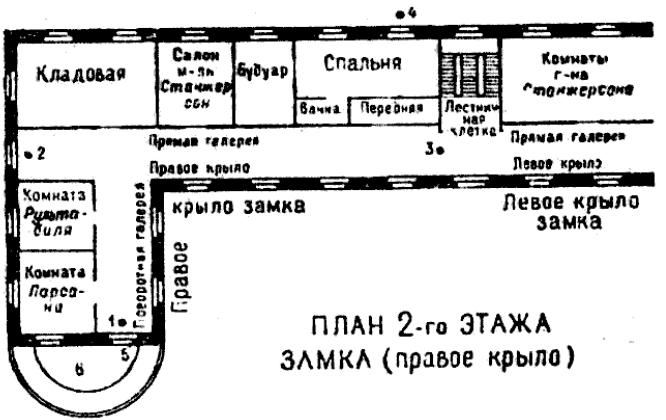
Пройдя башню, которая находилась в конце левого крыла, мы оказались позади замка. Показав на окно, в котором я узнал одно из окон мадемуазель Станжерсон, Рультабиль сказал:

— Окажись вы здесь три дня тому назад, около часа ночи, вы обнаружили бы вашего покорного слугу на лестнице, пытающегося проникнуть в замок через окно!

Я был несколько удивлен этой ночной гимнастикой, но Рультабиль попросил меня только внимательно рассмотреть внешнюю конфигурацию замка, и мы вернулись обратно.

— Теперь, — сказал мой друг, — пройдем в правое крыло второго этажа, где я живу.

Чтобы лучше понять расположение, я предлагаю читателю план этого места, нарисованный Рультабилем на следующий день после необычайного события, о котором вы узнаете во всех подробностях.



1. Место, где Рультабиль поместил Фредерика Ларсана.

2. Место, где Рультабиль поместил дядюшку Жака.

3. Место, где Рультабиль поместил господина Станжерсона.

4. Окно, через которое влез Рультабиль.

5. Окно, найденное Рультабилем открытым, когда он вышел из своей комнаты. Он его закрыл. Все другие окна и двери закрыты.

6. Терраса над комнатой в первом этаже.

Мы поднялись по монументальной широкой

лестнице, образующей площадку на высоте второго этажа, откуда можно было попасть в правое или левое крыло замка через широкую и высокую галерею, тянущуюся вдоль всего фасада, обращенного на северную сторону.

В галерею же выходили и двери комнат, окна которых смотрят на юг. Профессор Станжерсон живет в левом крыле замка, комнаты мадемуазель Станжерсон находятся в правом крыле.

Мы повернули направо. Ковровая дорожка на натертом паркетном полу, блестевшем как зеркало, заглушала наши шаги. Рультабиль шепотом попросил меня двигаться осторожно, так как мы проходили мимо комнат мадемуазель Станжерсон. Он объяснил мне, что дочь профессора занимает спальню, переднюю, маленькую ванну, будуар и салон. Разумеется, эти комнаты сообщались между собой, а в галерею выходили только двери салона и передней. Галерея упиралась в торец здания, заканчиваясь большим окном (на плане окно № 2). Недалеко от этого окна галерея поворачивалась под прямым углом влево. Для большей ясности назовем галерею, идущую от лестницы до окна, прямой, а боковой ее отрезок — поворотной. На перекрестке этих двух галерей располагалась комната Рультабиля, примы-

кавшая к комнате Фредерика Ларсана. Двери их комнат выходили в поворотную галерею, а двери помещения мадемуазель Станжерсон — в прямую.

Рультабиль толкнул дверь своей комнаты, впустил меня и заперся на задвижку. Я не успел еще и оглянуться вокруг, как он удивленно присвистнул, указывая мне на пенсне, лежащее на столике.

— Это еще что такое, — сказал он, — как сюда попало это пенсне?

Разумеется, я вряд ли смог бы ему ответить.

— А может быть, именно его-то я и ищу! Тогда это должно быть пенсне дальнозоркого.

Он буквально набросился на свою находку. Его пальцы ласкали выпуклость стекол, он смотрел на меня невидящими глазами и бормотал:

— Значит, все-таки так! Так значит…

Мне показалось, что он малость свихнулся, но Рультабиль встал, положил мне руку на плечо и задумчиво произнес:

— Это пенсне сведет меня с ума, ибо с точки зрения логики подобное возможно, но, рассуждая по-человечески, этого не может быть, разве что…

Кто-то постучал в дверь, Рультабиль приоткрыл ее, и я узнал жену привратника, которую

уже видел, когда ее вели на допрос. Л я-то полагал, что они все еще находятся под стражей!

— В выемке паркета, — прошептала привратница.

— Спасибо, — ответил Рультабиль, и женщина исчезла.

Тщательно закрыв дверь, он вновь обернулся ко мне.

— Если это так, — продолжал мой друг, — если, рассуждая по-человечески, это тоже возможно, то все действительно очень плохо.

— Разве привратники уже на свободе? — перебил я его.

— Да, — ответил Рультабиль, — я добился их освобождения, мне ведь нужны верные люди. Женщина мне абсолютно предана, привратник же даст себя убить за меня. А так как это пенсне дальнозоркого, то верные люди мне действительно понадобятся, причем очень скоро.

— А вы не шутите, мой друг? И когда же придется за вас умирать?

— Нынче же вечером, так как следует вам сказать, что сегодня вечером я ожидаю в гости преступника.

— Как ожидаете? Вы что же, знаете, кто он?

— Да, теперь, возможно, и знаю. Хотя с моей сто-

роны было бы безумием это утверждать. Логика приводит меня к такому чудовищному выводу, что я очень хотел бы ошибиться.

— Но если это так, то откуда вы знаете, что он явится сегодня вечером?

— Он должен прийти!

Рультабиль тщательно набил трубку и не торопясь раскурил ее. Это предвещало увлекательный рассказ. В этот момент кто-то прошел мимо нашей двери. Рультабиль прислушался к удаляющимся шагам.

— Фредерик Ларсан в своей комнате? — спросил я, указывая на стену.

— Нет, — ответил мой друг, — он должен был уехать утром в Париж, потому что постоянно преследует Дарзака, который тоже сегодня собирался в столицу. Все это плохо кончится! Робера Дарзака, вероятно, арестуют в течение ближайшей недели. Все объединилось против него: события, обстоятельства, люди, и каждый час приносит новые обвинения. Судебный следователь подавлен и ослеплен ими, и я понимаю его состояние.

— Но ведь Фредерик Ларсан не какой-нибудь новичок.

— Я полагал, — сказал Рультабиль с презрительной усмешкой, — что Фред значительно умнее.

Конечно, это не первый встречный, и я даже испытывал к нему чувство восхищения, пока не познакомился с его методами работы. Он обязан своей репутации только ловкости, но логика его расчетов очень бедна и достойна сожаления.

Я не мог сдержать улыбки, слушая как этот восемнадцатилетний юноша поносил пятидесятилетнего мужчину, зарекомендовавшего себя одним из лучших сыщиков Европы.

— Смеетесь? — обиделся Рультабиль. — А между тем клянусь вам, что я одолею его. Но не следует торопиться, так как Дарзак дал ему в руки огромное преимущество, которое сегодня вечером увеличится еще больше. Подумать только, каждый раз, как преступник появляется в замке, Робер Дарзак, по роковому стечению обстоятельств, отсутствует и — больше того! — отказывается сообщить, где он был и что делал.

— Что значит «каждый раз»? — удивился я. — Он объявился вновь?

— Да, в ту удивительную ночь, когда все это случилось.

Итак, мне предстояло узнать о том необычайном происшествии, которое Рультабиль упоминал уже в момент нашей встречи. Но я знал, что его нельзя подгонять, он говорил, когда

хотел или когда считал это полезным. Меньше всего заботясь о моем любопытстве, он, скорее всего, просто желал восстановить последовательность событий для самого себя.

Его рассказ привел меня в оцепенение, потому что никакие разумные гипотезы не способны объяснить исчезновение преступника в тот самый момент, когда четыре человека буквально готовы были схватить его.

Конечно, будь у меня голова Рультабиля, я мог бы представить себе и естественное объяснение. Ибо наиболее примечательным в этом таинственном деле является как раз то, что Рультабиль объяснил его самым естественным образом. Но у кого есть голова, подобная голове Рультабиля? На его лбу сразу бросались в глаза оригинальные выпуклые шишки, которые мне приходилось наблюдать еще у Фредерика Ларсана, хотя и менее ярко выраженные.

Среди бумаг, подаренных мне Рультабилем по окончании дела, хранится записная книжка, содержащая подробный отчет о необычайном исчезновении преступника и размышления моего друга по этому поводу. Полагаю, что привести записки Рультабиля будет более полезным, чем излагать нашу беседу, так как в подобном деле я

боюсь прибавить даже одно лишнее слово, способное исказить истину.

XV. *Западня*

(Выдержки из записной книжки Жозефа Рультабиля)

«В ночь с 29 на 30 октября, — записывает Рультабиль, — я проснулся около часа. Бессонница или шум снаружи явились причиной этого? Зловещий крик Божьей благодати еще звучал в глубине парка. Я поднялся и открыл окно. Холодный ветер с дождем, непроницаемая тьма и молчание. Вдруг ночная тишина нарушилась странным криком. Быстро натягиваю брюки и пиджак. Погода такая, что и собаку на улицу не выгонишь. Кто же это ночью передразнивает мяуканье кошки матушки Ажену, да еще вблизи замка?

Я беру большую дубинку, единственное оружие, которым я располагаю, и бесшумно открываю дверь. Галерея ярко освещена лампой с рефлектором, и этот свет слегка мерцает, как от сквозняка. Я почувствовал дуновение воздуха и обернулся. В конце той галереи, которую я назвал поворотной, в отличие от прямой, в которую выходят комнаты мадемуазель Станжерсон, я вижу открытое

окно. Эти две галереи пересекаются под прямым углом.

Кто же оставил окно открытым или кто открыл его? Я подхожу и вглядываюсь. Под этим окном, примерно на расстоянии метра, находится терраса, которая служит крышей маленькой комнатки в первом этаже здания, выступающей из фасада. Если понадобится, можно без труда спрыгнуть из окна на террасу и оттуда спуститься в главный двор замка. Тому, кто проделает этот путь, ключ от двери вестибюля не понадобится. Но почему я вообразил себе эту сцену? Из-за открытого окна? Быть может, это просто небрежность прислуги. Я закрываю окно, удивляясь той легкости, с которой построил целую драму из-за пустяка.

Новый крик Божьей благодати, и вновь молчание. Дождь перестал барабанить в стекло. В замке все спят. Бесшумно ступая по ковровой дорожке, я прохожу по галерее и, дойдя до угла, осторожно осматриваюсь, повернув голову. И здесь горит лампа и тоже с рефлектором. Она ярко освещает три кресла и несколько картин на стенах. Что я здесь делаю?

Никогда еще замок не был погружен в такое безмолвие. Какой же инстинкт толкает меня к комнате мадемуазель Станжерсон? Я опускаю

глаза на ковер и вижу, что впереди меня к ее комнате ведут следы! Да, на этот ковер чья-то обувь принесла грязь снаружи, и я следую за этими следами прямо к спальне мадемуазель Станжерсон. Ужасно! Я узнаю «элегантные следы» преступника. Но ведь если из галереи можно спуститься на террасу, значит, таким же путем можно подняться в галерею. И преступник здесь, в замке, так как обратных следов я не вижу. Он проник сюда через открытое окно в конце поворотной галереи, прошел мимо комнаты Ларсана, мимо моей комнаты, повернул направо в прямую галерею и вошел в комнату мадемуазель Станжерсон. Я остановился перед полуоткрытой дверью и осторожно толкнул ее. Сделав еще один шаг, я оказался в передней и увидел под дверью спальни полосу света. Внимательно прислушиваюсь. Ничего. Никакого шума, даже дыхания не слышно. Ах, если бы знать, что происходит там, за этой дверью!

Я прильнул к замочной скважине, но ничего не увидел, так как дверь заперта на ключ и ключ остался в замке. Подумать только, убийца, может быть, находится еще там. Он должен быть там! Убежит ли он и на этот раз? Все зависит только от меня. Побольше хладнокровия и, главное, не

ошибиться. Пройдя через гостиную, я смогу заглянуть в комнату. Но для этого придется пройти через будуар, а убийца тем временем скроется через дверь, перед которой я сейчас стою. Но ведь, собственно говоря, ничего еще не произошло. В будуаре тишина, а там постоянно ночуют две сиделки.

Но поскольку я уверен, что убийца еще там, почему бы немедленно не забить тревогу? Злодей может и убежать, но зато я спасу мадемуазель Станжерсон. А если убийца сегодня вечером вовсе не является убийцей? Он вошел этой ночью в комнату, дверь которой обычно закрыта на ключ изнутри, так как мадемуазель Станжерсон каждый вечер запирается у себя с сиделками. Кто же повернул ключ, чтобы пропустить убийцу? Сиделки? Две верные служанки, старая горничная и ее дочь Сильвия? Это маловероятно, во всяком случае, они спят в будуаре, и мадемуазель Станжерсон, как сказал мне Робер Дарзак, очень осторожная, сама заботится о своей безопасности, с тех пор как чувствует себя достаточно окрепшей, чтобы сделать несколько шагов по комнате. Это неожиданное беспокойство и осторожность удивили Дарзака, да и меня тоже. Можно было не сомневаться, что несчастная ожидала убийцу

вновь. Ждала ли она его сегодня вечером? Но кто же повернул ключ? А если это сама мадемуазель Станжерсон? Может быть, имелись причины, заставившие ее открыть дверь? Какая ужасная встреча там сейчас происходит!

Это не любовное свидание, ведь она любит только Робера Дарзака, я это знаю. Все эти мысли быстро проносятся у меня в голове. Ах, если бы знать!

А может быть, тишина за дверью необходима, и мое вмешательство только все испортит или даже станет причиной преступления.

Я вышел из передней и спустился по главной лестнице в вестибюль. Затем тихонько проскользнул к маленькой комнате в первом этаже, где после происшествия в павильоне ночует дядюшка Жак.

Я нахожу его совершенно одетым, взгляд широко открытых глаз странно блуждает. Увидев меня, он совершенно не удивился и сказал, что крик Божьей благодати и чьи-то шаги подняли его с постели. За окном он заметил какой-то темный силуэт. Я поинтересовался, есть ли у него оружие. Он ответил, что нет с тех пор, как судебный следователь забрал его револьвер.

Вдвоем мы выходим в парк через маленькую

заднюю дверь и пробираемся вдоль замка под окна мадемуазель Станжерсон.

Я оставил дядюшку Жака у стены и, воспользовавшись тем, что луна в этот момент скрылась за тучей, приблизился к окну, стараясь держаться вне полосы падающего из него света. Окно приоткрыто! Из осторожности? Чтобы без задержки спрыгнуть вниз, если кто-нибудь войдет в дверь? Но, выскочив из этого окна, можно просто сломать себе шею. Быть может, преступник захватил веревку? Вероятно, он все предусмотрел. Ах, если бы знать, что происходит в этой комнате! Я вернулся к дядюшке Жаку и прошептал ему на ухо только одно слово: «Лестница».

Сперва я подумал о дереве, которое служило мне наблюдательным пунктом неделю тому назад, но в этот раз окно приоткрыто так, что с дерева не увидишь происходящего в комнате. И кроме того, я хочу не только видеть, но слышать и действовать.

Дядюшка Жак, взволнованный и дрожащий, ушел и через минуту, вернувшись без лестницы, сделал мне знак рукой.

— Пойдем, — прошептал он, когда я приблизился.

— Я пошел искать лестницу в нижнем зале

башни, — говорит он мне по дороге, — там наша кладовка, садовника и моя. Дверь башни оказалась открытой, а лестницы не было. Посмотрите, где я ее обнаружил. Еще хорошо, что луна выглянула.

И он указал мне на лестницу, прислоненную к колоннам в другом конце замка, под окном, которое я недавно обнаружил открытым. Конечно, именно по этой лестнице преступник и проник в поворотную галерею второго этажа.

Мы бросились к лестнице и уже было схватились за нее, но тут дядюшка Жак остановился у приоткрытой двери маленькой комнаты, потолком для которой и служила уже упомянутая мною терраса. Дядюшка Жак толкнул дверь, заглянул внутрь и прошептал:

— Его здесь нет.

— Кого?

— Сторожа. Он спит в этой комнате с тех пор, как ремонтируют башню.

Многозначительным жестом дядюшка Жак показал на полуоткрытую дверь, лестницу, террасу и окно поворотной галереи. Бесспорно, подумал я, если сторож сейчас наверху (я говорю «если», так как за исключением лестницы и пустой комнаты у меня нет никаких оснований его подозревать),

если он там, то, конечно, воспользовался этой лестницей и этим окном, ибо помещения, расположенные за его жильем и занятые семьей дворецкого и кухарки, преграждают путь к вестибюлю и парадному входу. Сторож, разумеется, мог под каким-нибудь предлогом зайти вчера вечером в галерею и притворить окно так, что ему оставалось только толкнуть раму снаружи и спуститься в галерею. Незапертое изнутри окно вообще резко ограничивает личность преступника. Разумеется, он должен быть своим человеком в доме, если не предполагать соучастника, во что я не верю, и… если только окно не оставила открытым сама мадемуазель Станжерсон. Но что же это за тайна, какая ужасная причина заставляет ее устранять препятствия на пути убийцы?

Я беру лестницу, и мы возвращаемся к окну спальни мадемуазель Станжерсон, которое по-прежнему приоткрыто. Луч света пробивается через спущенные портьеры и освещает часть лужайки у моих ног. Начинается дождь. Тихонько прислонив лестницу к стене под окном, я осторожно поднимаюсь с дубинкой в руке, оставив дядюшку Жака внизу. Вдруг мрачный вопль Божьей благодати прервал мой подъем. Мне показалось, что крик раздался прямо за моей спи-

ной, совсем рядом! А что, если этот крик является сигналом? Если какой-то соучастник убийцы увидел меня на лестнице и криком вызывает незнакомца к окну? О черт! Он уже стоит у окна, я даже слышу его дыхание. Одно незначительное движение, и я погиб. Нет, кажется, пронесло. Он уходит, вероятно, так ничего и не увидев. Я скорее чувствую, чем слышу, как он крадется по комнате.

Я поднялся еще на пару ступенек и заглянул за портьеру. Сидя спиной ко мне за маленьким столиком мадемуазель Станжерсон, незнакомец что-то писал. Удивительная вещь! Ее в спальне нет, и постель не разобрана. Вероятно, этой ночью она спит в соседней комнате рядом со своими женщинами. Я обрадовался, увидев преступника в одиночестве. Необходимо присутствие духа, чтобы подготовить ловушку. Но кто этот человек, который расположился за столом и пишет, как у себя дома? Не будь следов на ковре, открытого окна и лестницы под окном, я бы подумал, что он находится здесь по праву, по какой-то естественной нормальной причине. А ведь это, безусловно, таинственный незнакомец из Желтой комнаты, человек, которого мадемуазель Станжерсон должна терпеть, не выдавая. Как

же мне увидеть его лицо и поймать, захватив врасплох? Если сейчас прыгнуть в комнату, то он убежит через переднюю или через дверь в будуар. Оттуда, минуя салон, он попадет в галерею и сбежит окончательно. И все-таки еще немного, и я поймаю его! Что он там пишет, один в комнате мадемуазель Станжерсон, и кому он пишет?

Я спустился по лестнице вниз, и мы с дядюшкой Жаком вернулись в замок. Я послал его разбудить господина Станжерсона, наказав ждать меня у профессора и ничего не говорить до моего прихода, а сам отправился будить Фредерика Ларсана. Конечно, для меня это большое огорчение, я хотел бы добиться успеха самостоятельно под носом у спящего Ларсана, но дядюшка Жак и господин Станжерсон уже стары, а я еще недостаточно силен. В решающий момент у меня может не хватить сил, а Ларсан привык бороться с преступниками, которых бросают на землю и поднимают в наручниках.

Сыщик открыл мне дверь ошеломленный, с заспанными глазами, готовый послать меня к черту вместе с моими фантазиями сумасбродного репортера. Мне же еще пришлось и убеждать его, что наш враг находится в замке!

— Это странно, — говорит он, — а я-то полагал,

что оставил его сегодня в Париже.

Быстро одевшись, он берет револьвер, и мы выходим из комнаты.

— Где он? — спрашивает Ларсан.

— В спальне у мадемуазель Станжерсон.

— А она сама?

— Вероятно, в будуаре.

— Идем туда!

— Погодите, при первых же признаках опасности он бросится бежать, и у него есть целых три пути для отступления — дверь, окно и будуар, где спят женщины.

— Я буду стрелять в него.

— А если вы промахнетесь? Если вы его только раните и он все равно убежит? Не говоря уже о том, что он тоже несомненно вооружен. Нет, предоставьте действовать мне, и я отвечаю вам за успех.

— Как вам угодно, — ответил Ларсан.

Я оставил его в конце поворотной галереи у окна, которое недавно закрыл.

— Ни в коем случае не покидайте своего поста, — сказал я Фреду, — пока я вас не позову. Сто шансов из ста, что наш молодец бросится сюда и попытается спастись именно через это окно. Он пришел этим путем и здесь подготовил себе

бегство. У вас опасная миссия.

— Какова будет ваша? — спросил Фред.

— Я прыгну в комнату и спугну его.

— Возьмите мой револьвер, а мне дайте вашу дубинку.

— Спасибо, — ответил я, — вы храбрый человек.

Я взял револьвер, так как должен был встретиться один на один с преступником, и оружие придало мне уверенности. Покидая Фреда, я оставил его у окна № 5 (по плану) и с осторожностью направился к комнате господина Станжерсона в левом крыле замка.

Дядюшка Жак в точности выполнил мое указание и ограничился лишь тем, что попросил профессора поскорее одеться. В двух словах я объяснил суть происходящего. Господин Станжерсон также взял свой револьвер, и втроем мы направились в галерею.

С того момента, как я увидел преступника, сидевшего за столом, прошло едва ли десять минут. Господин Станжерсон хотел немедленно броситься в спальню дочери и убить негодяя, но я объяснил, что, желая убить этого человека, можно и вовсе упустить его. Поклявшись, что мадемуазель Станжерсон в комнате не было, и,

следовательно, опасность ей не угрожает, мне удалось смирить его нетерпение и добиться полной свободы действий. Я объяснил, что они должны двинуться ко мне только тогда, когда я их позову или выстрелю из револьвера. Я поставил дядюшку Жака перед окном, расположенным в конце прямой галереи (на плане № 2), так как полагал, что преследуемый беглец постарается добраться до окна, которое он оставил открытым. Однако, достигнув перекрестка и увидев Ларсана, охраняющего поворотную галерею, он бросится вперед и натолкнется на дядюшку Жака, который помешает ему выпрыгнуть в парк из окна в конце прямой галереи.

При этом я, конечно, предполагал, что преступник прекрасно осведомлен о расположении замка, так как только под этим окном снаружи находился выступ стены. Другие же окна прямой галереи выходили в ров, причем на такой высоте, что спрыгнуть вниз и не сломать себе шею было попросту невозможно. Все двери и окна были надежно заперты, включая и двери кладовой. На ходу я сам это проверил.

Итак, наказав дядюшке Жаку не двигаться с места, я оставил господина Станжерсона перед площадкой парадной лестницы, рядом с дверью

в прихожую мадемуазель Станжерсон. Ясно, что, спасаясь от меня в спальне, преступник бросится через прихожую, а не побежит в будуар, где спят женщины и дверь которого могла запереть сама мадемуазель Станжерсон, опасаясь незваного гостя. Как бы там ни было, он все равно попадал в галерею, где все пути отступления были ему надежно отрезаны.

Оказавшись в галерее, преступник почти столкнется с профессором и бросится вправо. На перекрестке двух галерей он увидит слева Фредерика Ларсана, а прямо перед собой — дядюшку Жака. Я и профессор Станжерсон будем преследовать его сзади. Преступник в наших руках, и ускользнуть ему на этот раз некуда!

Завершив таким образом необходимые приготовления, я выбежал из замка и, вернувшись к лестнице, вновь принялся взбираться наверх с револьвером в руке.

Тому, кто усмехнется всем этим бесконечным предосторожностям, следует вспомнить тайну Желтой комнаты и все доказательства фантастической хитрости преступника. Если же кто-нибудь сочтет глупыми все мои рассуждения в тот момент, когда требуется только быстрота действий и решительность, я отвечу, что хотел

лишь детально изложить весь план атаки, осуществленной настолько же быстро, насколько медленно он описывается здесь под моим пером. Я хочу быть уверенным, что ничего не пропустил в описании тех обстоятельств, которые лучше, чем все теории профессора Станжерсона, подтверждают возможность мгновенного исчезновения материи».

XVI. *Странное исчезновение материи*

(Выдержки из записной книжки Рультабиля, продолжение)

«И вот я вновь рядом с портьерами, положение которых не изменилось? Но там ли еще мой враг? Впрочем, бежать он не мог, ведь лестница его у меня.

Я призываю на помощь все свое самообладание и заглядываю в комнату. Он там! Я снова вижу искаженную тень его чудовищной спины. Однако теперь свеча стоит на полу, а человек склонился над ней. Странная поза, но она мне только на пользу.

Стараясь почти не дышать, я одолеваю последние ступеньки лестницы. Успех близок, и я чувствую, как сильно бьется мое сердце. Я беру в зубы револьвер и кладу руки на подоконник. Нужно сделать только один резкий толчок, подтянуться на руках, и я буду в окне. Но лестница! Я чувствую, как она вдруг качнулась и заскользила по стене вниз. Однако мои колени

уже касаются подоконника. С быстротой, которая кажется мне беспримерной, я выпрямляюсь, но злодей действует еще быстрее. Он услышал скрип заскользившей вдоль стены лестницы, его чудовищная спина резко выпрямилась, и человек обернулся.

Я увидел его лицо, но хорошо ли я его разглядел? Свеча на полу достаточно освещает только его ноги, и уже на высоте стола в комнате полумрак. Мне удалось разобрать голову с растрепанными волосами и бородой и безумные глаза, выделявшиеся на бледном, обрамленном бакенбардами лице. Цвет волос, насколько я мог в сумраке различить, показался мне рыжим. Я не знал этого человека или, по крайней мере, я не узнал его.

Теперь необходима быстрота, нужно быть стремительным, как ветер и молния! Но, увы, пока я подтягивался на руках и взбирался на подоконник, человек увидел меня в окне. Он вскочил и бросился, как я и предвидел, к двери передней, открыл ее и был таков. Я уже мчался за ним с револьвером в руке, громким криком «На помощь!» призывая моих помощников. Стремительно пересекая комнату, я все же успел заметить оставленное на столе письмо.

Я едва не схватил беглеца в передней, почти

коснувшись его, так как на открывание двери он потратил какое-то время. Однако дверь, которая вела из передней в галерею, захлопнулась перед моим носом. Но я уже летел как на крыльях, и в галерее нас разделяло не больше трех метров. Здесь ко мне присоединился господин Станжерсон, а беглец бросился по галерее направо, по дороге, приготовленной для своего отступления.

— Ко мне, Жак! Ко мне, Ларсан! — кричал я во все горло.

Ему некуда деться. Победа близка.

Человек достиг перекрестка двух галерей едва ли на две секунды раньше нас, и тут произошла та встреча, то роковое столкновение, которое я так тщательно подготовил. Мы все встретились на перекрестке: господин Станжерсон и я прибежали с одной, а дядюшка Жак с другой стороны прямой галереи, Фредерик Ларсан подоспел из тупика поворотной. Все четверо мы столкнулись с такой силой, что едва не упали. Но беглеца среди нас не было!

Мы смотрели друг на друга глазами, полными ужаса и удивления: его здесь не было!

— Он же не мог убежать! — я даже притопнул ногой от гнева.

— Я его коснулся! — воскликнул Фредерик

Ларсан.

— Я почувствовал его дыхание на своем лице, — сказал дядюшка Жак.

— Мы оба почти касались его, — повторяли господин Станжерсон и я.

Но где же он?

Мы пробежали по всем галереям, мы осмотрели все двери и окна — они были заперты, герметически закрыты! Да и как мог преследуемый нами человек открыть что-нибудь у нас под носом так, чтобы мы ничего не заметили? Это было бы так же невероятно, как и исчезновение самого человека.

Но, тем не менее, он исчез! Он не вылез через окно и не вышел в двери. Не мог же он пройти сквозь нас.[2]

Признаюсь, в этот момент я был уничтожен. В галерее было светло, спрятаться ему было негде, а я, как безумный, продолжал сдвигать с места кресла и поднимать на стенах картины. Ничего!»

---

[2] Примечания: 2

На судебном процессе эта тайна была объяснена самым естественным образом. Неопровержимая логика Рультабиля доказала правосудию, что преступник и в самом деле исчез, не воспользовавшись окном, дверью или лестницей.

XVII. *Необъяснимая галерея*

(Выдержки из записной книжки Рультабиля, продолжение)

«На пороге своей передней показалась мадемуазель Станжерсон, — продолжал Рультабиль в своей записной книжке. — Мы стояли возле ее дверей в галерее, и голова моя раскалывалась от напряжения. Это чувство сравнимо разве что с ощущением, которое испытываешь, получив пулю в лоб, когда череп и мозг разлетаются на куски.

К счастью, я увидел на пороге мадемуазель Станжерсон и вновь почувствовал аромат Дамы в черном. Милая, дорогая Дама в черном, которую я больше никогда не найду! Боже мой, я отдал бы половину моей жизни, чтобы вновь увидеть ее. Но, увы, лишь иногда я встречаю этот неповторимый аромат моего детства и юности.[3] Это

[3] Примечания: 3

Жозеф Рультабиль писал эти записки в возрасте всего восемнадцати лет и уже сожалеет о минувшей юности. Относясь с глубоким уважением к его словам, следует заметить, что лирические воспоминания по поводу аромата Дамы в черном никак не связаны с тайной Желтой комнаты. Я только воспроизвожу его записи, в которых присутствуют и личные воспоминания.

воспоминание о твоем аромате, о милая Дама в черном, и заставило меня подойти к той женщине в белом, которая, такая бледная и неповторимая, стояла сейчас на пороге галереи. Ее прекрасные белокурые волосы были подняты надо лбом и не скрывали красноватого шрама на виске — следа от раны, едва не стоившей ей жизни.

Раздумывая вначале об этом деле, я допускал, что в ночь преступления волосы мадемуазель Станжерсон могли быть зачесаны наверх, но разве можно было рассуждать иначе, не заходя в Желтую комнату.

Сейчас же, после пережитых нами событий, я больше не рассуждал. Очарованный, я молча стоял перед бледной и прекрасной мадемуазель Станжерсон.

Она была в белом пеньюаре. Отец обнял и поцеловал ее, как человек, вновь нашедший сокровище, которое у него попытались отнять. Ни о чем не спрашивая, он увлек дочь в комнату, а мы отправились следом. Надо же было наконец все выяснить.

Из двери будуара выглядывали испуганные лица сиделок. Мадемуазель Станжерсон поинтересовалась, что означал весь этот шум. Ей не спалось этой ночью у себя, и она улеглась в буду-

аре вместе с сиделками. Дверь будуара заперли на ключ, так как после преступления ее иногда охватывает необъяснимый страх. Что ж, это понятно. Кто разгадает, почему именно в эту ночь она по счастливой случайности заперлась со своими женщинами? Кто поймет, почему она так настойчиво сопротивлялась желанию господина Станжерсона спать у нее в салоне, если она так боится… и почему письма, недавно лежавшего на столике, больше там нет? Тот, кто сможет все это понять, безусловно, скажет, что мадемуазель Станжерсон была осведомлена о появлении преступника и не могла этому помешать. Она никого не предупредила, потому что он должен оставаться неизвестным. Неизвестным отцу, неизвестным всем, за исключением Робера Дарзака, который теперь, вероятно, все знает. Быть может, он знал преступника и раньше. Вспомните фразу в саду Елисейского дворца: *«Неужели мне придется совершить преступление, чтобы добиться вас?»* Против кого же это преступление, если не против «препятствия» — убийцы и вора. Вспомните еще мой вопрос: «Вы, может быть, не хотите, чтобы я отыскал убийцу?» И ответ Робера Дарзака: «Ах, я хотел бы убить его собственными руками!»

Действительно! Господин Дарзак так хорошо

знает преступника, что, желая разделаться с ним, он боится открыть мне его имя. Он устроил мне пребывание в замке по двум причинам. Во-первых, потому что я заставил его, и, во-вторых, чтобы лучше охранять ее.

Наконец я в спальне мадемуазель Станжерсон и смотрю на то место, где еще недавно лежало предназначенное ей письмо. Ах, как эта бедняжка дрожит, слушая рассказ отца о преступнике в ее комнате, о стремительном преследовании. Кажется, она полностью успокоилась, только узнав, что он скрылся от нас при помощи небывалого колдовства.

Затем воцарилась гнетущая тишина. Отец, Ларсан, дядюшка Жак и я, мы все смотрим на нее и молчим. После событий этой ночи, после тайны Необъяснимой галереи, после прихода преступника в ее спальню, кажется, все наши мысли, обращенные к ней, говорят об одном: «Ты же знаешь тайну, расскажи ее нам, и мы спасем тебя».

Ах, как же мне хотелось спасти эту женщину от самой себя и от преступника! Мои глаза наполнились слезами сочувствия ее тайному горю, потому что наше желание все узнать причиняет ей страдание. Быть может, когда мы раскроем ее тайну, то совершится еще более ужасная драма,

чем та, которая уже произошла? А что, если это ее погубит? Между тем уже ясно, что мадемуазель Станжерсон предпочтет скорее умереть, чем раскрыть свою тайну, а значит и секрет того, как преступник бежал из Желтой комнаты. Но кто же он? Кто?

Ока смотрела на нас отрешенно, как бы издалека, как будто нас и в комнате не было.

Нарушив молчание, господин Станжерсон заявил, что больше не намерен покидать спальню своей дочери и переедет сюда сегодня же, несмотря на все ее возражения. Озабоченный состоянием дочери, он умолял ее лечь в постель. Кажется, он уже просто не понимал, что говорит. Знаменитый профессор совершенно потерял голову и беспорядочно повторял отдельные бессвязные слова.

— Отец! — с жалостью остановила его мадемуазель Станжерсон, и мы отвернулись, чтобы не видеть рыданий этого седовласого старца.

Фредерик Ларсан, так же как и я, впервые после преступления в Желтой комнате находился в присутствии мадемуазель Станжерсон. Мы оба все эти дни настаивали на необходимости допросить несчастную, но он преуспел не больше меня. Нам был дан один и тот же ответ: девушка

еще чересчур слаба, чтобы принять нас, допросы судебного следователя и без того достаточно ее утомили. Ясно, что мадемуазель Станжерсон просто не желала облегчить наши поиски. Это не поражало меня и не удивляло Ларсана. Правда, мы придерживались совершенно различных взглядов на преступление.

Отец и дочь плакали, а я ловил себя на мысли, которую повторял в глубине души: «Спаси ее! Спаси, но так, чтобы не скомпрометировать эту несчастную женщину. Преступник не должен заговорить!»

Но Робер Дарзак считает, что заставить этого человека молчать можно только уничтожив его. Однако имею ли я право обезвредить преступника таким способом? Не знаю. И все же, пусть только представится случай, я постараюсь убедиться, что это живой человек из плоти и крови, а не оборотень или дьявол. По крайней мере, хочу увидеть его труп, раз уж нельзя захватить этого негодяя живым!

Ну как объяснить этой женщине, которая даже не глядит на нас, что я готов на все ради ее спасения. Я решил было умолить ее довериться мне, объяснить в нескольких словах, что я угадал половину ее тайны и знаю, как преступник

выбрался из Желтой комнаты. Но она попросила всех оставить ее одну, сославшись на усталость и желание немедленно отдохнуть, а господин Станжерсон поблагодарил нас и уговорил вернуться к себе.

Мы с Ларсаном откланялись и вышли с дядюшкой Жаком в галерею.

— Странно, — пробормотал сыщик и знаком пригласил меня в свою комнату.

На пороге он обернулся к старику:

— Вы его хорошо разглядели?

— Кого?

— Этого человека.

— Еще бы! У него большая рыжая борода и рыжие волосы.

— Таким же он показался и мне, — заметил я.

— И мне, — сказал Ларсан.

Великий Фред и я остались наконец одни в его комнате. Примерно с час мы обсуждали это происшествие со всех сторон. По мнению сыщика, человек скрылся через какой-то секретный выход, известный только ему одному.

— Потому что он знает этот замок, и прекрасно его знает, — повторял Фред.

— Это человек — высокого роста.

— У него именно тот рост, который нужен, —

бормотал сыщик.

— Ну хорошо, я вас понимаю. А как вы объясните рыжую бороду и волосы?

— Чересчур большая борода и чересчур много волос. Все это фальшивое.

— Пожалуй, что так, — согласился я. — Вы по-прежнему думаете о Робере Дарзаке и не можете избавиться от этой мысли. А я уверен, что он невиновен.

— Тем лучше, и мне хотелось бы этого, но, право же, все против него. Вы заметили следы на ковре? Пойдите посмотрите.

— Я их видел. Это следы модных туфель, те же, что и на берегу пруда.

— Это следы Робера Дарзака! Будете отрицать?

— Здесь можно и ошибиться.

— А вы заметили, что следы этих шагов не возвращаются? Когда человек, преследуемый вами, выбежал из комнаты, его обувь почти не оставляла следов.

— Он мог просидеть в комнате несколько часов. Грязь на его туфлях высохла, и потом, он бежал очень быстро, вероятней всего, на носках.

Тут я прервал этот бесцельный и недостойный нас разговор, сделав Ларсану знак прислушаться. Там внизу кто-то закрыл дверь…

Мы быстро спустились вниз и вышли из замка. Я подвел его к маленькой комнате под террасой, на которую выходит окно поворотной галереи, и указал на закрытую теперь дверь. Снизу пробивалась полоска света.

— Сторож, — прошептал Фред.

— Зайдем туда, — ответил я, непонятно на что решаясь. Обвинить сторожа, что ли?

Я сильно постучал в дверь.

Возможно, некоторые решат, что мы явились сюда слишком поздно, что, как только преступник скрылся из галереи, нужно было немедленно искать его здесь. Но ведь беглец исчез так, будто его и не было! Раз уж он убежал от нас в тот момент, когда мы его почти схватили, то искать его ночью в парке было, конечно, совершенно бессмысленно.

Дверь распахнулась, как только я постучал. Спокойным голосом сторож поинтересовался, что нам угодно. Он был в рубашке и, вероятно, собирался ложиться, однако постель была еще не разобрана. Мы вошли в комнату.

— Вы еще не легли? — удивился я.

— Нет, — довольно грубо ответил сторож, — я только что вернулся с обхода по парку и по лесу и очень хочу спать. Доброй ночи.

— Еще недавно возле вашего окна стояла лестница.

— Какая лестница? Никакой лестницы я не видел. Доброй ночи, — и он бесцеремонно захлопнул перед нами дверь.

Я глянул на Ларсана. Тот был невозмутим.

— Новых перспектив это, скорее всего, не открывает, — пожал он плечами.

Однако настроение у него явно испортилось.

— Странно, — пробормотал он на обратном пути, — неужели я мог так ошибаться?

Скорее всего эти слова были произнесены с расчетом на то, что я их услышу.

— Во всяком случае, скоро мы все узнаем, — прибавил он, — после ночи наступит день».

XVIII. *Рультабиль проводит круг между двумя шишками своего лба*

(Выдержки из записной книжки Рультабиля, продолжение)

«Мы расстались на пороге наших комнат после меланхоличного рукопожатия. Я был рад, что посеял хоть тень сомнения в этом недостаточно методичном уме. Спать я не ложился и, ожидая рассвета, вышел из замка. Поиски следов, которые могли бы вести в замок, не дали никаких результатов, все было слишком перемешано и неясно.

Должен сказать, что я не придаю чрезмерного значения внешним признакам. Строить догадки о преступнике по следам его шагов мне кажется примитивным. На свете существует множество схожих следов, они могут, конечно, явиться отправной точкой, но считать их доказательствами, разумеется, невозможно.

В большом смятении духа я все же отправился на лужайку перед замком и принялся прилежно

разглядывать все следы, которые там имелись. Мне необходимы были какие-нибудь отправные точки, чтобы, здраво рассуждая, ухватиться за какое-то звено и вытянуть на свет божий всю противоестественную цепь событий минувшей ночи. Легко сказать: рассуждать здраво! Но как? В отчаянии я уселся на камень и попытался собрать свои мысли. Чем я, собственно, сейчас занимаюсь? Черновой работой обыкновенного полицейского. Я мог и ошибиться, как любой полицейский инспектор, разглядывающий некие следы, которые откроют ему только то, что они захотят.

Я чувствую себя сейчас уступающим по части мышления агентам сыскной полиции, которые набили руку, почитывая романы Эдгара По и Конан Дойла. Ох уж эти сыщики от литературы, нагромождающие горы глупостей при помощи шагов на песке или отпечатка руки на стенке! И ты, Фредерик Ларсан, ты слишком много читал Конан Дойла. Шерлок Холмс заставляет тебя делать еще большие глупости, чем те, о которых ты читал в книгах. С их помощью ты уже готов арестовать невиновного и убедить судебного следователя и начальника сыскной полиции, что это преступник. Ты ждешь последнего до-

казательства или, скорее, первого попавшегося доказательства, несчастный.

Я тоже склонился над следами, которые может увидеть каждый, но лишь для того, чтобы заставить их войти в круг, очерченный моим разумом. Конечно, этот круг еще узок, но он и бесконечен, так как содержит только истину, а видимые признаки никогда не подавляли меня своей очевидностью. Им никогда не превратить меня в слепца, хуже чем в слепца, в человека, который умышленно плохо видит. Вот почему я восторжествую над твоими ошибками и над твоим примитивным мышлением, Фредерик Ларсан!

Неужели только потому, что события этой ночи выходят за рамки моих представлений, я отступлю и уткнусь носом в землю, как свинья, которая наудачу ищет в грязи свою пищу?

Рультабиль, друг мой, подними голову. События минувшей ночи не выходят из круга твоего разума, и ты это знаешь. Итак, подними голову, сожми руками шишки на лбу и отправляйся в Необъяснимую галерею, опираясь на свой разум, как Фредерик Ларсан опирается на свою трость, и ты быстро докажешь, что Великий Фред просто невежда.

С пылающей головой я поднялся в галерею и, не найдя там ничего нового, вынужден был согласиться со своим разумом, который подсказал мне чудовищную вещь. Боже, дай мне теперь силы отыскать и ощутимые доказательства, которые войдут в круг, начертанный мною между двумя шишками моего лба.

Жозеф Рультабиль. 30 октября. Полночь».

XIX. *ГЛАВА, в которой Рультабиль угощает меня завтраком в трактире «Башня»*

Только значительно позже Рультабиль передал мне свою записную книжку с описанием событий Необъяснимой галереи. В день же нашей встречи в Гландье он лишь подробно описал мне все, что вы теперь знаете, включая и те несколько часов, которые он провел в Париже на этой неделе. Впрочем, это поездка была для него совершенно бесполезной.

Итак, сегодня 2 ноября. То есть с ночи происшествия в галерее минуло три дня. Вызванный срочной телеграммой моего друга, с револьверами за пазухой я сижу в его комнате и слушаю, как он заканчивает свой удивительный рассказ. Во время разговора он непрерывно поглаживал выпуклые стекла пенсне, обнаруженного на столике, и по той радости, которую мой друг при этом испытывал, я понял, что этот предмет явился одним из доказательств, подтверждавших ход его рассуждений. Меня уже не удивляла необычность его выражений, которые можно понять,

лишь предполагая его мысли, проникнуть в которые было нелегким делом.

— Что вы думаете о моем рассказе? — спросил он.

— Ну что ж, мне кажется, надо рассуждать следующим образом: нет сомнений, что преступник, которого вы преследовали, какое-то время находился в галерее…

Я остановился.

— Начав так хорошо, — воскликнул Рультабиль, — не следует столь быстро останавливаться! Итак, еще одно небольшое усилие.

— Я попытаюсь. Так как он находился в галерее, из которой затем исчез, причем выход через окно или дверь исключается, следовательно, он отыскал какую-то другую лазейку.

Жозеф Рультабиль посмотрел на меня с сожалением и объяснил, что я рассуждаю, как сапожник.

— Что я говорю, как сапожник! Вы рассуждаете, как Фредерик Ларсан.

Его отношение к знаменитому сыщику менялось почти непрерывно в зависимости от того, подтверждали ли выводы Ларсана его собственные соображения или противоречили им. То он восклицал: «Фред действительно силен!», то

стонал: «Какое животное!»

Мы вышли в парк и направились к выходу, но звук удара ставни о стену заставил нас повернуть головы. В одном из окон левого крыла замка показалось румяное и бритое лицо незнакомого мне человека.

— Артур Ранс, — пробормотал Рультабиль сквозь зубы, — значит, этой ночью он был в замке, а я ничего и не знал. Но что он здесь делает?

Когда мы удалились от замка на значительное расстояние, я поинтересовался, откуда он знает этого человека. Рультабиль напомнил мне свой утренний рассказ. Артур Ранс и был тем самым американцем из Филадельфии, с которым он выпивал на приеме в Енисейском дворце.

— Но кажется, он собирался сразу же покинуть Францию?

— В том-то и дело. Поэтому видеть его не только во Франции, но и здесь, в Гландье, для меня полная неожиданность. Вероятно, он явился сюда вчера еще до обеда. Почему же привратники не предупредили меня?

Мы как раз приближались к дворницкой, и я вспомнил, что еще не знаю, как он добился освобождения привратников. Супруги Бернье заметили наше приближение, и приветливая

улыбка осветила их довольные лица. Казалось, все неприятные воспоминания о кратковременном заключении изгладились у них в памяти. Мой друг поинтересовался временем прибытия Артура Ранса, но привратники и не слыхали о его появлении в замке. Вероятно, он приехал накануне вечером, хотя ворота они ему не открывали. Американец, любитель пеших прогулок, не хотел, чтобы его встречала коляска. Он имел обыкновение выходить на вокзале городка Сен-Мишель и идти в замок пешком через лес. Обычно он подходил со стороны пещеры Святой Женевьевы, перебирался через невысокую решетку и попадал с парк.

По мере того как привратники говорили, Рультабиль мрачнел все больше и больше. А он-то полагал, что изучил и людей и местность, короче, все, что так или иначе связано с Гландье. И вдруг выясняется, что Артур Ранс бывал здесь уже неоднократно. Раздосадованный, он принялся выспрашивать подробности.

— Вы говорите, что Артур Ранс обыкновенно ходил в замок пешком, но когда же он был здесь в последний раз?

— Точно не знаю, — ответил Бернье, — мы же сидели в тюрьме, и потом, этот господин никогда

не проходил через наши ворота. Уезжая, он тоже не пользовался нашими услугами.

— Ну хотя бы когда он появился здесь впервые?

— Пожалуй, лет девять тому назад.

— И сколько раз на вашей памяти он приезжал в Гландье?

— Вероятно, три, если не больше.

— А когда вы видели его в последний раз — не отступал Рультабиль.

— За неделю до происшествия в Желтой комнате, — ответил привратник.

Рультабиль повернулся к госпоже Бернье.

— Значит, в выемке паркета? — спросил он.

— В небольшом углублении, — подтвердила жена привратника.

— Спасибо, — поблагодарил Рультабиль, — и хорошенько подготовьтесь к сегодняшнему вечеру. — Произнеся эту фразу, он приложил палец к губам, призывая к молчанию.

Мы вышли из парка и зашагали по направлению к трактиру.

— Вам приходилось бывать здесь без меня? — спросил я Рультабиля.

— Несколько раз заходил.

— Обычно вы обедаете в замке?

— Да, Ларсану и мне накрывают в одной из наших комнат.

— Господин Станжерсон не приглашал вас к обеду?

— Ни разу.

— Может быть, ваше присутствие в замке утомляет его?

— Не знаю. Во всяком случае, внешне он не дает нам этого почувствовать.

— И никогда ни о чем вас не спрашивает?

— Никогда! Мне кажется, он все еще погружен в состояние человека, сотрясающего дверь Желтой комнаты, где в это время убивают его дочь, и который, взломав эту дверь, не находит убийцы. Он убежден, что поскольку ему ничего не удалось обнаружить на месте преступления, то мы и подавно ничего не сможем найти. Но, зная предположения Ларсана, он считает своим долгом не мешать нам.

Затем Рультабиль рассказал мне, как он освободил привратников.

— Я попросил господина Станжерсона написать на листе бумаги следующие слова: «Обязуюсь сохранить у себя на службе моих верных привратников — Бернье и его жену, что бы они ни сказали». И подписаться.

— При помощи этой фразы, — объяснил я профессору, — мне удастся заставить заговорить этих несчастных.

Все вышло, как я и предполагал. Прочтя обязательство профессора, предъявленное им судебным следователем, Бернье заговорили. Не опасаясь больше потерять свое место, они признались в том, что так тщательно скрывали.

Привратники частенько браконьерствовали в поместье профессора Станжерсона и в ночь преступления охотились неподалеку от места происшествия. Добытых таким путем зайцев Бернье продавали хозяину «Башни», который кормил ими своих посетителей и сбывал в Париж. Такую нехитрую истину я угадал в первый же день. Вспомните фразу, послужившую нам пропуском в этот трактир: *«Теперь нам придется есть говядину!»* Эти слова я услышал тем же утром у решетки парка. Вы их тоже слышали, но не придали им значения. Помните, подойдя к решетке, мы на минуту остановились, чтобы взглянуть на работу Фредерика Ларсана. В это же время стоявший позади нас трактирщик сказал кому-то из домашней прислуги: «Теперь нам придется есть говядину».

Почему *«теперь»?* В таком таинственном деле

нельзя упускать ни одной мелочи. Следует попытаться отыскать смысл во всем. Мы прибыли в поселок, взбудораженный страшным преступлением, и поэтому *«теперь»* означало для меня «после преступления». С самого начала я пытался отыскать связь между этой фразой и происшествием. Мы отправились завтракать в «Башню». Я произнес эту фразу и по смущенному виду папаши Матье заключил, что, кажется, попал в точку. В это время я узнаю об аресте привратников, которых трактирщик считает своими друзьями.

Теперь, когда привратники арестованы, придется есть говядину, заключил я. Нет привратников — нет и дичи. Ненависть папаши Матье к сторожу господина Станжерсона, ненависть, которую, как он уверял, разделяли и привратники, навела меня на мысль о браконьерстве. Привратников не было дома в момент преступления, это очевидно. Но почему? В связи с преступлением? Уже в то время по причинам, о которых вы узнаете позже, я полагал, что убийца не имеет сообщников. В тайне между мадемуазель Станжерсон и этим человеком привратникам места не было. Браконьерство же все как будто объясняло. При вас я забрался в их домик и обнаружил под кроватью силки и медную проволоку.

«Черт возьми, — подумал я, — вот почему привратники были в парке той ночью. Не удивительно, что они молчат у судебного следователя даже под угрозой такого тяжелого обвинения, как соучастие в преступлении». Браконьерство спасало их, конечно, от суда, но препятствовало дальнейшей службе в замке, и так как они не были замешаны в преступлении, то полагали, что их невиновность рано или поздно будет доказана, а браконьерство останется неизвестным. Во всяком случае, заговорить они всегда могли. Я лишь ускорил их признание посредством обязательства, подписанного господином Станжерсоном. Они сознались и были немедленно выпущены на свободу. За что, кстати говоря, весьма мне признательны.

Почему я не освободил их раньше? Да просто не был еще вполне уверен, что в их деле замешано только браконьерство. Надо было сперва оглядеться. Постепенно моя уверенность окрепла, а накануне происшествия в Необъяснимой галерее, испытывая нужду в верных людях, я решил привлечь их на свою сторону и прервал этот нелепый арест. Вот и все.

Я вновь подивился неумолимой логике рассуждений моего друга, которая помогла ему

разобраться в этом запутанном деле с привратниками.

«В ближайшее время, — подумалось мне, — он с такой же простотой объяснит нам события тревожных ночей Желтой комнаты и Необъяснимой галереи».

На этот раз хозяина в трактире не было, и нас встретила его жена, довольная и сияющая. Я уже описывал зал, где мы теперь находились, и эту очаровательную молодую белокурую женщину, которая тут же подала нам завтрак.

— Как поживает папаша Матье? — поинтересовался Рультабиль.

— Почти без улучшения, сударь. Он все еще в постели.

— Ревматизм не проходит?

— Нет. Прошлой ночью пришлось сделать ему укол морфия. Только это лекарство и успокаивает его боли.

Она говорила ласковым и приветливым голосом. Это была действительно красивая женщина, несколько вялая, с большими кругами под томными глазами. Папаше Матье, когда его не терзал ревматизм, можно было позавидовать. Но была ли она счастлива с таким грубияном? Судя по сцене, которую нам довелось наблюдать про-

шлый раз, этого не скажешь, и, тем не менее, ничто в поведении этой женщины не говорило об отчаянии.

Она ушла на кухню, оставив нам бутылку превосходного сидра.

Рультабиль наполнил наши бокалы, зажег свою трубку и, не торопясь объяснил мне наконец причину, побудившую его вызвать меня в Гландье с револьверами.

— Мой дорогой друг, — сказал он, наблюдая за клубами дыма, уплывающими к закопченному потолку, — сегодня вечером я ожидаю появления преступника.

Воцарилось молчание, которое я не решался нарушить.

Затем он продолжал:

— Вчера поздно вечером ко мне зашел Робер Дарзак и сообщил, что завтра, то есть уже сегодня утром, он принужден будет уехать в Париж. Причины, заставляющие его предпринять эту поездку, были, как всегда, неотложны и таинственны. Неотложны, ибо он вынужден был уехать, и таинственны — потому что не мог их мне объяснить.

«Я уезжаю, — сказал он, — а между тем я дорого бы дал, чтобы не покидать сейчас мадемуазель

Станжерсон».

Он не скрыл от меня, что ей, вероятно, вновь угрожает опасность.

«Я не удивлюсь, если следующей ночью вновь что-либо произойдет, — признался Дарзак, — но, тем не менее, я должен уехать и смогу вернуться в Гландье только послезавтра утром».

Мысль о возможной опасности пришла в голову из-за удивительных совпадений, которые существовали между его отлучками и покушениями на мадемуазель Станжерсон. В ночь Необъяснимой галереи он должен был оставить Гландье. В ночь Желтой комнаты он также не мог быть в замке, и мы знаем, что профессора действительно не было. Во всяком случае, мы это предполагаем по его словам.

Если он, тем не менее, вновь уезжает, значит, была необходимость подчиниться чьей-то более сильной воле. Я поинтересовался, не желание ли мадемуазель Станжерсон гонит его из замка. Дарзак горячо поклялся, что принял решение совершенно самостоятельно и именно поэтому опасается нового покушения, хотя бы из-за всех совпадений, на которые постоянно и довольно прозрачно намекает судебный следователь.

«Если что-либо случится с мадемуазель Стан-

жерсон, это будет ужасно и для нее и для меня. Для нее — так как она снова окажется между жизнью и смертью. Для меня потому, что, защищаясь от обвинений, я не смогу рассказать, где находился. Я полностью отдаю себе отчет в подозрениях судебного следователя и Фредерика Ларсана, который следовал за мной по пятам во время моей прошлой отлучки в Париж. Кстати, пришлось приложить немало усилий, чтобы избавиться от его опеки. Оба этих человека недалеки от того, чтобы поверить в мою виновность».

«Назовите же мне имя преступника, — вскричал я, — ведь вы его знаете!»

«Откуда мне его знать?» — смущенно пробормотал Дарзак.

«От мадемуазель Станжерсон», — тотчас ответил я.

Дарзак так побледнел, что на секунду я испугался, уж не лишится ли он чувств. Стало ясно, что я угадал — мадемуазель Станжерсон и ее жених знают имя убийцы.

Немного придя в себя, он сказал мне:

«Я полагаюсь на вас, господин Рультабиль. С тех пор как вы здесь, я смог оценить ваш ум и вашу исключительную изобретательность. Может быть, я и напрасно опасаюсь покушения

завтрашней ночью, но необходимо избежать неприятных случайностей и сделать такое покушение невозможным. Примите все необходимые меры для охраны мадемуазель Станжерсон. Сделайте так, чтобы проникнуть в ее комнату было невозможно. Бодрствуйте, бродите вокруг, как сторожевая собака, не спите, не давайте себе ни минуты покоя. Человек, которого мы опасаемся, невероятно коварен, равного ему на свете еще не было. Именно это его коварство и спасет мадемуазель Станжерсон, если вы будете охранять ее. Он обязательно проведает, что вы не спите, и поостережется что-либо предпринимать».

«Вы говорили об этом господину Станжерсону?»

«Нет».

«Почему?»

«Потому что я не хочу услышать от него то же, что и от вас: «Вы знаете имя убийцы!» Заговори я с ним на эту тему, и господин Станжерсон, возможно, решил бы, что мои мрачные предчувствия основаны не только на совпадениях. Он посчитал бы их весьма странными, чтобы не сказать больше. Все это, господин Рультабиль, я говорю потому, что очень вам доверяю. Вы не станете меня подозревать».

Бедный Робер Дарзак! Он страдал и говорил совершенно невпопад. Я испытывал к нему жалость, прекрасно понимая, что он скорее умрет, чем назовет мне имя преступника. Точно так же, как и мадемуазель Станжерсон, которая готова погибнуть ради того, чтобы имя человека из Желтой комнаты и Необъяснимой галереи осталось неизвестным. Этот негодяй держит в своих руках ее или их обоих, и они больше всего опасаются того, что профессор Станжерсон может что-то узнать.

Я дал понять моему собеседнику, что он сказал вполне достаточно, и пообещал всю ночь не ложиться спать, охраняя мадемуазель Станжерсон. Он настаивал, чтобы я организовал непроходимую охрану вокруг ее комнаты, будуара, где спали обе сиделки, и гостиной, где с момента происшествия в Необъяснимой галерее ночевал господин Станжерсон.

Робер Дарзак просил меня не только обезопасить комнату мадемуазель Станжерсон, но и сделать это настолько явно, чтобы преступник отказался от своих намерений и исчез, не оставляя следов. Я так и понял его последнюю фразу: «Когда я уеду, вы можете поведать о своих подозрениях на ближайшую ночь господину Станжерсону,

дядюшке Жаку, Фредерику Ларсану, кому угодно и организовать до моего возвращения охрану, выступая ее инициатором».

Он ушел, бедняга, не понимая, что говорит. Мои глаза кричали ему вслед, что я угадал три четверти его секрета. Он, должно быть, совсем растерялся, если пришел ко мне в подобный момент. Нелегко же ему было оставлять мадемуазель Станжерсон, без конца перебирая в уме все эти трагические совпадения.

Когда его шаги замерли в конце галереи, я задумался. Вероятно, придется быть более хитрым, чем сама хитрость. Убийце следует дать ясно понять, что сегодня ночью ожидают его прихода. Ни за что на свете он не должен проникнуть в комнату мадемуазель Станжерсон, и если для этого потребуется его убить, что ж, я пойду и на это. Однако в то же время следует дать преступнику возможность подойти достаточно близко, чтобы разглядеть наконец его лицо и освободить мадемуазель Станжерсон от ее ужасной тайны.

— Да, мой друг, — сказал Рультабиль, положив трубку на стол и осушая стакан, — я должен наконец убедиться, что это именно то лицо, которое входит в круг, очерченный моим разумом.

В этот момент хозяйка внесла яичницу с салом,

шипящую на сковородке. Рультабиль пошутил с ней, и в ответ мы также услышали веселую шутку.

— Наша хозяйка явно оживает, — заметил Рультабиль, — когда папаша Матье, измученный своим ревматизмом, оказывается прикован к постели. Вы не находите?

Но эта женщина уже меня не интересовала. Я находился под впечатлением последних слов своего друга и странного поступка Робера Дарзака.

После завтрака, когда мы снова остались одни, Рультабиль продолжал:

— Посылая вам телеграмму нынче утром, я еще исходил только из предположения Дарзака: «Убийца, может быть, объявится сегодня ночью». Теперь же можно сказать, что он определенно пожалует, и я его жду.

— С чего вы решили? Быть может…

— Молчите, — улыбнулся Рультабиль, — не продолжайте, а то скажете глупость. Я это знаю еще с половины одиннадцатого утра, то есть еще до вашего приезда, и, следовательно, раньше, чем мы увидели в окне Артура Ранса.

— Но почему именно с этого времени?

— Потому что в половине одиннадцатого я понял, что мадемуазель Станжерсон предпри-

нимает столько же усилий, чтобы обеспечить убийце возможность проникнуть этой ночью в ее комнату, сколько предпринял бедняга Дарзак, обращаясь ко мне в надежде воспрепятствовать этому.

— Что вы говорите! — воскликнул я. — Возможно ли это? Вы же сами сказали, что мадемуазель Станжерсон обожает Робера Дарзака.

— Конечно, сказал, потому что это чистейшая правда.

— Но не находите ли вы странным…

— Все странно в этом деле, мой друг, но поверьте то «странное», что вы уже знаете, не идет ни в какое сравнение с тем, что вам еще только предстоит узнать.

— Приходится предположить, что мадемуазель Станжерсон и преследующий ее негодяй переписываются друг с другом.

— А почему бы и нет? Вы вполне можете это допустить. Вспомните о письме на столике мадемуазель Станжерсон, оставленном убийцей в ночь происшествия в Необъяснимой галерее, и о его исчезновении. Кто может поручиться, что убийца не требует в письме от несчастной жертвы очередного свидания и, наконец, что он, убедившись в отъезде господина Дарзака, не

потребовал свидания сегодня ночью?

В этот момент дверь трактира широко распахнулась. На пороге показался Артур Ранс, приветствовавший нас достаточно флегматично.

XX. *Поступок мадемуазель Станжерсон*

— Вы меня узнаете? — поинтересовался Рультабиль.

— Конечно, — ответил Артур Ранс, — вы — парнишка из буфета. (Стоило видеть, как вспыхнуло от гнева лицо Рультабиля при этом обращении.) Я специально пришел сюда, чтобы пожать вам руку. Веселый вы мальчуган.

После взаимного рукопожатия Рультабиль представил мне господина Артура Ранса и, несколько принужденно смеясь, предложил ему разделить нашу трапезу.

— Спасибо, — почти без акцента ответил американец, — я уже завтракал с господином Станжерсоном.

— А я полагал, что не увижу вас больше, — заметил Рультабиль, — вы же должны были покинуть Францию на следующий день после приема в Елисейском дворце.

Внешне мы с Рультабилем держались достаточно непринужденно, но на самом деле ловили каждое слово нашего собеседника. Бритое, цвета

спелой сливы, лицо американца, его распухшие веки и нервное, подергивающееся лицо — все это выдавало в нем законченного алкоголика. Как мог этот человек оказаться сотрапезником господина Станжерсона? В чем причина его близких отношений с известным профессором?

Через несколько дней я узнал от Ларсана, который, как и я, был удивлен и заинтригован присутствием американца и поэтому собрал о нем необходимые сведения, что Артур Ранс принялся усиленно прикладываться к спиртному лет пятнадцать назад, то есть после отъезда из Филадельфии профессора Станжерсона и его дочери. В филадельфийскую пору своей жизни Станжерсоны часто встречали этого ученого — одного из наиболее уважаемых френологов Нового Света. Однажды он сказал большую услугу мадемуазель Станжерсон, остановив с опасностью для жизни лошадей, понесших ее коляску. Возможно, что именно после этого случая кратковременная дружба связала Артура Ранса и дочь профессора. Однако ничто не давало оснований предполагать взаимную любовь.

Откуда мог Фредерик Ларсан получить эти сведения? Он мне этого не сказал, хотя и был в них абсолютно уверен.

Зная эти подробности в тот момент, когда Артур Ранс присоединился к нам в трактире «Башня», мы уделили бы ему гораздо меньше внимания. На вид американцу было лет сорок пять.

На вопрос Рультабиля он ответил достаточно просто:

— Узнав о покушении, я задержал свой отъезд, так как хотел непременно убедиться, что мадемуазель Станжерсон вне опасности. И я не уеду, пока она не поправится окончательно.

Артур Ранс завладел разговором и, избегая отвечать на вопросы Рультабиля, стал излагать нам свою версию о событиях в Желтой комнате, которая недалеко ушла от мнения Фредерика Ларсана. Он не называл никаких имен, однако легко было догадаться кого он имеет в виду. Он сообщил также, что знает о попытках Рультабиля распутать тайну Желтой комнаты, и сказал, что господин Станжерсон поведал ему о событиях Необъяснимой галереи. Ясно было, что американец во всем подозревает Робера Дарзака. Несколько раз он подчеркнуто сокрушался, что господин Дарзак отлучается из замка именно в дни таинственных драм, и мы прекрасно понимали, что означают эти намеки. В довершение всего объявил, что Робер Дарзак поступил очень ловко, устроив в

замке молодого репортера, который в конце концов и вне всякого сомнения отыщет преступника. Он произнес эту фразу достаточно насмешливо и, распрощавшись, вышел из «Башни». Рультабиль через окно следил за тем, как американец не торопясь удаляется в сторону замка.

— Странный тип, — сказал мой друг.

— Вы думаете, что он останется здесь на ночь?

К моему удивлению, Рультабиль ответил, что это ему совершенно безразлично.

После завтрака мы отправились в лес, и Рультабиль привел меня к гроту Святой Женевьевы, все время болтая о каких-то пустяках и ни слова не говоря о тех делах, которые его действительно занимали. Начинало темнеть, а репортер все еще не предпринимал никаких мер. Я поделился с ним этими опасениями, когда наступил вечер и мы вернулись к нему в комнату. Рультабиль успокоил меня, заявив, что все необходимые меры уже приняты и беспокоиться не о чем — на этот раз преступник не убежит. Так как я продолжал настаивать, напомнив ему исчезновение в галерее и предположив, что подобное событие может повториться, Рультабиль довольно странно ответил мне, что именно этого он и желает и, более того, именно на это и надеется. Я замолчал,

зная по опыту, что мои дальнейшие расспросы останутся без ответа. Рультабиль уверил меня, что с раннего утра он и привратники достаточно внимательно наблюдают за замком, и если никто из посторонних не появится, то относительно всех обитателей замка он абсолютно спокоен.

Когда он наконец поднялся и сделал мне знак следовать за ним, было около половины седьмого. Не соблюдая никаких предосторожностей и не стараясь приглушить шум наших шагов, мы прошли по правой галерее до площадки лестницы и пересекли ее. Затем по левому крылу мы миновали комнаты профессора Станжерсона. В конце этой галереи, не доходя до башни, находилось помещение, которое занимал Артур Ранс. Галерея упиралась в его дверь, находившуюся, таким образом, точь-в-точь напротив окна, где в ночь Необъяснимой галереи дежурил дядюшка Жак. С порога комнаты Артура Ранса можно было видеть лестничную площадку, а также левое и правое крыло галереи, но поворотная галерея при этом, конечно, не просматривалась.

— Поворотную галерею я беру на себя, — сказал Рультабиль, — вы же устроитесь здесь.

С этими словами мы вошли в маленькую треугольную комнатку, скорее даже кладовку без

окон, выходившую в галерею и расположенную наискось от комнаты Артура Ранса. Из своего укрытия я мог видеть все, что происходило в галерее, и, сверх того, наблюдать за помещением американца. Дверь моего убежища была застеклена, но свет из ярко освещенной галереи сюда почти не проникал. Это был идеальный наблюдательный пункт. Здесь мне предстояло сыграть роль полицейского или, проще говоря, обыкновенного шпиона. Во мне заговорила профессиональная гордость. Что, если бы старшина коллегии адвокатов увидел меня здесь? А Рультабилю даже и в голову не пришло, что я могу отказать ему в этой услуге. Конечно, я сделаю все, что он просит, во-первых, потому что не хочу показаться в его глазах трусом, а во-вторых… во-вторых, потому что поздно отказываться. Раньше-то я не испытывал подобных сомнений, мое любопытство было сильнее. И потом, ведь мне предстоит участвовать в спасении жизни женщины. Любые профессиональные чувства умолкают перед этим благородным намерением. Мы возвращались назад по галерее. Почти перед нами из гостиной мадемуазель Станжерсон вышел дворецкий, накрывавший на стол к обеду, так как последние три дня профессор обедал со

своей дочерью. Дверь осталась полуоткрытой, и мы ясно увидели, как мадемуазель Станжерсон, пользуясь отсутствием прислуги и тем, что ее отец наклонился поднять с пола оброненную ею же вилку, поспешно вылила содержимое какого-то пузырька в стакан с вином господина Станжерсона.

XXI. *В засаде*

Этот жест, потрясший меня, оставил Рультабиля совершенно равнодушным. В его комнате я получил последние наставления на предстоящую ночь, причем о сцене, которая только что разыгралась перед нашими глазами, он даже и не вспоминал.

Сперва мы должны были пообедать. Затем я отправлюсь на свой наблюдательный пост и буду там ждать, пока что-нибудь не увижу.

— Если что-то бросится вам в глаза раньше меня, — объяснял Рультабиль, — подайте мне знак. Наш незнакомец может явиться не из поворотной галереи, а каким-нибудь иным путем, и тогда вы увидите его первым, так как перед вами открыта вся перспектива. Вам потребуется только дернуть шнурок портьеры на окне рядом с кладовкой. Портьера упадет и закроет окно, образуя темное пятно там, где прежде находилось светлое, поскольку галерея ярко освещена. Чтобы это сделать, необходимо всего лишь вытянуть руку из вашего укрытия. Я сразу увижу затемнение из окна поворотной галереи и пойму, что

это значит.

— И тогда?

— Тогда я появлюсь на углу поворотной галереи.

— А что буду делать я?

— Вы двинетесь мне навстречу, вслед за этим человеком, но я буду уже рядом с ним и увижу наконец, вписывается ли его лицо в круг моих предположений.

— Начертанный при помощи разума, — с улыбкой подсказал я.

— Ваш юмор неуместен, Сэнклер.

— Ну, а если человек убежит?

— Тем лучше, — флегматично ответил Рультабиль, — я и не стремлюсь захватить его. Он сможет без труда убежать, например, по лестнице через вестибюль первого этажа, причем даже раньше, чем вы окажетесь на площадке. Вы же будете в самом конце галереи. Пускай и бежит себе на здоровье, но только после того, как я увижу его лицо. Затем я устрою все так, чтобы он умер для мадемуазель Станжерсон, даже оставаясь в живых. Если я его захвачу, Робер Дарзак и мадемуазель Станжерсон, возможно, мне этого никогда не простят! А я дорожу их уважением. Только что на моих глазах она вливает снотворное в

стакан своего отца, чтобы предстоящий разговор с собственным убийцей не разбудил несчастного старика. Невелика же будет ее благодарность, если затем я доставлю господину Станжерсону этого негодяя со связанными руками. Судя по ее просветлевшему лицу в ночь Необъяснимой галереи, это просто счастье, что ему удалось так ловко обвести нас вокруг пальца. Для спасения несчастной нужно не захватить его, а заставить замолчать любым способом. Но убить человека — это, знаете ли, не так просто! Если только он не даст мне повода, разумеется. С другой стороны, заставить его замолчать без всякой помощи мадемуазель Станжерсон… К счастью, мой друг, я все угадал, и увидеть сегодня вечером его лицо — это все, что мне нужно.

— Но вы же его видели в тот вечер, прыгнув в комнату.

— Плохо, не забывайте, что свеча стояла на полу, и затем, эта борода.

— А сегодня вечером ее больше не будет?

— Обязательно будет, но в галерее светло, и, кроме того, теперь, когда я знаю… Моим глазам достаточно будет только глянуть.

— Но если мы не собираемся его ловить, то зачем нам оружие?

— Когда этот человек поймет, что я его знаю, он будет способен на все. Тогда нам придется защищаться.

— И вы уверены, что он придет сегодня вечером?

— Абсолютно уверен. В половине одиннадцатого утра мадемуазель Станжерсон под каким-то предлогом отпустила своих сиделок на целые сутки. Во время их отсутствия она разрешила своему отцу дежурить вместо них в будуаре, и он с радостью принял это предложение. Отъезд господина Дарзака и то, что он мне сказал, чрезвычайные меры, принятые с целью остаться в одиночестве, не оставляют в этом сомнения. Мадемуазель Станжерсон подготавливает приход преступника, который Робер Дарзак стремился не допустить.

— Это ужасно!

— Безусловно.

— А то, как она постаралась усыпить своего отца! Вы видели?

— Да.

— Возвращаясь к сегодняшней ночи, нас только двое?

— Четверо. На всякий случай дежурят привратник и его жена. В сущности, я считаю их

дежурство бесполезным. Но на случай убийства Бернье может пригодиться.

— Вы думаете, дело может зайти так далеко?

— Да, если он того пожелает.

— Почему бы не предупредить дядюшку Жака? Сегодня он вам не нужен?

— Нет, — резко ответил Рультабиль.

Я замолчал, но желание понять его сокровенные мысли не давало мне покоя.

— Давайте позовем Ранса, Он может быть нам очень полезен.

— Вы непременно желаете поведать секреты мадемуазель Станжерсон всем на свете, — недовольно сказал Рультабиль. — Пойдемте-ка лучше обедать, сегодня вечером нам накрывают у Ларсана, если только он не гоняется по всему Парижу за Робером Дарзаком. Наш бравый сыщик следует за ним как тень. Впрочем, к ночи Ларсан объявится в любом случае. И тут уж я не упущу своего шанса.

В этот момент в соседней комнате послышался какой-то шум.

— А вот и он, легок на помине, — сказал Рультабиль.

— Если я вас правильно понял, то Ларсану и намекать нельзя на нашу ночную экспедицию,

не так ли?

— Конечно, мы действуем под нашу собственную ответственность.

— Зато и слава достанется только нам!

— Вы угадали, — ответил Рультабиль, недобро усмехаясь.

Мы зашли к Фредерику Ларсану, который сообщил, что он только недавно вернулся из Парижа, и пригласил нас за стол. Обед прошел в прекрасном настроении, и я сразу понял, в чем тут дело: и Ларсан и Рультабиль были уверены, что каждый из них находится на верном пути.

Рультабиль сообщил Великому Фреду, что я явился его навестить по собственной инициативе и уеду в Париж на следующее утро одиннадцатичасовым поездом, увозя статью с описанием основных таинственных событий в замке Гландье. Ларсан вежливо улыбнулся, давая понять, что его не проведешь, но, как деликатный человек, он не желает лезть в чужие дела.

Очень осторожно Ларсан и Рультабиль заговорили о присутствии в замке Артура Ранса, его прошлом и в особенности о его странных отношениях с нашими хозяевами.

Внезапно мне показалось, что Ларсан почувствовал какое-то недомогание, он начал говорить

с трудом, запинаясь и растягивая слова.

— Я думаю, господин Рультабиль, что нам здесь больше нечего делать и, вероятно, вскоре мы с вами покинем Гландье.

— И я так думаю, господин Фред, — подтвердил мой друг.

— Значит, и вы полагаете, что дело заканчивается?

— Да, мне кажется, что здесь нам больше ничего узнать не удастся.

— Вы подозреваете кого-нибудь?

— А вы?

— Безусловно.

— Ну и я тоже, — заключил Рультабиль.

— По-вашему, это одно и то же лицо?

— Не думаю, если только вы не изменили своего мнения, — ответил Рультабиль и с вызовом добавил: — Господин Дарзак — честный человек!

— Что ж, я смотрю на это иначе. Итак, будем бороться?

— Да, и я непременно одолею вас, господин Ларсан.

— Молодость не знает сомнений ни в чем, — кисло улыбнулся Ларсан, пожимая нам на прощание руки.

— Ни в чем! — как эхо отозвался Рультабиль.

Вдруг Ларсан, вставший было, чтобы нас проводить, схватился за грудь и пошатнулся. Он сильно побледнел и даже принужден был опереться на Рультабиля, чтобы не упасть.

— Что это со мной, — пробормотал он, — неужели я отравился?

Он посмотрел на нас блуждающим взглядом, опустился в кресло, и больше нам не удалось добиться от него ни слова. Мы очень встревожились и за себя тоже, так как ели одни и те же блюда. Отяжелевшая голова сыщика свесилась на плечо, а веки закрылись. Рультабиль склонился к его груди и прислушался. Когда он выпрямился, его взволнованное лицо стало совершенно спокойным.

— Он спит.

Осторожно прикрыв за собой дверь, Рультабиль увлек меня в свою комнату.

— Снотворное? — спросил я. — Мадемуазель Станжерсон, вероятно, решила сегодня вечером усыпить весь дом.

— Может быть, — рассеянно ответил Рультабиль, думая, видимо, о другом.

— Но мы-то, — воскликнул я, — не наглотались ли и мы того же самого зелья?

— Вы что, плохо себя чувствуете? — хладно-

кровно поинтересовался Рультабиль.

— Нет как будто.

— Вам хочется спать?

— Нисколько!

— Тогда закурите-ка лучше это, мой друг, и перестаньте волноваться. — С такими словами Рультабиль протянул мне одну из сигар, которыми его снабдил Робер Дарзак, а сам затянулся своей трубкой.

Мы замолчали. Сидя в кресле, Рультабиль непрерывно курил, нахмурив лоб и устремив взгляд в невидимые мне дали. Около десяти часов он снял ботинки и, сделав мне знак последовать его примеру, прошептал так тихо, что я скорее угадал, чем расслышал его слова:

— Приготовьте револьвер.

Я вынул из кармана пиджака оружие.

— Зарядите его, — приказал он.

Я повиновался. В одних носках мы направились к двери и, едва дыша, приоткрыли ее. Дверь даже не скрипнула. Выйдя в поворотную галерею, Рультабиль осмотрелся, затем махнул мне рукой, и я отправился на свой наблюдательный пост. Неожиданно мой друг, мягко ступая, быстро догнал меня и поцеловал на прощанье, а затем с теми же предосторожностями вернулся в свою комнату.

Удивленный этим поцелуем и немного взволнованный, я беспрепятственно пересек лестничную площадку и направился к своему чуланчику. Перед тем как войти, я внимательно осмотрел шнурок, поддерживавший тяжелую портьеру. Действительно, достаточно только коснуться его пальцем, и тяжелая портьера сразу закроет окно, подавая Рультабилю условный сигнал.

Звук шагов заставил меня замереть перед дверью Артура Ранса. Значит, он был еще в замке, но обедал, вероятно, у себя в комнате. Во всяком случае, я не видел его за столом хозяев в тот момент, когда мы оказались невольными свидетелями поступка мадемуазель Станжерсон.

В чуланчике я освоился достаточно быстро. Ярко освещенная анфилада галереи и впрямь давала мне превосходную возможность увидеть все, что там могло произойти. Но что должно было произойти? Я с беспокойством вспомнил поцелуй Рультабиля: так целуют друзей только в минуты смертельной опасности. Что ж, посмотрим! Я сжал рукоятку револьвера. Нельзя сказать, что я великий герой, но уж во всяком случае и не трус.

Так прошло около часа. За это время ничего особенного не произошло. Ливень, который начался

часов около девяти, теперь перестал.

Рультабиль полагал, что раньше полуночи, по всей вероятности, ничего не случится, однако было не больше половины двенадцатого, когда я услышал легкий скрип петель и дверь комнаты Артура Ранса отворилась. Так как дверь открывалась наружу, то разглядеть то, что происходило в комнате, было невозможно.

Из парка, кажется уже в третий раз, донесся странный шум. До этого момента я не обращал на него никакого внимания, как не обращают внимания на вопли котов, разгуливающих по ночам под водосточными трубами. Однако на этот раз мяуканье было настолько своеобразным, что мне невольно пришли на ум рассказы о проделках Божьей благодати. Я вздрогнул — случайно или нет, но до сих пор ее крики сопровождали все драмы, происходившие в Гландье.

Тотчас же я увидел человека, вышедшего из комнаты Артура Ранса и закрывшего за собой дверь. Сперва я его не узнал, так как, стоя спиной ко мне, он склонился над каким-то довольно объемистым тюком. Но тут он повернулся, и я увидел… кого бы вы думали? Человека в зеленом! Да, в сей поздний час из комнаты Артура Ранса вышел именно сторож, и лицо его выражало яв-

ное беспокойство. Он был все в том же костюме, в котором я увидел его возле «Башни» в первый день моего приезда в Гландье.

Когда вопль Божьей благодати повторился вновь, сторож оставил свой тюк и подошел к окну. Я затаил дыхание, опасаясь выдать свое присутствие. Остановившись у окна и прижав лоб к стеклу, он всматривался в темноту парка. Прошло около минуты, ночь была светлой, но луна временами исчезала за тучами. Наконец Человек в зеленом дважды поднял руки, подавая знак, значение которого я не понял, затем он поднял свой тюк и двинулся к лестничной площадке.

Рультабиль просил меня развязать шнурок, если я что-нибудь увижу, но было ли это то, чего ожидал Рультабиль? А впрочем, это уже не мое дело, следует просто выполнить данное мне поручение. Я дернул узел, сердце мое готово было выскочить из груди.

Человек в зеленом свернул на лестничную площадку, спустился по лестнице и исчез в вестибюле. А я-то думал, что он пойдет дальше по галерее.

Что делать? С глупым видом я смотрел на тяжелую портьеру, упавшую на окно. Сигнал был

подан, но я не видел Рультабиля на углу поворотной галереи. Прошли полчаса, показавшиеся мне вечностью, никто не появлялся. Что делать? Что теперь делать, если я увижу еще что-нибудь? Сигнал уже дан, и повторить его невозможно.

Не имея другой возможности предупредить моего друга, я пошел на риск. Выйдя из засады и напряженно вслушиваясь в тишину, я осторожно двинулся к поворотной галерее. Пробравшись к комнате моего друга, я легонько стукнул в дверь — тишина. Я повернул ручку и заглянул в комнату — Рультабиль, вытянувшись во весь рост, лежал на полу.

XXII. *Невероятный покойник*

Охваченный ужасом, я опустился перед ним на колени. Он спал! Спал тем же глубоким и беспокойным сном, которым был охвачен и Фредерик Ларсан. Значит, и он стал жертвой снотворного, которое влили в наше питье, но почему тогда я избежал подобной же участи? Вероятно, снотворное было добавлено в вино или в воду, а я, склонный от природы к полноте, никогда не пью во время еды. Вот и награда за сухой режим! Что было сил затряс я Рультабиль за плечи, но тщетно. Все это, без сомнения, подготовила мадемуазель Станжерсон, спасавшаяся от вездесущего репортера. Я вспомнил, как дворецкий, накрывая на стол, усиленно рекомендовал нам великолепное Шабли, принесенное со стола профессора и его дочери. Более четверти часа мне не удавалось заставить Рультабиля очнуться. В этих чрезвычайных обстоятельствах я решился на крайнюю меру и вылил на голову моего друга большой кувшин холодной воды. Наконец-то он открыл глаза, но взгляд их оставался тусклым и безжизненным, однако это уже была первая победа. Решившись

продолжать, я отвесил Рультабилю пару звонких пощечин и приподнял его. О, счастье! Я почувствовал, как безвольное тело напряглось в моих руках, и услышал шепот:

— Продолжайте, только без шума.

Легко сказать, давать бесшумные пощечины показалось мне невозможным, и я принялся щипать и трясти его пуще прежнего. Наконец репортер поднялся на ноги — мы были спасены.

— Меня усыпили, — сказал он, — я провел ужасные четверть часа, пытаясь не поддаваться сну, теперь, кажется, лучше. Не покидайте меня.

Едва он произнес эти слова, как в замке раздался душераздирающий крик, настоящий предсмертный вопль.

— Несчастье! — прорычал Рультабиль. — Мы опоздали.

Он попытался броситься к двери, но не смог превозмочь слабость и вновь оказался на полу. Я уже был в галерее с револьвером в руках и словно безумный бросился к комнатам мадемуазель Станжерсон. Очутившись на углу поворотной и правой галерей, я увидел человека, выскочившего из дверей ее комнаты и в несколько прыжков оказавшегося на лестничной площадке.

Инстинктивно я вскинул руку с револьвером

и нажал на спуск. Грохот выстрела громким эхом отозвался в пустой галерее. Однако человек продолжал стремительно сбегать по лестнице, я бросился за ним с криком:

— Стой, стреляю!

В этот момент из глубины галереи показался Артур Ранс.

— Что случилось? — крикнул он, устремляясь за мной по лестнице.

Внизу мы оказались почти одновременно. В открытом окне вестибюля был ясно виден силуэт бегущего человека, не более чем в десяти метрах от нас. Мы открыли беспорядочную стрельбу в его направлении. На какое-то мгновение он споткнулся и едва не упал, но тут же выпрямился и бросился удирать с новой силой. Я был в носках, американец босиком, нам было не угнаться за ним, если уж наши пули не смогли его настигнуть. Наудачу мы выпустили последние заряды, а он все бежал. Но бежал-то он по правой стороне основного двора к тому углу замка, который был окружен рвами и высокой решеткой. Этот замкнутый тупик имел только один выход — дверь маленькой комнаты в торце замка, где теперь временно обитал сторож.

Мы бросились в погоню, теперь ему не уйти, к

тому же он, безусловно, ранен нашими выстрелами. Беглец находился впереди нас примерно метров на двадцать, когда вверху над нашими головами растворилось окно галереи и мы услышали отчаянный крик Рультабиля:

— Стреляйте, Бернье, стреляйте!

И вновь безмолвная тишина лунной ночи была нарушена грохотом выстрела. Отсвет от вспышки позволил нам разглядеть у дверей башни Бернье с ружьем наперевес.

Он славно прицелился. Тень бегущего метнулась в последнем отчаянном прыжке и рухнула за углом правого крыла замка. Вернее, мы увидели, что человек падает, но вот как он растянулся на земле по другую сторону стены, разглядеть было невозможно.

Через двадцать секунд Бернье, Артур Ранс и я уже склонились над неподвижным телом. Разбуженный нашими криками и выстрелами, Ларсан распахнул окно своей комнаты и крикнул совсем как Артур Ранс тремя минутами раньше:

— Что случилось?

В этот момент к нам присоединился совершенно пришедший в себя Рультабиль.

— Он мертв, — сказал я ему.

— Тем лучше, — ответил мой друг, — перенесем

его в вестибюль замка. — Но тут же поправился: — Нет, лучше положим его в комнате сторожа.

Рультабиль постучал в угловую дверь, но никто не ответил, что меня, конечно, не удивило.

— Его там нет, — сказал репортер, — иначе он бы уже давно появился, отнесем тело в вестибюль.

Большая туча, закрывавшая луну, не позволяла разглядеть лицо человека, лежащего у наших ног. Прибежавший дядюшка Жак помог нам перенести тело в вестибюль замка и уложить его на первую ступеньку лестницы. Пока мы его несли, я все время чувствовал на своих руках кровь, капавшую из ран.

Дядюшка Жак осветил принесенным из кухни фонарем лицо убитого, и все сразу узнали сторожа господина Станжерсона, которого хозяин трактира называл Человеком в зеленом и которого около часа тому назад я видел выходящим с тюком из комнаты Артура Ранса. Но ведь все это можно было рассказать моему другу, что я, впрочем, и сделал немного позднее.

Невозможно описать то громадное удивление, я бы даже сказал глубочайшее разочарование, которое охватило Рультабиля и присоединившегося к нам в вестибюле Ларсана при виде этого

мертвого тела.

— Невозможно, это невозможно! — повторяли они почти хором, глядя на зеленый костюм сторожа.

— Просто с ума можно сойти! — воскликнул Рультабиль.

В довершение всей этой суматохи дядюшка Жак принялся ворчать и причитать, выражая таким образом свое горе. Он утверждал, что мы ошиблись и что сторож просто не мог покушаться на хозяйку. Пришлось заставить его замолчать. Я думаю, что даже при виде мертвого тела собственного сына старик и то не стенал бы так громко. Весь этот чересчур бурный избыток чувств объяснялся, вероятно, страхом, что его могут посчитать соучастником совершившегося убийства. Все знали, что он терпеть не мог сторожа, и, кроме того, я заметил, что среди всех нас, одетых кое-как и наспех, в носках или босиком, только он один был в одежде, застегнутой на все пуговицы.

Опустившись на колени у тела сторожа, Рультабиль приподнял его над ярко освещенными фонарем дядюшки Жака плитками вестибюля и попытался снять с него куртку. Обнажилась окровавленная грудь.

Внезапно Рультабиль выхватил из рук дядюшки Жака фонарь и ярко осветил зияющую рану. Затем он медленно поднялся и насмешливо произнес:

— Ну что ж. Этот человек, который, как мы полагали, был убит револьверными пулями и крупной дробью, умер от удара ножом в сердце.

Я вновь решил, что Рультабиль не в своем уме, но, наклонившись над телом, убедился в полном отсутствии каких-либо огнестрельных ран, зато в области сердца виднелся глубокий разрез — след острого и безжалостного ножа.

XXIII. *Двойной след*

В оцепенении от сделанного открытия я не мог двинуться с места. Рультабиль хлопнул себя по плечу.

— Пойдемте, — сказал он.

— Куда? — не понял я.

— Ко мне в комнату, разумеется.

— Что мы там будем делать?

— Размышлять.

Признаюсь, что я был не в состоянии не только размышлять, но и просто сколько-нибудь здраво мыслить. В эту трагическую ночь, после событий настолько же ужасных, насколько и непоследовательных, я с трудом представлял себе, как можно о чем-то думать, находясь между трупом сторожа и может быть уже находившейся в агонии мадемуазель Станжерсон. Однако Рультабиль сделал это с хладнокровием великих полководцев, не теряющих присутствия духа на поле брани. Заперев за нами дверь комнаты, он указал мне на кресло, уселся сам и, конечно, закурил свою неизменную трубку. Я смотрел, как он рассуждает, смотрел, смотрел… и заснул.

Когда я проснулся, было уже светло, а мои часы показывали восемь. Рультабиль отсутствовал, его кресло пустовало. Я поднялся и потянулся в тот момент, когда дверь распахнулась и на пороге появился мой друг, по лицу которого сразу было видно, что, пока я спал, он не терял времени даром.

— Мадемуазель Станжерсон? — поинтересовался я первым делом.

— Она в угрожающем, но не безнадежном состоянии.

— Вы давно на ногах?

— С первыми лучами солнца.

— Удалось поработать?

— И плодотворно вдобавок.

— Что же вы обнаружили?

— Двойные отпечатки интереснейших следов, которые еще совсем недавно могли бы меня смутить.

— Они больше не кажутся вам удивительными?

— Нисколько.

— Они вам что-нибудь объясняют?

— Все.

— И невероятное убийство сторожа тоже?

— Да, только это убийство теперь является

вполне объяснимым. Обходя утром замок, я нашел две цепочки ясных следов, отпечатки которых были сделаны этой ночью одновременно, рядом друг с другом. Понимаете? Похоже на то, что люди, которые их оставили, шли рядом и мирно беседовали между собой. Если бы они двигались один за другим, то следы несомненно «наступали» бы друг на друга, а этого нигде нет. Эти двойные следы ведут от середины основного двора к дубовой роще. Уставившись на эти следы, я вышел со двора, и тут ко мне присоединился Ларсан, заинтересовавшийся моими действиями. Вообразите! Мы обнаружили отпечатки следов из Желтой комнаты: грубые и элегантные. Но тогда они встречались друг с другом у пруда, чтобы затем исчезнуть, мы еще с Ларсаном подумали, что человек просто сменил здесь свою обувь. Здесь же следы мирно путешествуют рядышком. Это поколебало мою прежнюю уверенность. Я достал из бумажника вырезанные мною раньше контуры следов, и мы с Ларсаном склонились над этими отпечатками, как две ищейки, идущие по следу.

Первый контур полностью соответствовал старым башмакам дядюшки Жака, которые нашел Ларсан. Второй, элегантный, контур также

подошел к имеющимся следам, но с небольшим отличием у носка. Я бы не решился утверждать, что эти следы принадлежали одному и тому же человеку, но ведь он мог просто надеть другие туфли.

Вернувшись в основной двор, мы расстались, но через несколько минут снова столкнулись, и как вы думаете, где? Перед дверьми дядюшки Жака! Мы нашли старого слугу в постели и сразу заметили, что вся его одежда, небрежно брошенная на стул, находится в плачевном состоянии, а уже знакомые нам башмаки промокли и заляпаны грязью.

Когда старик бегал за фонарем и помогал нам переносить тело сторожа в вестибюль, дождя не было, значит, и промокнуть в это время он не мог. Зато дождь шел до и после.

На старика было просто жалко смотреть: лицо изможденное, глаза моргают и таращатся на нас с ужасом. Сперва он заявил нам, что сразу же уснул после прихода доктора, за которым ходил дворецкий. Но мы быстро доказали ему, что это ложь, и *в* конце концов старик сказал, что у него разболелась голова и, решив проветриться, он прогулялся до дубовой рощи и обратно. Тогда мы так подробно описали его прогулку, как будто

шли рядом. Бедняга стремительно вскочил с постели:

— Так, значит, вы его тоже видели? — спросил он дрожащим голосом.

— Кого? — удивился я.

— Черный призрак!

Затем дядюшка Жак рассказал нам, что уже несколько ночей подряд он замечал в парке черный призрак, который появлялся около двенадцати и скользил вдоль деревьев с невероятным проворством. Два раза, увидев призрак через окно, дядюшка Жак поднимался и преследовал это странное явление. Позавчера он чуть было не догнал его, но призрак пропал возле угла башни. Наконец, этой ночью, не в силах заснуть после только что разыгравшегося нового преступления, он вышел из комнаты и внезапно увидел черный призрак посреди основного двора.

Сперва старик следил за ним издали, затем с более близкого расстояния. Так они обошли дубовую Рощу, пруд и оказались возле дороги на Эпиней — там призрак неожиданно пропал.

— Вы не видели его лица? — спросил Ларсан.

— Нет, мне удалось разглядеть только какую-то черную вуаль.

— И вы не бросились на него после того, что

произошло в галерее?

— Не мог, — ответил старик, — я был настолько испуган, что с трудом заставил себя следовать за ним в некотором отдалении.

— Вы не следовали за ним, дядюшка Жак, — грозно сказал я, — вы шли под руку с вашим призраком до самой дороги на Эпиней.

— Нет, — закричал он, — начался ливень, и я вернулся обратно. Клянусь вам! Я не знаю, что произошло с черным призраком.

Но бьюсь об заклад, что он всячески избегал моего взгляда. Мы оставили несчастного старика, а во дворе я резко повернулся и глянул прямо в лицо Ларсана.

— Сообщник? — спросил я, пытаясь угадать его мысли.

Ларсан простер руки к небу.

— Что можно сказать? Что вообще можно предугадать в таком деле? Еще сутки тому назад я бы поклялся, что никаких сообщников нет и быть не может, а теперь…

И он ушел, заявив, что немедленно отправляется в Эпиней.

Рультабиль замолчал.

— Ну и что из этого следует? — спросил я. — Что касается меня, то я ничего не понимаю. А вы

что-нибудь знаете?

— Все, — просто ответил он, — теперь я знаю все!

Он поднялся и с силой пожал мне руку.

— Но объясните же… — взмолился я.

— Пойдемте-ка лучше узнаем, что слышно у мадемуазель Станжерсон, — ответил Рультабиль.

XXIV. *Рультабиль знает оба воплощения убийцы*

Мадемуазель Станжерсон чуть было не погибла во второй раз. К несчастью, ее состояние было еще более тяжелым, чем после первого покушения, — три удара ножом в грудь, нанесенные убийцей в эту трагическую ночь, надолго ввергли ее в пропасть между жизнью и смертью. Когда же наконец жизнь стала одерживать победу, и появилась надежда, что и на этот раз несчастная женщина избежит трагической развязки, то возникли реальные опасения, что разум ее уже не восстановится полностью. Малейший намек на ужасную трагедию вызывал у нее сильнейшую горячку, а арест Робера Дарзака в замке Гландье на другой день после убийства сторожа только подлил масла в огонь.

Робер Дарзак появился в замке около половины десятого утра. Рультабиль и я стояли у окна галереи и видели, как он спешил через парк: волосы растрепаны, одежда в беспорядке и забрызгана грязью, лицо покрыто смертельной бледностью.

— Я всегда возвращаюсь чересчур поздно! —

крикнул он нам с отчаянием.

— Она жива, — только и ответил ему Рультабиль.

Через минуту господин Дарзак вошел в комнату мадемуазель Станжерсон, и мы услышали его рыдания, приглушенные дверью.

— Судьба! — почти простонал рядом со мной Рультабиль, стиснув зубы. — Какие злые силы нависли над этой семьей. Не усыпи меня мадемуазель Станжерсон, и я спас бы ее от этого негодяя, заставив его замолчать навсегда, да и сторож бы уцелел.

Робер Дарзак вернулся весь в слезах. Рультабиль рассказал ему о том, что он предпринял для спасения мадемуазель Станжерсон, о намерении навсегда удалить этого человека, увидев его лицо, и о том, как весь этот план рухнул из-за лошадиной дозы снотворного.

— Доверяя мне по-настоящему, — грустно сказал Рультабиль, — вы бы убедили и мадемуазель Станжерсон мне поверить. Но здесь никто никому не доверяет, дочь боится отца, невеста остерегается жениха. Вы просите меня помешать приходу убийцы, а она предусмотрительно готовит все для собственной гибели, и я являюсь чересчур поздно, заспанный и еле передвигая ноги, в ту

комнату, где вид несчастной окровавленной жертвы наконец-то разбудил меня полностью.

По просьбе господина Дарзака Рультабиль рассказал о случившемся более подробно. В то время как мы преследовали убийцу в вестибюле и во дворе, Рультабиль, опираясь на стену, чтобы не упасть, отправился на место нового преступления. Войдя через приоткрытую дверь в комнату, он увидел мадемуазель Станжерсон, которая без чувств, с закрытыми глазами, сидела, прислонившись к столу, в покрасневшем от крови пеньюаре. Под влиянием снотворного Рультабилю показалось, что он все еще находится в каком-то кошмарном сне. Машинально выйдя в галерею, он открыл окно, приказал Бернье выстрелить, а затем, пройдя через будуар в гостиную, затряс спящего на диване господина Станжерсона так же неистово, как я недавно тряс его самого.

Профессор поднялся с блуждающим взглядом, и Рультабиль почти на руках оттащил его в соседнюю комнату. Увидев свою дочь, несчастный издал душераздирающий вопль — теперь и он полностью проснулся. Они перенесли мадемуазель Станжерсон на кровать, после чего Рультабиль поспешил к нам на помощь, чтобы

убедиться наконец в своих подозрениях. По пути он на мгновение остановился у стола, возле которого на полу лежал большой пакет. Рультабиль развязал узел веревки, и из обертки посыпались какие-то фотографии и бумаги. Он нагнулся и поднял одну из них наугад. Что за чудовищная ирония! В тот момент, когда у него убивают дочь, господину Станжерсону возвращают похищенные документы, которые, по эмоциональному заявлению профессора, «он завтра же отправит в огонь, все до единой!».

Утром вновь появился господин Марке, его секретарь и жандармы. Мы все были допрошены, за исключением, конечно, мадемуазель Станжерсон, которая все еще была без сознания.

Рультабиль и я, договорившись, рассказали только то, что считали необходимым сообщить, причем я умолчал о своей засаде в темной комнате и о снотворном. Короче говоря, мы ни словом не обмолвились о том, что ожидали появления преступника. Несчастная, может быть, заплатит жизнью за тайну, которой она пыталась окружить убийцу, не могли же мы сделать подобную жертву бессмысленной.

Признаться, я был несколько удивлен и даже смущен рассказом Артура Ранса. Оказалось, что

сторож явился к нему в комнату около одиннадцати часов вечера, чтобы забрать багаж, который на следующий день рано утром он брался доставить на вокзал в Сен-Мишель. Американец собирался покинуть Гландье на другой день и по своему обыкновению предпочитал отправиться на вокзал пешком.

Они поболтали об охоте и браконьерстве, и сторож, отправлявшийся утром в Сен-Мишель, ушел, прихватив нехитрый багаж Артура Ранса. Этот-то тюк и нес Человек в зеленом, когда я, увидев его выходящим из комнаты американца, вообразил бог знает что.

Господин Станжерсон подтвердил эти показания. Он добавил, что, к сожалению, не имел удовольствия накануне вечером обедать с Артуром Рансом, своим старым другом, так как тот в пять часов вечера распрощался с ним и его дочерью и, сославшись на нездоровье, попросил подать к себе в комнату только чай.

Так как сторож уже не мог никого опровергнуть, то привратник Бернье по указанию Рультабиля заявил, что Человек в зеленом просил его этой ночью принять участие в облаве на браконьеров. Они назначили друг другу свидание неподалеку от дубовой рощи, однако, видя что сторож не

появляется, Бернье отправился ему навстречу. Возвратившись в основной двор через маленькие ворота, он уже дошел до башни, как вдруг увидел человека, что было сил бежавшего с противоположной стороны по направлению к правому крылу замка. Где-то сзади раздавались револьверные выстрелы, а Рультабиль, показавшийся из окна галереи, увидел его с ружьем и приказал стрелять. Бернье и выстрелил, и даже полагал, что убил беглеца, до того момента, пока журналист не обнаружил истинную причину гибели Человека в зеленом.

Во всем этом трудно было разобраться, потому что, если убегал кто-то другой, то этот другой должен был где-то и находиться, а в том маленьком закутке, где все мы столпились вокруг покойника, ни для другого тела, ни для еще одного живого человека места больше не было. Во всяком случае, мы должны бы его увидеть. Единственный выход из этого крохотного пятачка — дверь комнаты сторожа — оказался запертым, а ключ был найден в кармане убитого.

Но так как из всех этих рассуждений, как будто весьма логичных, вытекало, что был застрелен человек, умерший от удара ножом в сердце, то судебный следователь недолго на них останавли-

вался. Он полагал, что ночь была очень темной, ведь нам даже не удалось разглядеть лицо сторожа, раз мы понесли тело в вестибюль, и беглеца просто упустили, а во дворе нашли труп, не имеющий ничего общего с нашим делом. Для него убийство сторожа было другим эпизодом, и он собирался это доказать без всякого промедления. Возможно, этот новый эпизод соответствовал его представлениям относительно разгульного образа жизни сторожа и его знакомств, а также подтверждался полученным им донесением о последней интриге с женой владельца трактира «Башня» и угрозами трактирщика в адрес покойного.

Так или иначе, а в час дня папаша Матье, несмотря на его ревматизм и громкие протесты жены, был арестован и под усиленной охраной доставлен в Корбейль. Ничего подозрительного при обыске не обнаружили, но агрессивные намеки и разговоры бедняги Матье с возчиками, постоянно заходившими к нему опрокинуть стаканчик, скомпрометировали его больше, чем если бы у него в тюфяке нашли нож, которым был заколот Человек в зеленом.

Все были ошеломлены этим водопадом необъяснимых событий, когда, в довершение всего,

вернулся ездивший на вокзал Ларсан в сопровождении уже известного нам железнодорожного служащего. Мы находились в вестибюле и спорили с Артуром Рансом о виновности папаши Матье (спорили, собственно говоря, только я и американец, так как Рультабиль о чем-то мечтал и не слушал наших разговоров).

Судебный следователь и его секретарь занимали маленькую зеленую гостиную, куда, если помните, нас привел Робер Дарзак в первый день нашего пребывания в замке. Дядюшка Жак, вызванный судебным следователем, отправился туда, а Робер Дарзак находился наверху в комнате мадемуазель Станжерсон с ее отцом и врачами.

Фредерик Ларсан и его спутник вошли в вестибюль.

— Смотрите, — воскликнул я, — это же железнодорожник из Эпиней!

— Вы правы, — улыбнулся сыщик и попросил жандарма, находившегося возле гостиной, доложить о нем судебному следователю. Господин Марке немедленно выслал дядюшку Жака, а Фредерик Ларсан и молодой железнодорожник отправились в помещение, где на этот раз вершилось правосудие.

Прошло около десяти минут. Рультабиль, до

этого абсолютно спокойный, начал высказывать признаки нетерпения. Наконец дверь открылась и посланный судебным следователем жандарм отправился на второй этаж, откуда он, впрочем, быстро вернулся. Заглянув в гостиную, жандарм громко сообщил судебному следователю:

— Господин Дарзак отказывается спуститься, сударь.

— Что значит «отказывается»? — удивился господин Марке.

— Он говорит, что не может сейчас оставить мадемуазель Станжерсон, так как ее состояние остается крайне тяжелым.

— Что ж, — сказал господин Марке, — так как он не желает идти к нам, мы отправимся к нему сами.

Судебный следователь, его секретарь и жандарм двинулись к лестнице, причем господин Марке сделал знак Ларсану и служащему железной дороги следовать за ними. Рультабиль и я отправились следом.

Вся наша торжественная процессия остановилась у дверей мадемуазель Станжерсон, откуда на стук судебного следователя выглянула горничная Сильвия — маленькая блондинка с волосами, в беспорядке спадавшими ей на лицо, удрученная

и заплаканная.

— Господин Станжерсон здесь? — поинтересовался судебный следователь.

— Да, сударь.

— Передайте ему, что я желал бы с ним переговорить.

Сильвия скрылась за дверью, откуда через минуту появился профессор. На него было больно смотреть, он плакал и не скрывал своих слез.

— Что вы еще от меня хотите? — обратился он к судебному следователю. — Разве в подобный момент нельзя оставить меня в покое?

— Господин профессор, мне совершенно необходимо немедленно переговорить с Робером Дарзаком, — значительно произнес господин Марке. — Не можете ли вы уговорить его оставить комнату вашей дочери? В противном случае я буду принужден войти туда с моими сотрудниками.

Профессор ничего не ответил, он посмотрел на судебного следователя и всех его сопровождающих, как жертва смотрит на своих палачей, и вернулся в комнату. Бледный и расстроенный Робер Дарзак тотчас же вышел нам навстречу, но когда несчастный заметил позади Ларсана железнодорожного служащего, его лицо исказилось

еще больше — взгляд стал растерянным, и глухой стон невольно сорвался с его губ.

Мы почувствовали, что наступил момент, решающий судьбу Робера Дарзака, все были очень серьезны, и только лицо Ларсана сияло и выражало радость гончей собаки, наконец-то овладевшей своей добычей.

Господин Марке указал на молодого железнодорожника с белокурой бородкой и произнес:

— Вы узнаете этого человека, господин Дарзак?

— Да, — ответил Дарзак голосом, которому он тщетно пытался придать твердость, — это служащий Орлеанской железной дороги со станции Эпиней-сюр-Орж.

— Этот молодой человек утверждает, — продолжал господин Марке, — что видел вас выходящим из вагона в Эпиней…

— Прошедшей ночью, — закончил Робер Дарзак, — в половине одиннадцатого. Это правда.

Воцарилось молчание.

— Господин Дарзак, — произнес судебный следователь прерывающимся от волнения голосом, — господин Дарзак, что вы делали этой ночью в Эпиней-сюр-Орж, почти рядом с тем местом, где убивали мадемуазель Станжерсон?

Робер Дарзак молчал. Он не опустил головы,

но прикрыл глаза, либо желая скрыть свое горе, либо из боязни, что в его взгляде прочтут то, что он не желал говорить.

— Господин Дарзак, — настаивал судебный следователь, — можете ли вы описать мне, как провели минувшую ночь?

Робер Дарзак открыл глаза, он уже полностью овладел собой:

— Нет, сударь!

— Подумайте, господин Дарзак, так как если вы изволите настаивать на своем странном отказе, я принужден буду немедленно вас задержать.

— Я отказываюсь.

— Господин Дарзак, именем закона я арестую вас!

Едва судебный следователь произнес эти слова, как Рультабиль сделал резкое движение по направлению к Роберу Дарзаку. Репортер, без сомнения, хотел заговорить, но арестованный одним движением принудил его к молчанию. Жандарм уже приблизился к своему пленнику, однако в этот момент раздался громкий и полный отчаяния крик:

— Робер! Робер!

Мы узнали голос мадемуазель Станжерсон, заставивший содрогнуться каждого из нас, даже

Ларсан на этот раз побледнел. Что же касается Робера Дарзака, то он стремительно бросился назад в комнату. Судебный следователь, жандарм и Ларсан устремились за ним, а Рультабиль и я остановились на пороге, пораженные ужасной картиной, открывшейся перед нами.

Мадемуазель Станжерсон, с лицом, покрытым смертельной бледностью, приподнялась на постели, несмотря на усилия двух врачей и господина Станжерсона удержать ее, и протянула свои дрожащие руки к Роберу Дарзаку, которого уже схватили жандарм и Ларсан. Она все понимала. Ее глаза были широко открыты, а обескровленные губы произнесли одно-единственное слово, которого, казалось, никто не разобрал. После этого она закрыла глаза и без чувств рухнула на постель.

Робера Дарзака увезли. В ожидании коляски, за которой отправился Ларсан, мы все остановились в вестибюле, и господин Марке, расчувствовавшись, утирал полные слез глаза.

Мой друг использовал этот момент всеобщего волнения, чтобы обратиться к Дарзаку:

— Вы будете защищаться?

— Нет, — покачал головой арестованный.

— Ну что ж, тогда вас буду защищать я.

Робер Дарзак печально улыбнулся:

— То, что не удалось сделать ни мне, ни мадемуазель Станжерсон, и вам не осилить.

— Ошибаетесь, сударь, — голос Рультабиля звучал спокойно и уверенно, — я непременно смогу вас защитить, хотя бы потому, что знаю гораздо больше вашего.

— Оставьте лучше это дело, — уже раздраженно пробормотал Дарзак.

— Не беспокойтесь, я благоразумно буду знать только то, что потребуется для вашего спасения.

— Вам вообще ничего не следует знать, молодой человек, если вы рассчитываете на мою признательность.

Рультабиль отрицательно покачал головой и, приблизившись к Роберу Дарзаку, прошептал:

— Слушайте меня внимательно, и пусть то, что я скажу, внушит вам наконец ко мне доверие. Вы знаете только имя убийцы, а мадемуазель Станжерсон знает только одно его воплощение, я же знаю оба лика преступника. Я знаю этого человека!

Робер Дарзак широко открыл глаза, и ясно было, что он ничего не понял из сказанного Рультабилем.

Тем временем подкатила коляска с Фредери-

ком Ларсаном. В нее сели Дарзак и жандарм, и арестованного увезли в Корбейль.

XXV. *Рультабиль отправляется путешествовать*

Этим же вечером Рультабиль и я с радостью оставили Гландье, эти места больше нас не удерживали. Я заявил, что не в силах разгадать столько тайн, а Рультабиль, дружески хлопнув меня по плечу, ответил, что в Гландье ему уже больше нечего разгадывать.

Мы прибыли в Париж около восьми часов вечера и, наскоро пообедав, усталые, распрощались, уговорившись встретиться у меня на следующее утро.

В условленный час Рультабиль появился одетый в клетчатый костюм из английского драпа, с фуражкой на голове и чемоданом в руках. Он сообщил мне, что отправляется в путешествие.

— Сколько же времени вы будете отсутствовать? — поинтересовался я.

— Месяц или два, это зависит от разных причин.

Я не решился расспрашивать его дальше.

— Вы поняли, что сказала мадемуазель Станжерсон, глядя на Робера Дарзака, перед тем как

лишиться чувств? — спросил мой друг.

— Нет, этого ведь никто не расслышал.

— Я расслышал, и достаточно ясно. Она произнесла только одно слово: «Говорите!»

— И господин Дарзак заговорит, наконец?

— Ни за что на свете!

Я хотел было продолжить разговор, но Рультабиль крепко пожал мне руку и направился к двери.

— А вы не боитесь, что без вас произойдут новые покушения? — только и успел спросить я.

— Нет, — ответил он, — с тех пор как Робер Дарзак находится в тюрьме, я ничего подобного больше не опасаюсь.

С этими странными словами он вышел, и мы больше не виделись до начала судебного заседания по делу Дарзака, куда мой друг явился, чтобы объяснить необъяснимое.

XXVI. *ГЛАВА, в которой все с нетерпением ожидают Жозефа Рультабиля*

15 января, то есть через два месяца после описанных мною трагических событий, газета «Эпок» опубликовала на первой полосе следующую сенсационную статью:

«Суд присяжных Сены и Уазы призван сегодня рассмотреть одно из наиболее таинственных дел, известных в истории юриспруденции. Еще ни один процесс не начинался с таким количеством неразрешенных вопросов и невыясненных обстоятельств. И тем не менее, прокуратура, не колеблясь, посадила на скамью подсудимых уважаемого человека, почитаемого и любимого всеми, кто знал молодого ученого, надежду французской науки, вся жизнь которого прошла в непрестанном труде.

Когда в Париже узнали об аресте Робера Дарзака, возмущению не было предела. Вся Сорбонна, обесчещенная смехотворным решением судебного следствия, заявила о своей глубокой уверенности в невиновности молодого ученого.

Сам господин Станжерсон указал на ошибку, в которую впало правосудие.

Ни у кого не вызывает сомнения, что если бы сама жертва могла заговорить, она явилась бы и потребовала от двенадцати присяжных заседателей жизнь человека, которого собиралась назвать своим мужем и которого обвинение возводит теперь на эшафот.

Надо все-таки надеяться, что в ближайшее время разум мадемуазель Станжерсон, пострадавший в результате ужасных переживаний, полностью восстановится. Хотите ли вы, чтобы она окончательно его потеряла, узнав, что любимый ею человек погиб от руки палача? Этот вопрос к суду присяжных.

Нельзя допустить, чтобы двенадцать честных людей совершили непоправимую судебную ошибку.

Конечно, ужасные совпадения, обвиняющие следы, необъяснимое молчание подсудимого, его загадочные отлучки и полное отсутствие какого-либо алиби — все это может убедить в его виновности прокуратуру, которая решила найти здесь истину, не желая искать ее в другом месте.

Обвинения против Робера Дарзака настолько подавляющие и так бросаются в глаза, что они

смогли ослепить даже такого опытного, способного и удачливого полицейского, каким является Фредерик Ларсан.

До сих пор все улики были против Робера Дарзака, но сегодня мы начнем защищать его перед судом присяжных. Именно мы прольем свет на все тайны замка Гландье, ибо только мы обладаем знанием истины. До сих пор наше молчание объяснялось исключительно интересами дела, которое мы собираемся защищать.

Читатели не забыли еще, конечно, наших сенсационных публикаций о «Левой ноге с улицы Оберкамф», о знаменитой краже в «Универсальном кредите» и о «Золотых слитках монетного двора». Мы всегда предвидели истину, еще до того как замечательная изобретательность Фредерика Ларсана открывала ее полностью. Эти расследования вел наш самый юный сотрудник — восемнадцатилетний Жозеф Рультабиль, которому завтра суждено стать знаменитым.

И в этот раз наш юный журналист одним из первых отправился на место преступления, преодолел все преграды, устроился в замке, откуда были изгнаны все прочие представители прессы. Рядом с Фредериком Ларсаном он искал истину и с ужасом все больше и больше убеждался, что

знаменитый сыщик допускает ужасную ошибку. По мере своих скромных сил наш репортер пытался вернуть его на истинный путь, но тщетно — Великий Фред не желал прислушиваться к юному журналисту. Куда это привело Робера Дарзака, мы уже знаем.

Теперь же Франция да и весь мир должны узнать, что в день ареста нашего славного ученого молодой Жозеф Рультабиль пришел вечером к редактору своей газеты и объявил:

«Я уезжаю в путешествие и не знаю, сколько времени оно продлится, месяца два или три, а может быть, я никогда не вернусь. Вот письмо. И если я буду отсутствовать в тот день, когда состоится суд, — распечатайте этот конверт после допроса свидетелей, условившись об этом предварительно с адвокатами обвиняемого. Это письмо содержит имя убийцы (не скажу доказательства, ибо за ними-то я и отправляюсь) и неопровержимые свидетельства невиновности Робера Дарзака».

И наш репортер уехал. Мы долго о нем ничего не слышали, но вот неделю тому назад в редакцию явился незнакомец и сказал буквально следующее:

«Действуйте по инструкциям Жозефа Руль-

табиля, если это будет необходимо. В письме содержится истина».

Этот человек не захотел назвать своего имени.

Итак, сегодня 15 января, начинается заседание суда. Наш репортер не вернулся, и, вероятно, мы его больше никогда не увидим. Что ж, пресса также имеет своих героев, жертв долга, профессионального долга, если хотите. Быть может, в этот час Рультабиля уже нет в живых, но мы сумеем за него отомстить, и наш представитель будет сегодня в зале заседания с письмом, которое содержит имя убийцы».

Во главе статьи был помещен портрет Рультабиля.

Парижане, направлявшиеся в тот день в Версаль на процесс по делу о Желтой комнате, не забудут, конечно, невероятной давки и толкотни на вокзале Сен-Лазар. Все вагоны были переполнены, пришлось даже пускать дополнительные поезда.

Статья в «Эпок» взбудоражила всех, возбудила всеобщее любопытство, вызвала споры и пересуды. Происходили многочисленные стычки между сторонниками Рультабиля и поклонниками Ларсана, причем большинство занимало даже не столько грозящее осуждение невиновного че-

ловека, сколько собственное толкование тайны Желтой комнаты. Каждый имел свое объяснение и считал его, разумеется, наилучшим.

Всех, кто считал виновным Робера Дарзака, возмущала даже тень сомнения в проницательности популярного сыщика. Те, что думали иначе, поддерживали Рультабиля, хотя до этого, может быть, о нем и не слыхивали.

С номерами «Эпок» в руках ларсанисты и рультабилисты спорили на ступенях Дворца правосудия и даже в зале суда. Громадная толпа охотников за сенсацией до вечера бурлила вокруг, не в силах проникнуть в здание, охраняемое войсками и полицией. Люди с жадностью ловили самые невероятные известия. Вдруг распространился слух об аресте прямо в зале заседания господина Станжерсона, который якобы признался в покушении на убийство собственной дочери.

Безумное напряжение достигло предела. Все ожидали Жозефа Рультабиля, причем многие утверждали, что узнают его с первого взгляда. Когда какой-то молодой человек отделился от толпы и, показав пропуск, направился во Дворец правосудия, давка возобновилась с новой силой. Раздались крики:

— Рультабиль, смотрите — Рультабиль!

Радостные крики приветствовали всех свидетелей, хотя бы отдаленно походивших на портрет в газете, а прибытие редактора «Эпок» явилось поводом для всеобщей манифестации. Одни аплодировали, другие свистели, причем в толпе было много женщин, неистовствовавших наравне с мужчинами. Наконец в зале суда открылось слушание дела под председательством господина де Року, наделенного всеми судейскими предрассудками, но безусловно честного человека.

Начался вызов свидетелей. Среди тех, кто так или иначе соприкасался с тайной Желтой комнаты, был приглашен и я. Господин Станжерсон, постаревший на десять лет и совершенно изменившийся, Ларсан, Артур Ранс, дядюшка Жак, папаша Матье с кандалами на руках, приведенный двумя жандармами, его жена, вся в слезах, обе сиделки, дворецкий, все слуги замка, чиновник 40-го почтового отделения, служащий железной дороги станции Эпиней, несколько друзей семьи Станжерсон, а также свидетели Робера Дарзака — вот основные действующие лица первого акта этого удивительного процесса.

Мне повезло давать показания одним из первых, что позволило в дальнейшем присутство-

вать практически на всех заседаниях.

Робер Дарзак появился на скамье подсудимых между двумя жандармами такой сдержанный и прекрасный, что его встретил скорее шепот восторга, чем сожаления. Он сразу склонился к своему адвокату мэтру Анри-Роберу и его первому помощнику господину Андре Гессу, начавшему перелистывать дело.

Многие ожидали, что господин Станжерсон пожмет руку обвиняемому, но этот демонстративный жест сделан не был.

Присяжные заседатели, занявшие свои места, были явно заинтригованы коротким разговором между мэтром Анри-Робером и редактором «Эпок», который разместился в первом ряду. Некоторое удивление вызвал и тот факт, что он не прошел вместе с другими свидетелями в отведенное для них помещение.

Чтение обвинительного заключения прошло, как всегда, без инцидентов. И не буду останавливаться на продолжительном допросе Робера Дарзака, отвечавшего одновременно и самым естественным и самым таинственным образом. Все, что он мог сказать, казалось естественным, все, о чем умалчивал, было для него гибельным, даже в глазах тех, кто чувствовал его невинов-

ность.

Молчание Дарзака по известным нам вопросам обращалось против него и, безусловно, должно было плохо кончиться. Он не поддался уговорам председателя суда и даже министра юстиции, которые разъяснили ему, что нежелание говорить в подобных обстоятельствах равносильно смерти.

— Хорошо, — просто ответил он, — я умру, но я невиновен!

Его защитник пытался указать на благородство своего подзащитного, ссылаясь на некие моральные обязательства, которые могут взять на себя только героические души. Но он убедил лишь тех, кто хорошо знал Робера Дарзака и без того верил в его порядочность, остальные по-прежнему колебались.

После перерыва начался допрос свидетелей, а Рультабиль все не появлялся. При каждом скрипе двери на нее устремлялись все взгляды, которые затем немедленно переводились на редактора «Эпок», по-прежнему спокойно восседавшего в своем кресле. Наконец под гул голосов, сопровождавших этот многозначительный жест, он опустил руку в карман и вынул письмо.

Я не намерен подробно описывать весь процесс и хочу сразу перейти к поистине драматическим

событиям этого незабываемого дня. Они разразились, когда мэтр Анри-Робер задал несколько вопросов папаше Матье, который, стоя у свидетельского пюпитра, защищался от обвинения в убийстве Человека в зеленом. На очную ставку была вызвана его жена, клятвенно заверившая присутствующих, что к смерти сторожа ее муж не имеет никакого отношения. Анри-Робер обратился к суду с просьбой немедленно заслушать по этому вопросу показания Фредерика Ларсана.

— Разговаривая с ним во время перерыва, — сказал адвокат, — я сделал вывод, что известный сыщик не считает ревность папаши Матье причиной гибели сторожа и имеет по этому поводу другое мнение. Было бы интересно узнать его версию.

Был введен Фредерик Ларсан, разъяснивший суду, что он не видит причин вмешивать трактирщика в это дело.

— Я высказал господину Марке свои предположения, — сказал он, — но кровожадные угрозы папаши Матье слишком поразили воображение судебного следователя. Для меня покушение на мадемуазель Станжерсон и убийство сторожа — это единая цепь событий. В преступника выстрелили, когда он бежал по основному двору,

и, как показалось, ранили. На самом же деле он лишь споткнулся, огибая правое крыло замка, и встретил сторожа, без сомнения пытавшегося его задержать. Негодяй все еще держал в руках нож, которым поразил мадемуазель Станжерсон, он ударил сторожа в сердце, и бедняга скончался на месте.

Это объяснение показалось публике тем более правдоподобным, что точно так же думали и многие другие, следившие за ходом событий в замке Гландье. Послышался одобрительный шепот.

— А что же случилось с убийцей? — спросил председательствующий.

— Он несомненно спрятался в каком-нибудь темном углу двора и преспокойно бежал, после того как все ушли, унося тело сторожа.

В этот момент среди всеобщего оцепенения в глубине зала раздался звонкий голос.

— Я согласен с Фредериком Ларсаном по поводу удара ножом в сердце, — произнес он, — но вот бежал убийца оттуда совершенно иначе.

Все обернулись, судебные приставы бросились в зал, призывая публику к спокойствию, а председательствующий с возмущением потребовал выяснить, кто нарушил тишину, и немедленно удалить виновника из зала.

— Это я, господин председатель, — прозвучал тот же голос, — это я, Жозеф Рультабиль.

XXVII. *ГЛАВА, в которой Жозеф Рультабиль появляется во всем своем блеске*

Невозможно описать волнение, охватившее весь зал в этот момент. Приветственные крики смешались с возмущенными возгласами, а кому-то из женщин сделалось даже дурно. Все желали поскорее увидеть Рультабиля, и напрасно председательствующий взывал к порядку, угрожая очистить зал, никто его не слушал.

В это время Рультабиль, пробираясь через толпу, направился к своему редактору. Они горячо обнялись, после чего Рультабиль взял у него из рук письмо и, спрятав его в карман, подошел к барьеру. На нем был все тот же костюм, который я видел и в день отъезда, но, Боже мой, в каком состоянии!

— Прошу прощения, господин председатель, — сказал он, — дело в том, что опоздал пароход. Я — Жозеф Рультабиль, и только что прибыл из Америки.

Неожиданно весь зал охватил смех, все так обрадовались его появлению, что, казалось, осво-

бодились от какой-то гнетущей тяжести. Публика была уверена, что Рультабиль наконец-то привез истину и сейчас им ее сообщит.

Но председательствующий был просто взбешен.

— Ах, значит, вы и есть тот самый Жозеф Рультабиль, — сказал он, — хорошо же, я покажу вам, молодой человек, как насмехаться над законом, и отдаю вас в распоряжение правосудия в силу предоставленного мне права.

— Но, господин председатель, я только этого и хочу, — ответил мой друг, — и явился сюда именно для того, чтобы отдать себя в ваше распоряжение. Если же мой приход вызвал некоторый беспорядок, то я прошу извинения перед судом. Поверьте, господин председатель, что я, как никто другой, уважаю правосудие, но проникнуть сюда было довольно сложно, и вот… я вошел как сумел.

И он засмеялся. Весь зал снова покатился с хохоту вслед за ним.

— Выведите его! — распорядился председательствующий.

Но тут вмешался Анри-Робер. Он постарался извинить молодого человека, доказывая, что того обуревали самые лучшие намерения, и дал

понять председательствующему, что вряд ли возможно обойтись без показаний свидетеля, который целую неделю провел в замке Гландье, и особенно без свидетеля, который полагает возможным доказать невиновность обвиняемого и сообщить имя подлинного убийцы.

— Вы действительно назовете нам это имя? — спросил все еще сомневающийся господин де Року.

— Разумеется, господин председатель, я только для этого и прибыл сюда, — ответил Рультабиль.

В зале начали аплодировать, но тишина была быстро восстановлена.

— Жозеф Рультабиль не зарегистрирован официальным свидетелем, — уточнил Анри-Робер, — но я надеюсь, что в силу своего права господин председатель захочет его допросить.

— Хорошо, — согласился господин де Року, — мы выслушаем этого юношу, но раньше закончим с предыдущим свидетелем.

Поднялся товарищ прокурора.

— Быть может, было бы лучше, — заметил он, — чтобы молодой человек сразу назвал нам имя того, кого он обвиняет в убийстве.

Председательствующий не без иронии согласился.

— Если уж обвинение придает такое значение допросу господина Рультабиля, — добавил он, — то я возражать не стану. Имя «своего» убийцы свидетель может назвать и сейчас.

В огромном зале воцарилась звенящая тишина.

Рультабиль молчал, глядя с сочувствием на Робера Дарзака, который впервые с начала заседания начал проявлять признаки беспокойства.

— Итак, — повторил председательствующий, — вас слушают, господин Рультабиль, мы ждем имя убийцы.

Мой друг спокойно извлек из жилетного кармана громадные часы-луковицу и внимательно на них посмотрел.

— Господин председатель, — сказал он, — я смогу огласить имя этого человека не ранее половины седьмого. До этого у нас еще целых четыре часа.

В зале послышался ропот удивления и разочарования.

— Да он просто смеется над нами! — громко воскликнули несколько присутствующих в зале адвокатов.

Председательствующий имел удовлетворенный вид, адвокат и его помощник были явно

разочарованы.

— Эта шутка длилась чересчур долго, — сказал господин де Року, — вы можете удалиться в помещение для свидетелей, я оставляю вас в распоряжении суда.

— Уверяю вас, господин председатель, — запротестовал Рультабиль своим звонким голосом, — когда вы узнаете имя убийцы, то поймете, что я не мог назвать его ранее указанного времени. Честное слово, слово Рультабиля! Но в ожидании этого часа я могу дать необходимые объяснения относительно убийства сторожа. Фредерик Ларсан следил за моей работой в Гландье, и он может подтвердить вам, с какой тщательностью я изучал это дело. Хотя я и расхожусь с ним в конечных выводах, полагая, что арест Робера Дарзака — это ошибка, но господин Ларсан не усомнится ни в моей добросовестности, ни в правдоподобии моих версий, которые часто подтверждались его собственными.

Сыщик согласно кивнул головой:

— Господин председатель, было бы чрезвычайно интересно услышать мнение Жозефа Рультабиля, тем более что оно отличается от моего.

Шепот ободрения встретил последние слова

полицейского, который принимал вызов, как честный игрок. Состязание между этими двумя умами обещало быть чрезвычайно интересным. Оба старались разрешить это трагическое дело на основании одних и тех же улик, но пришли к совершенно разным выводам.

Председатель молчал, вероятно обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Мы оба согласны, — продолжал Фредерик Ларсан, — что удар ножом был нанесен сторожу убийцей мадемуазель Станжерсон, но по-разному представляем себе его исчезновение из тупика во дворе. Интересно узнать, как господин Рультабиль объяснит это бегство.

— Бесспорно, — сказал мой друг, — это было бы весьма интересно.

В зале снова засмеялись. Председательствующий тотчас заявил, что при повторении подобного неуважения к суду он, не колеблясь, выполнит свою угрозу — очистить зал от публики.

— В подобном деле, — добавил господин де Року, — я не вижу ничего смешного.

— И я так думаю, — серьезно согласился Рультабиль.

Сидевшие передо мной люди закусили носовые платки, чтобы не расхохотаться.

— Итак, — продолжал председательствующий, — вы слышали, молодой человек, что сказал господин Ларсан? Как, по-вашему, скрылся преступник из тупика во дворе?

Рультабиль сочувственно взглянул на жену папаши Матье, которая только грустно улыбнулась ему в ответ.

— Так как госпожа Матье не скрывает тех чувств, которые она испытывала к покойному сторожу имения, — начал он…

— Мерзавка! — воскликнул папаша Матье.

— Выведите этого человека, — приказал господин де Року.

Беднягу Матье тут же увели из зала.

— Поскольку она этого не скрывает, — продолжал Рультабиль, — я могу сообщить, что по ночам они довольно часто встречались со сторожем на первом этаже башни в бывшей молельной. Эти свидания стали особенно частыми, когда папаша Матье оказался прикован к постели своим ревматизмом. Укол морфия усыплял его и давал госпоже Матье несколько свободных часов. Она пробиралась в замок, закутанная в большую черную шаль, которая скрывала ее лицо и делала похожей на призрак, тревоживший по ночам дядюшку Жака.

Чтобы предупредить любовника о своем появлении, госпожа Матье подражала крику кошки, принадлежащей матушке Ажену, старой колдунье из деревеньки Сен-Женевьев-де-Буа. Сторож тотчас же спускался из своей башни и открывал возлюбленной дверь.

Когда башню принялись ремонтировать, свидания по-прежнему продолжались, но уже в старой комнате сторожа в самой башне, так как новая комната этого бедняги в конце правого крыла замка отделялась от помещения, которое занимала семья дворецкого и кухарки, чересчур тонкой стенкой.

Госпожа Матье оставила своего возлюбленного целым и невредимым, когда незадолго до начала этой ужасной драмы они мирно вышли из башни.

Все эти подробности, господин председатель, я узнал на следующий день, изучив следы шагов в основном дворе. Привратник Бернье, поставленный мною наблюдать за башней, не мог видеть того, что происходило во дворе, — он прибежал туда позже, услышав револьверные выстрелы, и сам тоже стрелял.

И вот, распрощавшись, госпожа Матье ушла к открытым воротам, а сторож отправился спать

в свою маленькую комнатку у правого крыла замка и как раз подошел к двери, когда раздались револьверные выстрелы. Он, естественно, поворачивается и, встревоженный, бросается обратно. Едва он подбежал к углу стены, как на него бросилась какая-то тень и ударила ножом в грудь. Бедняга умер на месте. Его тело тотчас же подхватили люди, которые думали, что поймали убийцу, но унесли всего лишь убитого.

Что делает в это время госпожа Матье, удивленная и испуганная всей этой суматохой и выстрелами? Двор велик, и, находясь у ворот, она могла, конечно, беспрепятственно скрыться, но не ушла, охваченная трагическим предчувствием. Стараясь оставаться незамеченной, она вернулась к вестибюлю замка и при свете фонаря дядюшки Жака увидела тело своего друга на нижних ступеньках парадной лестницы. В ужасе бросилась она бежать *и* привлекла внимание дядюшки Жака. Во всяком случае, он догнал наконец видение, заставившее его провести несколько бессонных ночей.

Незадолго до преступления дядюшка Жак, разбуженный криками Божьей благодати, опять заметил в окне черный призрак и быстро оделся, желая поглядеть на него вблизи. Этим и объяс-

няется, что в вестибюле, куда перенесли тело сторожа, он оказался единственным полностью одетым человеком среди всех нас.

Старик, конечно, сразу узнал трактирщицу, ведь он был знаком с ней давным-давно. Несчастная женщина вынуждена была признаться ему в ночных свиданиях и упросила не губить ее в эту трудную минуту.

Состояние госпожи Матье, только что увидевшей мертвым своего друга, было достойно жалости, и дядюшка Жак проводил бедняжку через дубовую рощу до берега пруда и дороги на Эпиней. Там она была уже почти дома.

Вернувшись, старик постарался скрыть от нас этот эпизод, прекрасно понимая, что для возлюбленной сторожа ее присутствие в замке этой ночью может обернуться большими неприятностями.

Можете не просить госпожу Матье или дядюшку Жака подтверждать мой рассказ, все именно так и было. Я обращаюсь лишь к памяти господина Ларсана, который видел, как на следующее утро я разбирался с двойными следами старого слуги и хозяйки трактира, путешествовавшими рядом друг с другом.

Обернувшись к госпоже Матье, Рультабиль

галантно ей поклонился.

— Следы шагов этой женщины, — пояснил он, — удивительно напоминают отпечатки элегантных туфель преступника.

Госпожа Матье вздрогнула и с недоумением посмотрела на молодого репортера: «Что он хотел этим сказать?»

— У мадам изящная ступня, слегка удлиненная, может быть, немного великоватая для женщины. За исключением носка туфли, ее след весьма напоминает отпечаток обуви убийцы.

Публика заволновалась, но Рультабиль жестом успокоил зал, казалось, он уже полностью подчинил всех присутствующих.

— Я хочу только доказать, — продолжал Рультабиль, — что все это не так уж и важно. Полицейский, построивший свою версию на внешних признаках, не объединенных общей идеей, неизбежно окажется у разбитого корыта. След Робера Дарзака тоже напоминает отпечаток ноги убийцы, но это еще не означает, что преступник именно он.

Новое движение в зале.

Председатель суда решил все-таки проверить объяснения Рультабиля и обратился к госпоже Матье:

— Той ночью дело происходило именно так?

— Да, господин председатель. Можно подумать, что молодой человек шел следом за нами.

— Вы заметили, как убийца бежал к правому крылу замка?

— Да, а затем я видела, как тело сторожа унесли в вестибюль.

— Ну, а преступник? Вы ведь остались во дворе одна и, естественно, могли его видеть. Не подозревая о вашем присутствии, этот человек должен был воспользоваться удобным моментом для бегства.

— Я ничего не видела, господин председатель, — простонала госпожа Матье. — В этот момент луну закрыли тучи и ночь стала еще темнее.

— Тогда, может быть, господин Рультабиль соблаговолит объяснить нам, — сказал господин де Року, — каким образом бежал убийца.

— Конечно, — тотчас откликнулся репортер с такой уверенностью, что и сам председательствующий не удержался от улыбки. — Этот человек не мог скрыться из тупика во дворе обычным способом, потому что, если мы и не видели его, то, по крайней мере, должны были касаться! Тупик — это крохотный квадратик двора, окруженный

рвом и высокой решеткой. Убийца должен был наткнуться на нас, или мы должны были наткнуться на убийцу. Рвами, решеткой и всеми нами это место было закрыто так же прочно, как Желтая комната.

— Тогда ответьте нам, каким же образом этого человека не обнаружили в вашем закрытом квадрате, если он туда забежал?

Рультабиль снова извлек часы из жилетного кармана.

— Господин председатель, — вздохнул он, — вы можете еще три часа спрашивать меня об этом, но ответить на этот вопрос я смогу только в половине седьмого.

На этот раз поднявшийся ропот был лишен враждебности и разочарования. Публика начала доверять Рультабилю, и, кроме того, всех забавлял этот назначенный председателю суда час, напоминающий обещанное свидание.

Председательствующий подумал было, не следует ли ему рассердиться, однако Рультабиль привлекал к себе всеобщие симпатии, и господин де Року также поддался этому чувству. Репортер так точно описал поведение и каждый жест госпожи Матье, что суд начал относиться к нему серьезно.

— Согласен, господин Рультабиль, — сказал он, — но чтобы до этого времени я вас больше не видел.

Рультабиль молча поклонился и отправился в комнату для свидетелей.

Его взгляд искал меня среди публики, но не находил. Тогда я пробрался через толпу и почти одновременно с ним вышел из зала. Рультабиль приветствовал меня весьма горячо, пожимая мне руку. Он был возбужден и разговорчив.

— Я не спрашиваю вас, дорогой друг, что вы делали в Америке, — сказал я, — вы мне, конечно, возразите, как и председателю суда, что ответите не ранее половины седьмого.

— Нет, мой дорогой Сэнклер, вы мой друг, и, зачем я ездил в Америку вы узнаете уже сейчас. Я искал имя второго воплощения убийцы!

— Ах вот как, имя второго воплощения…

— Ну конечно. Когда мы с вами в последний раз оставляли Гландье, я уже знал оба воплощения убийцы и имя одного из них. Поиски другого имени мне пришлось продолжить за океаном.

В этот момент мы зашли в комнату для свидетелей, и все устремились к Рультабилю. Репортер был любезен со всеми, за исключением Артура Ранса, к которому проявил заметное равноду-

шие.

В этот момент в комнате появился Фредерик Ларсан, и наши герои обменялись рукопожатием, после которого можно было остаться со сломанными пальцами. Рультабиль, должно быть, не сомневался в своей победе, если встретил сыщика так дружелюбно. Уверенный в себе Ларсан улыбнулся и, в свою очередь, поинтересовался причиной отъезда моего друга в Америку.

Тогда Рультабиль любезно взял его под руку и весело рассказал несколько забавных анекдотов о своем путешествии. Затем они удалились, разговаривая о более серьезных делах, и я из деликатности оставил их вдвоем.

Вернувшись в зал, я сразу понял, что публика, не придавая больше никакого значения происходящему, нетерпеливо ждала назначенного часа.

Пробило половину седьмого, и Жозеф Рультабиль был снова введен в зал. Невозможно описать волнение, с которым все провожали его глазами. Люди затаили дыхание. Робер Дарзак, бледный как смерть, поднялся со своего места.

— Я не заставляю вас принимать присягу, — начал председательствующий, — так как вы не были вызваны в установленном порядке, но надеюсь, не следует объяснять важность того, что вы

здесь заявите. Важность, если не для других, то, по крайней мере… для вас, — с угрозой добавил он.

— Конечно, господин председатель, — спокойно ответил Рультабиль.

— Итак, — сказал господин де Року, — мы остановились на крохотном тупике двора, где убийца нашел себе убежище. В половине седьмого вы обещали рассказать, как он бежал из этого тупика, и назвать имя убийцы. Сейчас шесть часов тридцать пять минут, господин Рультабиль, а мы еще ничего не знаем.

— Я уже объяснял, — сказал мой друг среди такой торжественной тишины, какой я еще никогда не слышал, — что убежать оттуда обычным путем было совершенно невозможно. И это святая истина, потому что в тупике убийца находился вместе с нами.

— И вы его видели! Но ведь это как раз то, что утверждает обвинение.

— Мы его видели и слышали, господин председатель! — воскликнул Рультабиль.

— И не задержали преступника?

— Никто, кроме меня, не знал, кем он является на самом деле. Мне же надо было, чтобы убийца оставался еще на свободе, и потом, кроме собственной интуиции, в этот момент я еще не имел

других доказательств его виновности. Да, только мои рассуждения подсказывали мне, что преступник находится здесь, среди нас. Но я должен был выждать, чтобы представить сегодня суду неопровержимые доказательства, которые, я уверен, удовлетворят всех.

— Но говорите же, говорите! Назовите нам имя убийцы.

— Вы его обнаружите среди тех, кто находился в этот момент в тупике двора, — ответил Рультабиль, казалось, не торопившийся.

Публика в зале начала терять терпение.

— Имя, имя! — скандировали присутствующие.

— Я немного задерживаю свои показания, — сказал Рультабиль, — но у меня есть на это свои причины.

— Имя, имя! — не унималась толпа.

— Тишина, успокойтесь! — взывали судебные приставы.

— Вы должны сразу назвать его имя, — сказал председательствующий, — итак, в тупике двора находились: сторож, то есть убитый. Это он был преступником?

— Нет, господин председатель.

— Дядюшка Жак?

— Нет.

— Привратник Бернье?

— Нет, господин председатель.

— Господин Сэнклер?

— Нет…

— Тогда сэр Артур Вильямс Ранс? Остаются Артур Ранс и вы! Надеюсь, вы не убийца?

— Нет.

— Значит, вы обвиняете господина Артура Ранса?

— Нет.

— Не понимаю. Что вы хотите сказать? Ведь больше там никого не было.

— Конечно, господин председатель, больше никого не было внизу, но был некто сверху, появившийся в окне над всеми нами.

— Фредерик Ларсан! — воскликнул председательствующий.

— Фредерик Ларсан! — как эхо отозвался звонким голосом Рультабиль.

И повернувшись к публике, среди которой уже были слышны возгласы протеста, он объявил с такой уверенностью, на которую я никогда не считал его способным:

— Фредерик Ларсан — убийца!

Зал наполнили крики, в которых слились

изумление, ужас, негодование, недоверие, а в некоторых и восхищение этим молодым человеком, достаточно смелым, чтобы решиться на подобное объявление. Председательствующий даже и не пытался успокоить толпу.

Когда шум немного утих сам по себе, под влиянием многочисленных призывов к тишине тех, кто желал знать продолжение, послышался голос Робера Дарзака, со вздохом опустившегося на свою скамью:

— Это невозможно, он сошел с ума!

— Вы видите, господин Рультабиль, эффект своего заявления, — сказал председательствующий. — Даже обвиняемый считает вас сумасшедшим. Однако, если вы в здравом уме и твердой памяти, то вы должны иметь доказательства…

— Что ж, господин председатель, я представлю вам самое веское доказательство, — громко ответил Рультабиль. — Пригласите господина Ларсана сюда.

Председательствующий кивнул головой, и судебный пристав исчез за маленькой дверью, оставив ее полуоткрытой. Все взгляды были устремлены только туда.

Наконец судебный пристав появился вновь и, дойдя до середины зала, провозгласил:

— Господин председатель, Фредерика Ларсана там нет. Он ушел около четырех часов назад, и его больше не видели.

— Вот вам и мое доказательство! — торжествующе воскликнул Рультабиль.

— Объясните, какое доказательство? — удивился председательствующий.

— Мое неопровержимое доказательство, — сказал молодой репортер. — Разве вы не понимаете, что он бежал, и я клянусь — больше он не вернется. Вы никогда больше не увидите Фредерика Ларсана!

Шум в глубине зала.

— Если вы действительно серьезно относитесь к правосудию, то почему упустили то время, когда Ларсан находился среди нас, и не высказали ему свои обвинения в лицо? По крайней мере, он мог бы вам достойно ответить.

— Какой ответ убедительнее этого, господин председатель? Он сам мне уже никогда не возразит. Я обвиняю Фредерика Ларсана в том, что он убийца, а он спасается бегством. Разве это не ответ?

— Мы не хотим и не можем в это поверить. Зачем ему бежать? Он же не знал, что вам придет в голову обвинить его.

— Знал, господин председатель, прекрасно знал. Я сам ему и сказал об этом.

— Как же так? Предполагая, что Ларсан является преступником и убийцей, вы даете ему возможность бежать!

— Да, господин председатель, — гордо ответил Рультабиль, — я не принадлежу ни к правосудию, ни к полиции. Я скромный журналист, служу истине, как считаю нужным, и не моя специальность арестовывать людей. Ваше дело охранять общество в силу возможности. Вы мудры, господин председатель, и должны признать, что я прав. Днем я обещал назвать имя убийцы не ранее половины седьмого. По моим подсчетам, этого было достаточно, чтобы предупредить Ларсана и дать ему возможность уехать поездом 4-17 в Париж, где он будет уже в безопасности. Час, чтобы добраться до Парижа, час с четвертью — чтобы скрыть свои следы. Таким образом, это приводит нас к половине седьмого, и вам его больше не найти, — продолжал Рультабиль, поглядывая на Робера Дарзака. — Он достаточно хитер, чтобы и впредь ускользать от вас, а ведь вы его давно и тщетно преследовали. Просто он менее ловок, чем я, — прибавил Рультабиль, заливаясь смехом, но уже в одиночку, так как всем остальным было

не до смеха. — Он сильнее всех полицейских на земном шаре. Этот человек четыре года назад устроился в сыскную полицию и стал известен под именем Фредерика Ларсана. Раньше он был знаменит не меньше, но под другим именем, которое вы так же хорошо знаете. Фредерик Ларсан, господин председатель, это Бальмейер!

— Бальмейер? — удивился председатель суда.

— Бальмейер! — воскликнул Робер Дарзак. — Так, значит, это правда.

— А, господин Дарзак, теперь вы, кажется, больше не считаете меня сумасшедшим?

— Бальмейер! Бальмейер! — в зале ничего другого не было слышно, кроме этого имени.

Председательствующий прервал заседание.

Можете себе представить, насколько шумным был этот перерыв! Публике было о чем поговорить.

Еще бы, Бальмейер! Это имя было известно каждому. Правда, сравнительно недавно прошел слух о его смерти. Но теперь, значит, он спасся от гибели, как всю свою жизнь спасался от полицейских.

Надо ли перечислять похождения Бальмейера, которым в течение двадцати лет были посвящены все газеты. И если некоторые мои читатели

забыли дело Желтой комнаты, то уж имя Бальмейера они, конечно, сохранили в своей памяти.

Это был отъявленный мошенник и великосветский аферист, обладавший удивительной ловкостью рук. Принятый в высшем свете, член наиболее избранных клубов, он был вдобавок еще и первоклассным шулером, который в затруднительных случаях, не колеблясь, орудовал ножом. Смелый и страшный «апаш», он никогда не знал сомнений и брался за самые рискованные и темные дела.

Однажды он все-таки был арестован, но успел сбежать перед самым судом, засыпав перцем глаза полицейских, которые везли его из тюрьмы во Дворец правосудия. Позднее стало известно, что в день своего бегства, когда его тщетно разыскивали лучшие сыщики парижской полиции, Бальмейер спокойно отправился на премьеру в «Комеди Франсез».

Затем он покинул Францию и уехал промышлять в Америку, где в один прекрасный день был задержан полицией штата Огайо, но снова бежал. О Бальмейере можно было бы написать целые тома удивительных историй.

И вот такой человек становится Фредериком Ларсаном.

— Но как же так, — возмущались присутствовавшие, — если юный журналист разоблачил Бальмейера, то почему, зная прошлое этого отъявленного негодяя, он позволил ему бежать?

В этот момент я восхищался Рультабилем, прекрасно понимая, какую услугу он оказал Роберу Дарзаку и мадемуазель Станжерсон, освобождая их от бандита, который теперь уже не сможет ничего рассказать.

Публика еще не пришла в себя от сделанного открытия, а в зале уже начали раздаваться голоса:

— Фредерик Ларсан, может быть, и убийца, но это не объясняет, как он выбрался из Желтой комнаты.

Заседание было продолжено, и допрос возобновился.

— Вы нас только что убеждали, — обратился к нему председательствующий, — что бежать из закрытого со всех сторон угла во дворе было невозможно. И я с вами согласен. Я допускаю также, что выглянувшего из окна Ларсана можно отнести к тем, кто в этом углу находился. Но ведь чтобы выглянуть из окна на втором этаже, ему надо было сначала туда добраться. Как он мог это сделать?

— Я сказал, — возразил Рультабиль, — что

бежать нельзя было обычным способом. И он отыскал необычный. В отличие от Желтой комнаты, которая была закрыта со всех сторон, тупик во дворе давал все-таки возможность забраться по стене на плоскую крышу террасы и затем, пока мы все в немом оцепенении склонились над телом сторожа, перебраться в галерею через выходившее на террасу окно. Несколько шагов, и Ларсан был уже в своей комнате, а открыть окно и окликнуть нас было делом нескольких секунд — детские игрушки для такого акробата, как Бальмейер. А вот и доказательство, что все это не плод моей фантазии.

С этими словами Рультабиль извлек из кармана небольшой сверток и, развернув его, показал судье металлический стержень.

— Подготавливая отступление из своей комнаты на случай внезапного бегства, Ларсан вбил этот стержень в стену под террасой. Он идеально подходит к отверстию в кирпичной кладке, где я его и обнаружил.

Оказавшись загнанным в угол, Ларсан поставил одну ногу на тумбу, а другую на этот стержень и, ухватившись рукой за карниз над дверью комнаты сторожа, буквально исчез в воздухе. Тем более, что он очень ловок и вовсе не собирался

этим вечером засыпать от снотворного, как он пытался нас уверить.

За десертом после обеда он разыграл великолепную сцену, изобразив внезапно и крепко уснувшего человека, что, естественно, отводило от него всякие подозрения. Если после совместного обеда и Ларсан, и я подверглись одной и той же участи, значит, он ни при чем.

А между тем Ларсан прекрасно использовал предоставившуюся ему возможность и надежно усыпил меня. Только мое жалкое состояние позволило ему пробраться в комнату мадемуазель Станжерсон. Какое несчастье можно было предотвратить!

В зале раздались приглушенные рыдания Робера Дарзака, нервы которого не выдержали этого воспоминания.

— Вы понимаете, — добавил Рультабиль, — что, находясь в соседней комнате, я сильно стеснял Ларсана, так как он знал или по крайней мере догадывался, что этой ночью мне будет не до сна. Конечно, он не предполагал, что я его подозреваю, но я мог заметить, как он выходит из своей комнаты, направляясь к мадемуазель Станжерсон. Чтобы проникнуть к своей жертве, он выбрал тот момент, когда я крепко заснул, а мой

друг Сэнклер, выбиваясь из сил, пытался меня разбудить. Через десять минут раздался ужасный, незабываемый крик мадемуазель Станжерсон.

— Почему вы начали подозревать именно Ларсана? — спросил председательствующий.

— Это результат моих рассуждений, господин председатель. Я уже несколько дней наблюдал за ним, но трюка со снотворным все-таки не предвидел. Да, все мои рассуждения указывали именно на него, однако следовало увидеть лицо преступника своими глазами, после того как я определил своим разумом.

На следующий день после происшествия в Необъяснимой галерее я находился в положении человека, который не знает, как ему воспользоваться плодами своих размышлений. Склонившись к земле и вглядываясь в видимые, но, увы, ложные следы, я долго раздумывал над тем, что же мне теперь делать. Наконец выпрямился и отправился за ответом в галерею.

Ясно отдавая себе отчет, что убийца, которого мы преследовали, не мог скрыться из галереи ни естественным, ни сверхъестественным образом, я мысленно очертил круг, содержащий всех присутствовавших, и сказал себе следующие слова: «Поскольку убийца не может быть вне этого кру-

га, значит, он находится внутри него».

Кроме преступника в этом круге обязательно должны были присутствовать: дядюшка Жак, господин Станжерсон, Фредерик Ларсан и я. Итого пять человек. Но глядя в круг, или, если вы предпочитаете, в галерею, там можно найти только четырех. При этом убежать или выйти из этого круга пятый не мог, значит, кто-то из четырех является одновременно и пятым, то есть является убийцей.

Почему я этого не заметил сразу? Потому что самого чуда раздвоения я не видел. С кем из четырех человек, находившихся в галерее, преступник мог совместиться, так что я этого не заметил? Конечно, не с теми, кого я видел в этот момент. А я все время видел господина Станжерсона и убийцу, дядюшку Жака и убийцу, себя и убийцу. Значит, это не мог быть ни господин Станжерсон, ни дядюшка Жак, ни я.

Но видел ли я одновременно Фредерика Ларсана и убийцу? Нет! Прошло несколько секунд после того, как я потерял преступника из виду у перекрестка двух галерей. Ларсану этого оказалось достаточным, чтобы завернуть за угол, сорвать фальшивую бороду и столкнуться с нами, якобы преследуя убийцу.

Перевоплощение было любимым фокусом Бальмейера. Он мог явиться перед мадемуазель Станжерсон с рыжей бородой, а затем, приклеив каштановую бородку, делавшую его похожим на Робера Дарзака, показаться в таком виде почтовому служащему. Он поклялся погубить Дарзака, и для этого были хороши все средства.

Таким образом я мысленно сблизил оба эти лица или, вернее, два воплощения одного и того же человека.

Это открытие потрясло меня. Пытаясь прийти в себя, я занялся внешними обстоятельствами, которые раньше сбивали меня с толку, и попытался согласовать их с моими выводами.

Каковы были внешние обстоятельства, противоречившие заключению, что преступником является именно Ларсан.

1. Я видел незнакомца у мадемуазель Станжерсон. Прибежав в комнату сыщика, я застал его там с заспанным лицом.

2. Лестница.

3. Я оставил Фредерика Ларсана в конце поворотной галереи, сообщив, что проникну в комнату мадемуазель Станжерсон и попытаюсь захватить незнакомца. И что же! Вернувшись туда, я застаю преступника на прежнем месте.

Первое внешнее обстоятельство меня не смущало. Возможно, что пока я спускался с лестницы и возвращался в замок, этот человек, закончив свои дела, вернулся к себе в комнату и быстро разделся. Постучавшись к нему, я увидел заспанное лицо Фредерика Ларсана.

Второе обстоятельство также отпадало. Ясно, что если преступником был Ларсан, то ему не требовалась лестница, чтобы попасть в замок, ведь он находился в комнате рядом со мной. Но эта лестница должна была убедить всех, что убийца пришел именно снаружи — необходимое звено в замысле Ларсана, так как этой ночью Робера Дарзака в замке не было.

Наконец, эта лестница при необходимости могла облегчить бегство и самому Ларсану. Но вот третье внешнее обстоятельство оставалось непонятным. Оставив Ларсана в конце поворотной галереи, я бросился в левое крыло замка за господином Станжерсоном и дядюшкой Жаком, а он использовал этот момент, чтобы отправиться обратно в комнату мадемуазель Станжерсон. Зачем? Это было рискованно.

Не успев вернуться на свой пост, он мог оказаться под подозрением. Значит, у него была для этого какая-то веская причина, причем возник-

шая внезапно, иначе, иначе он не одолжил бы мне свой револьвер.

Посылая дядюшку Жака в конец прямой галереи, я, естественно, полагал, что Ларсан находится в конце поворотной. Озабоченный точным выполнением моего приказа и не знающий подробностей дядюшка Жак, минуя перекресток двух галерей, не посмотрел, находится ли Ларсан на своем посту.

Что же заставило преступника вторично отправиться в комнату мадемуазель Станжерсон? Вероятно, оставался какой-то явный след, выдававший его присутствие там. Он забыл в комнате что-то очень важное. Что же? Нашел ли он эту вещь?

Я вспомнил о свече на полу, о пригнувшемся человеке и попросил убиравшую комнату госпожу Бернье поискать хорошенько. И она нашла вот это пенсне, господин председатель!

Рультабиль достал из жилетного кармана уже известное нам пенсне и поднял его над головой.

— Я был весьма смущен, так как никакого пенсне у Ларсана никогда не видел. Если он им не пользовался, значит, он в нем не нуждался. И уж подавно оно было ему не нужно в тот момент, когда свобода действий имеет перво-

степенное значение. Что означало это пенсне? Оно не соответствовало созданному мною образу преступника.

«Если только это не пенсне дальнозоркого!» — внезапно осенило меня. Я ни разу не видел, чтобы он читал или писал при мне. Может быть, он был дальнозорким? Но в таком случае это знали бы в сыскной полиции, знали бы, без сомнения, и его пенсне. Еще бы, сколько шуток должно было породить у сослуживцев «пенсне дальнозоркого Ларсана»!

Найденное в комнате мадемуазель Станжерсон после приключений в Необъяснимой галерее, оно становилось для него угрожающим.

И в самом деле, Ларсан-Бальмейер дальнозорок, и его собственное пенсне, вероятно, узнают в сыскной полиции.

— Вот, господин председатель, — продолжал Рультабиль, — в чем заключается моя система. Я не требую истины от внешних признаков, я только прошу их не противиться моему здравому смыслу.

Подобный удивительный результат нуждался в тщательной проверке. Желая окончательно убедиться, что убийца именно Ларсан, я решил увидеть его лицо и поплатился за это самым

жестоким образом — мадемуазель Станжерсон была ранена вновь.

Здравый смысл отомстил мне за то, что после Необъяснимой галереи я попытался искать дополнительные доказательства виновности Ларсана.

Рультабиль замолчал, волнение мешало ему говорить.

— Но что же нужно было Ларсану от мадемуазель Станжерсон? Почему он дважды пытался ее убить?

— Потому что он обожал ее, господин председатель.

— Вот уж, действительно, повод…

— Да, и весьма существенный. Он был безумно влюблен и по этой причине, а также по некоторым другим, мог совершить любое преступление.

— Мадемуазель Станжерсон знала об этом?

— Да, господин председатель. Но, конечно, ей и в голову не могло прийти, что преследующий ее человек — это Фредерик Ларсан. Иначе он не поселился бы в замке и в ночь Необъяснимой галереи не зашел бы с нами в комнату своей жертвы после происшествия. Я заметил, что он все время держался в тени и стоял с опущенной

головой. Он искал глазами потерянное пенсне!

Мадемуазель Станжерсон вынуждена была сносить преследования и нападки Ларсана, выступавшего под другим именем, которого мы не знаем.

— А вы, господин Дарзак, — спросил председательствующий, — быть может, мадемуазель Станжерсон открыла вам эту тайну? Неужели она никому ничего не говорила? Это помогло бы правосудию обезвредить преступника, а вам — избежать того незаслуженного ареста.

— Мадемуазель Станжерсон мне ничего не говорила, — ответил Робер Дарзак.

— Вам кажется возможным то, что утверждает этот молодой человек?

— Мадемуазель Станжерсон мне ничего не говорила, — невозмутимо повторил Робер Дарзак.

— А как вы объясняете, — продолжал председательствующий, обращаясь к Рультабилю, — тот факт, что преступник вернул господину Станжерсону украденные бумаги? И как вообще он мог проникнуть в запертые комнаты мадемуазель Станжерсон?

— О, на этот вопрос, я полагаю, ответить легче легкого. Человек, подобный Ларсану-Бальмейеру, легко мог раздобыть или изготовить

необходимые ключи или отмычки. Что касается документов, то, по-моему, Ларсан сперва не думал о краже. Твердо решив помешать замужеству мадемуазель Станжерсон, он повсюду преследует ее и Робера Дарзака. Однажды в универсальном магазине «Лувр» ему попадает в руки сумочка мадемуазель Станжерсон, потерянная ею или просто украденная. В сумочке хранится ключ с медной головкой, значение которого он узнает из объявления, помещенного мадемуазель Станжерсон в газетах.

Он пишет ей до востребования, как это и было указано в объявлении. Без сомнения, умоляет о свидании, сообщая, что сумочка и ключ находится у человека, который обожает ее. Ответа нет.

В сороковом почтовом отделении, куда он отправился, загримировавшись и одевшись под господина Дарзака, Ларсан убеждается, что его письмо забрали. Решившись добиться мадемуазель Станжерсон, он делает все, чтобы любимый ею Робер Дарзак, что бы ни произошло, был признан виновным.

Я говорю «что бы ни произошло», но полагаю, что Ларсан не помышлял об убийстве. Во всяком случае, он удачно использовал некоторое внешнее сходство с женихом своей жертвы и всячески

пытался его скомпрометировать. У Ларсана примерно тот же рост и размер обуви. Ему, конечно, не трудно было срисовать отпечаток ноги господина Дарзака и заказать по этому рисунку обувь.

Итак, ответа на его письмо нет, свидания он не получит. Но маленький драгоценный ключ у него в кармане. Если мадемуазель Станжерсон не идет к нему, он отправится к ней!

Разузнав необходимые подробности о павильоне, он проникает туда через окно вестибюля, дождавшись, когда отец и дочь вышли на прогулку, а дядюшка Жак отправился в замок.

Он один, время есть. Разглядывая мебель, он замечает, что какой-то шкаф, весьма напоминающий сейф, имеет очень маленький замок. Маленький медный ключ при нем, он попытался вставить его в замок и повернуть. Дверцы открылись, и Ларсан увидел полки с бумагами. Эти документы должны быть очень ценными, если их спрятали в подобный шкаф и так дорожат ключом, его отпирающим.

Это может пригодиться для небольшого шантажа и помочь осуществлению любовных планов. Он быстро связал эти бумаги и спрятал пакет в глубине туалета у вестибюля.

За время, прошедшее между кражей и ночью

последнего страшного преступления, Ларсан познакомился с этими бумагами. Что с ними делать? Пожалуй, подобные документы могут только навлечь на их владельца ненужные подозрения.

Этой ночью он вернул их мадемуазель Станжерсон, рассчитывая, вероятно, на благодарность владелицы. Все-таки эти бумаги — результат их совместной двадцатилетней работы с отцом.

Так или иначе, но он принес документы и избавился от них.

Рультабиль вновь закашлялся, вероятно, пытаясь таким образом скрыть смущение в тех местах своего рассказа, где он не желал сообщать истинные мотивы поведения Ларсана по отношению к мадемуазель Станжерсон.

Его объяснение было явно недостаточным, чтобы удовлетворить присяжных, и председательствующий несомненно отметил бы это, но хитрый, как обезьяна, Рультабиль воскликнул:

— Ну, а теперь мы вплотную подошли к объяснению тайны Желтой комнаты!

В зале раздался шум, движение стульев, легкая толкотня. Любопытство присутствующих достигло предела.

— Мне кажется, — заметил председательству-

ющий, — что, согласно вашей гипотезе, тайна Желтой комнаты уже объяснена. Это сделал сам Фредерик Ларсан, поместив господина Дарзака на свое место. Дверь Желтой комнаты открылась, когда господин Станжерсон был один, и профессор, чтобы избежать скандала, пропустил по просьбе своей дочери человека, вышедшего из ее комнаты.

— Нет, — запротестовал Рультабиль, — вы забываете, что мадемуазель Станжерсон была оглушена, ничего не могла просить и уж тем более не могла закрыть за собой ни замка, ни задвижки. Вы забываете также, что профессор Станжерсон поклялся головой своей умирающей дочери, что дверь перед ним не открывалась!

— Но это единственная возможность объяснить происшедшие события. Желтая комната была закрыта, как несгораемый шкаф. Повторяя ваши слова, убийца не мог бежать ни естественным, ни сверхъестественным способом. Когда же свидетели проникли в комнату, его там не нашли. Следовательно, он сбежал.

— Он не убегал, господин председатель.

— Но почему?

— Преступнику не было никакой нужды бежать, потому что его там в этот момент и не

было!

Шум и удивленные голоса в зале.

— Что вы такое говорите!

— Конечно, не было. Поскольку его там не могло быть, значит, его там и не было. При оценке событий всегда следует опираться на здравый смысл, а не на внешние признаки.

— Но он же оставил столько следов, — запротестовал председательствующий.

— Это неверное рассуждение, господин председатель. Что подсказывает нам здравый смысл? После того, как мадемуазель Станжерсон заперлась в своей комнате, и до того момента, когда дверь была взломана, преступник бежать не мог. И так как там его не нашли, значит, убийцы в комнате не было.

— Но улики!

— Ах, господин председатель, это лишь видимые следы, из-за которых совершалось и совершается столько юридических ошибок. Не следует использовать эти улики для рассуждений, давайте сперва думать, а уж потом проверять, соответствуют ли они результатам наших размышлений.

Преступника не было в Желтой комнате, когда господин Станжерсон и слуга взломали дверь. А

почему все решили, что он там был? Из-за этих самых ваших улик. Но ведь он мог оставить эти улики и раньше. Здравый смысл подсказывает, что он должен был побывать там раньше.

Давайте рассмотрим эти следы вместе с тем, что мы знаем об этом деле, и проверим, противоречат ли они пребыванию преступника в комнате до того, как мадемуазель Станжерсон заперлась у себя в присутствии своего отца и дядюшки Жака.

После статьи в «Матэн» и после моего разговора в поезде с судебным следователем я полагал доказанным, что Желтая комната была абсолютно закрыта и, следовательно, преступник исчез оттуда раньше, чем мадемуазель Станжерсон ушла к себе около полуночи.

Все обнаруженные внешние признаки находились в противоречии с этим моим выводом. Разумеется, мадемуазель Станжерсон не могла покушаться сама на себя, о самоубийстве не могло быть и речи. Но если преступник исчез раньше, то каким образом его жертва могла быть ранена позже? Следует разделить все дело на две фазы, между которыми прошло несколько часов: первая фаза, когда действительно было покушение на мадемуазель Станжерсон, которое она скрыла, и вторая фаза, когда в результате охватившего ее

ночного кошмара все находившиеся в лаборатории решили, что ее убивают.

Какие ранения имелись у мадемуазель Станжерсон? Следы удушения и рана на виске. Пятна на шее могли быть, конечно, нанесены и раньше, а мадемуазель Станжерсон прикрыла их воротничком или шейным платком. Разделив все происшедшее на две фазы, я пришел к выводу, что несчастная жертва скрыла всю первую его половину. Она имела на это серьезные причины, так как ничего не сказала отцу, а судебному следователю на допросе представила дело так, как если бы все произошло ночью. Она вынуждена была это сделать, иначе отец непременно потребовал бы объяснения причин, заставивших ее скрыть столь страшное преступление.

Следы удушения можно было, конечно, легко скрыть, но сильнейший удар в висок не спрячешь. Это меня очень смущало. Особенно после того, как стало известно, что в комнате обнаружили кастет — орудие преступления. Она не могла скрыть своей раны, но удар-то должен был произойти в первой фазе, так как он требовал присутствия убийцы. Сперва я подумал, что рана на самом деле меньше, чем говорили, но затем решил, что мадемуазель Станжерсон просто при-

крыла ее, зачесав волосы на лоб.

Что касается отпечатка на стене руки человека, раненного мадемуазель Станжерсон из револьвера, то он должен был появиться в первой фазе, то есть когда преступник находился еще в комнате. Все видимые следы были, конечно, оставлены в первой фазе. Кастет, черные следы шагов, берет, платок, кровь на стене, на дверях и на полу. Если эти следы в комнате уже были, значит, мадемуазель Станжерсон, не желавшая ничего открывать, просто еще не успела их уничтожить. Это заставило меня расположить первую и вторую фазы по времени очень близко друг к другу.

Если бы после бегства преступника у нее было время, то, по крайней мере, кастет, берет и платок она убрала бы сразу. Но следовало немедленно возвращаться в лабораторию, чтобы отец застал ее уже за работой. А в дальнейшем она и не пыталась этого сделать, так как профессор все время находился рядом.

Таким образом, после этой первой фазы она оказалась в своей комнате только в полночь.

В десять часов дядюшка Жак, выполняя свои обычные обязанности, закрыл в Желтой комнате ставни и зажег ночник. Взволнованная и испуганная, мадемуазель Станжерсон, вероятно,

просто забыла, что он должен будет это сделать. Она попросила старика не беспокоиться нынче вечером. Что-то подобное упоминается в репортаже «Матэн». Однако он все-таки пошел, но ничего не заметил — в комнате-то было темно! Мадемуазель Станжерсон должна была пережить ужасные минуты. При этом она, вероятно, не предполагала, что преступник оставил повсюду такое множество следов нападения. Времени едва хватило только на то, чтобы прикрыть темные следы пальцев на шее. Если бы она знала, что на полу осталось столько улик, то, безусловно, убрала бы их в полночь, вернувшись в комнату.

Не подозревая этого, она разделась при свете светильника и легла, измученная своими переживаниями и тем ужасом, который заставил ее вернуться в спальню как можно позже.

Затем, обдумывая ту часть этой драмы, когда мадемуазель Станжерсон находилась в комнате уже одна, я вновь должен был объяснить себе те внешние признаки, которые известны вам всем — выстрелы и призывы помощи.

Прежде всего о криках. Если убийцы в комнате не было, значит, ее мучил кошмар воспоминаний.

Шум переворачиваемой мебели. С волнением

я представляю себе, как мадемуазель Станжерсон, неотступно преследуемая воспоминанием о сцене, разыгравшейся днем, видит сон, повторяющий ужас всего пережитого. Она вновь видит бросающегося на нее убийцу, кричит: «На помощь!» — и бессознательно ищет рукой револьвер, оставленный на ночном столике. Но дрогнувшая рука толкнула этот столик слишком сильно, и он опрокинулся. Упавший на пол револьвер выстрелил, и пуля попала в потолок. Этот след с самого начала казался мне случайным и так хорошо соответствовал гипотезе о кошмаре, что я почти перестал сомневаться в том, когда произошло нападение. Все совершилось еще днем, но мадемуазель Станжерсон, обладая сильным характером, скрыла это от всех.

Итак, ужасный сон, крики «На помощь!», револьверный выстрел. В ужасе мадемуазель Станжерсон проснулась, попробовала встать и без сил рухнула на пол, опрокидывая мебель и теряя сознание.

Однако все время речь шла о двух выстрелах. По моим соображениям, их также должно было быть два, но по одному в каждой фазе, а не два в последней. Один выстрел «до», ранивший преступника, и второй выстрел «после», во время

кошмара.

Откуда известно, что ночью их было именно два? Выстрелы прозвучали вперемешку с грохотом опрокидываемой мебели. На допросе господин Станжерсон говорил, что сперва раздался глухой выстрел, затем — оглушительный. Не был ли глухой звук результатом падения на пол мраморного ночного столика?

Я решил, что так оно и было, когда узнал, что привратники, Бернье и его жена, находившиеся вблизи от павильона, слышали только один выстрел. Они заявили об этом судебному следователю.

Таким образом я воссоединил обе части этой драмы, перед тем как оказаться в Желтой комнате. Но тяжелая рана в висок не укладывалась в круг моих размышлений. Преступник не мог нанести ее кастетом днем. Рана была настолько серьезна, что мадемуазель Станжерсон не скрыла бы ее под прической. Она и не пыталась этого сделать, волосы были, как всегда, собраны в высокий узел, оставляющий лоб целиком открытым. Подобная серьезная рана могла появиться только ночью, в момент кошмара. Я начал искать ответ в Желтой комнате и нашел его!

Из своего неистощимого кармана Рультабиль

вытащил сложенный вчетверо лист белой бумаги и извлек из него нечто невидимое. Осторожно придерживая свою драгоценность двумя пальцами, он поднес ее к столу председательствующего.

— Этот залитый кровью волос, господин председатель, принадлежит мадемуазель Станжерсон. Я нашел его прилипшим к одному из углов мраморной доски ночного столика, опрокинувшегося ночью. Сам угол также окрашен кровью. Всего одно небольшое круглое пятнышко. Но какое важное! Я понял, что, приподнявшись на кровати, мадемуазель Станжерсон всем телом упала на угол мраморной доски и ударилась виском. Выбившийся из прически волос остался немым свидетелем этого происшествия.

Врачи решили, что рана мадемуазель Станжерсон была нанесена каким-то тупым предметом, и так как в комнате находился кастет, то судебный следователь тут же признал его орудием покушения.

Но угол мраморной доски ночного столика также достаточно тупой предмет, о котором не подумали ни врачи, ни судебный следователь. Да я и сам ничего бы не нашел, но здравый смысл подсказал мне направление поисков.

В зале раздались аплодисменты, однако Руль-

табиль продолжил свой рассказ, и тишина воцарилась вновь.

— Помимо имени убийцы, которое я узнал через несколько дней, надо было еще установить, когда же на самом деле произошла первая фаза этого несчастья.

Показания мадемуазель Станжерсон, хотя она и постаралась запутать судебного следователя и своего отца, давали ясный ответ. Она подробно описала, как провела день, и было точно установлено, что убийца проник в павильон между пятью и шестью часами вечера, а в четверть седьмого профессор и его дочь уже приступили к работе. Значит, нападение на мадемуазель Станжерсон произошло между пятью и четвертью седьмого. Впрочем, нет, в пять часов профессор был еще вместе с дочерью, а драма могла произойти только в его отсутствие.

Значит, в этом небольшом промежутке времени следует отыскать еще более короткий момент, когда они расставались. На допросе в комнате мадемуазель Станжерсон в присутствии профессора было сказано, что они возвращались с прогулки в лабораторию около шести часов вечера. Господин Станжерсон припомнил и сторожа, обратившегося к нему по поводу рубки леса или

чего-то подобного, а мадемуазель Станжерсон одна ушла в это время в лабораторию. Затем профессор добавил: «Я оставил сторожа и присоединился к дочери, которая уже работала».

В эти короткие минуты все и произошло.

Вернувшись в павильон, мадемуазель Станжерсон зашла в комнату, чтобы снять шляпу, и лицом к лицу встретилась с бандитом, который ее преследовал. Негодяй уже подготовил все, чтобы нападение произошло ночью: он снял огромные, стеснявшие его башмаки дядюшки Жака, припрятал в туалете документы и устроился под кроватью, когда старик вернулся мыть полы в вестибюле и лаборатории. Однако время тянется для него слишком медленно. После ухода дядюшки Жака он вновь прошелся по лаборатории, вернулся в вестибюль и, посмотрев в окно, увидел, что та, которую он с нетерпением ожидает, одна идет к павильону. Мгновенно созревает решение напасть на нее немедленно, так как была уверенность в отсутствии ее отца и дядюшки Жака. Разговор между господином Станжерсоном и сторожем должен был происходить у поворота дорожки, закрытого от убийцы маленькой рощицей.

Конечно, ему было безопаснее объясниться

наедине с мадемуазель Станжерсон сейчас и не дожидаться ночи, когда дядюшка Жак, спавший на свое чердаке, мог что-нибудь услышать. На всякий случай он прикрыл окно вестибюля, поэтому чуть позже ни профессор, ни сторож, находившиеся довольно далеко от павильона, не слышали револьверного выстрела.

Затем он вернулся в Желтую комнату, и все произошло с быстротой молнии. Несчастная, должно быть, вскрикнула или, вернее, хотела закричать от ужаса, однако пальцы Ларсана сдавили ей шею. Еще мгновение, и он задушил бы ее, но мадемуазель Станжерсон дрожащей рукой нащупала в ящике ночного столика револьвер, который она там спрятала, опасаясь угроз этого человека.

Убийца уже занес над ее головой кастет, но выстрел прозвучал на долю секунды раньше, и, раненный в руку, он выронил свое оружие, которое оказалось запятнанным кровью из раны.

Пошатнувшись, он попытался опереться о стену и оставил на светлых обоях отпечатки своих окровавленных пальцев. Опасаясь второго выстрела, негодяй бросился бежать. Мадемуазель Станжерсон видела его пересекающим лабораторию и слышала, как, немного помешкав,

преступник тяжело выпрыгнул из окна. Наконец-то! Она выбежала в вестибюль и закрыла это окно.

Но видел ли что-нибудь ее отец или, быть может, слышал? Теперь, когда опасность миновала, все ее мысли устремились к отцу. Обладая удивительной силой воли, она решает скрыть от него все. И вернувшийся господин Станжерсон видит дверь Желтой комнаты закрытой, а свою дочь — уже склонившейся к столу за работой.

Рультабиль повернулся к скамье подсудимых:

— Вы знали правду, господин Дарзак, скажите же нам, верно ли я описал то, что происходило.

— Мне нечего сказать, — ответил Робер Дарзак.

— Вы действительно мужественный человек, — покачал головой Рультабиль, — но если бы состояние мадемуазель Станжерсон позволило ей узнать, в чем вы обвиняетесь, она, освободив вас от обета молчания, умоляла бы рассказать суду, все, что вам было доверено. Она сама явилась бы вас защищать.

Роберт Дарзак не пошевелился и не произнес ни единого слова. Он с грустью смотрел на Рультабиля.

— Но если мадемуазель Станжерсон отсутствует, — продолжал молодой журналист, — то я ведь

здесь! Поверьте господин Дарзак, что лучший способ спасти вашу невесту и вернуть ей разум — это оказаться оправданным.

Буря аплодисментов покрыла последнюю фразу, а председательствующий уже даже и не пытался успокоить зал. Робер Дарзак был спасен. Достаточно было только взглянуть на присяжных заседателей, чтобы понять, какое решение они примут.

— Но какая тайна могла заставить мадемуазель Станжерсон скрывать подобное преступление от собственного отца? — спросил господин де Року, когда публика немного успокоилась.

— Этого, господин председатель, я не знаю, и это меня не касается.

Председательствующий сделал еще одну попытку, обратившись к Роберу Дарзаку:

— Вы по-прежнему отказываетесь сообщить, где находились в то время, когда на мадемуазель Станжерсон было совершено покушение?

Робер Дарзак красноречиво покачал головой.

Председательствующий вновь обратил вопрошающий взгляд на Рультабиля.

— Отлучки господина Дарзака были непосредственно связаны с секретом его невесты. Поэтому он считает необходимым хранить молчание.

Представьте себе, что Ларсан, стараясь навлечь подозрение на своего соперника, трижды назначал ему свидание в таких местах, которые могли бы компрометировать господина Дарзака. Конечно, теперь Дарзак скорее позволит себя осудить, чем выдаст что-либо, касающееся мадемуазель Станжерсон. Ларсан это знал и поэтому выкинул такой номер.

Председательствующий поколебался, но любопытство все-таки победило.

— Что же это все-таки может быть за тайна? — снова спросил он.

— Я не могу этого сказать, но думаю, что теперь вам известно уже достаточно для оправдания господина Дарзака, даже если Фредерик Ларсан и не вернется. А я уверен, что он не вернется.

И Рультабиль с облегчением вздохнул. Казалось, весь зал облегченно вздохнул вместе с ним.

— Еще один вопрос, — сказал председательствующий. — Теперь уже ясно, что Ларсан старался бросить тень на обвиняемого, но какую цель он преследовал, навлекая подозрения и на дядюшку Жака?

— Он повышал свой авторитет полицейского, господин председатель, распутывая улики, которые сам же и создавал. Этим трюком Ларсан

часто пользовался, чтобы отвести подозрения, которые могли обратиться против него самого. Он доказывал невиновность одного, перед тем как обвинить другого.

Это дело Ларсан подготавливал постепенно. Он даже приходил к господину Станжерсону как представитель лаборатории сыскной полиции по поводу выполнения некоторых опытов и таким образом уже дважды побывал в павильоне до преступления. И, улучив момент, стянул пару поношенных башмаков и старый берет, которые дядюшка Жак связал в узел, чтобы отнести одному из своих друзей-угольщиков. Оба раза Ларсан был загримирован настолько удачно, что старик впоследствии не узнал его.

Когда преступление было обнаружено, дядюшка Жак побоялся немедленно признать свои вещи, так как они возбуждали естественные подозрения. Этим-то и объясняется смущение бедняги, когда мы с ним заговорили на эту тему.

Все ясно как день, и я заставил Ларсана признаться мне в этом. Что он и сделал с превеликим удовольствием, так как был не только отъявленным негодяем, но еще и артистом своего дела. Это его манера работать. Также он поступал и при ограблении «Всеобщего кредитного общества», и

при похищении золотых слитков. Эти дела следует пересмотреть, господин председатель, так как с тех пор, как Ларсан-Бальмейер начал работать в сыскной полиции, в тюрьмах оказалось множество невиновных людей.

XXVIII. *ГЛАВА, в которой доказывается, что всего не предусмотришь*

Большое волнение, шум, крики «браво». Мэтр Анри-Робер выступил с предложением отложить рассмотрение дела до следующей сессии для получения дополнительных данных. Прокурор присоединился к этому предложению, и дело было отложено. На следующий день Робер Дарзак был освобожден условно до следующего заседания суда. Счастливо избежав ужасного обвинения, которое ему угрожало, он выражал надежду, что мадемуазель Станжерсон постепенно поправится. Папашу Матье освободили из-под стражи немедленно. Тщетно искали Фредерика Ларсана.

Что касается Рультабиля, то он стал всеобщим кумиром. Публика с триумфом вынесла его из Версальского дворца на руках. Крупнейшие газеты мира описывали его подвиги и помещали его фотографии. И он, который интервьюировал столько знаменитостей, сам стал знаменитым, и репортеры наперебой старались поговорить с

ним. Должен признать, что это не заставило его задрать нос.

Мы вместе уезжали из Версаля, весело отметив в ресторане его возвращение из Америки. В поезде я закидал его вопросами, которые не задавал во время обеда, зная, что Рультабиль любит поесть спокойно.

— Мой дорогой, — сказал я ему, — дело Ларсана исключительно и достойно вашего героического ума.

Однако Рультабиль жестом остановил меня и попросил выражаться попроще, заявив, что никогда не утешится, если такой прекрасный интеллект, как мой, рухнет в бездну глупости и только по причине моих неумеренных восторгов его недостойной личностью.

— Перехожу к делу, — сказал я, слегка задетый, — все происшедшее не объясняет мне, что вы делали в Америке. Если я правильно понял, то, уезжая в последний раз из Гландье, вы уже знали, что Ларсан убийца, и вам было ясно, каким образом он пытался совершить преступление.

— Вполне. А вы, — спросил он, меняя тему разговора, — разве вы ни о чем не догадывались?

— Ни в малейшей степени.

— Это невероятно.

— Но, дорогой друг, вы же скрывали от меня свои мысли, а я не умею читать их на расстоянии. Когда я объявился в Гландье с револьверами в карманах, вы уже его подозревали?

— Да, я сделал выводы после происшествия в Необъяснимой галерее, но возвращение Ларсана в комнату мадемуазель Станжерсон было мне еще непонятным. Если помните, пенсне дальнозоркого я увидел уже только при вас. Наконец, все эти подозрения были обоснованы, так сказать, только теоретически, и версия о Ларсане-убийце показалась мне настолько чудовищной, что я решил подождать более очевидных улик. Эта мысль все время меня преследовала, и по временам я разговаривал с вами о сыщике в таком тоне, что вы должны были насторожиться.

Во-первых, я не говорил, что он ошибается, а назвал всю систему его доказательств достойной презрения. Вам казалось, что это относится к полицейскому, я же имел в виду бандита. Вспомните, перечисляя все доказательства, скопившиеся против Робера Дарзака, я вам сказал: «Все это дает основания для гипотезы Великого Фреда, которая введет его в заблуждение». И я прибавил тогда удивившим вас тоном: «Но так ли уж заблуждается Фредерик Ларсан? Вот в чем

все дело!»

Это должно было заставить вас задуматься. Все мои подозрения вылились в этой фразе. Я хотел сказать, что он не столько заблуждается, сколько желает ввести в заблуждение нас.

Но вы ничего не поняли. И это было естественно, так как до находки пенсне я и сам считал гипотезу о виновности Ларсана абсурдной. Но пенсне наконец-то объяснило мне причину его возвращения в комнату мадемуазель Станжерсон. О! Вы помните мою радость, мой восторг. Я-то его хорошо помню. Я бегал, как сумасшедший, по комнате и кричал вам: «Я одолею Великого Фреда! Я его побью!» Эти слова относились к преступнику. И хоть Робер Дарзак просил меня не оставлять без внимания комнату мадемуазель Станжерсон, мы просидели, обедая вместе с Ларсаном и не принимая никаких мер предосторожности, до десяти часов вечера. Я был спокоен, ведь он находился напротив меня.

И в этот момент вы могли бы понять, что я опасаюсь только этого человека. Я вам говорил, когда мы обсуждали предстоящее появление убийцы: «О, я уверен, что Фредерик Ларсан будет здесь этой ночью».

Но есть одно существенное обстоятельство,

которое должно было полностью и сразу разоблачить убийцу, обстоятельство, выдававшее Ларсана с головой и которое мы упустили. И вы, и я.

Вы не забыли истории с тростью? Я был необычайно удивлен тем, что во время следствия Ларсан не использовал эту трость против Робера Дарзака. Трость, которая была куплена в самый вечер преступления человеком, по описанию удивительно похожим на Робера Дарзака. И сейчас, перед тем как он сел в поезд, чтобы исчезнуть навсегда, я попросил Ларсана объяснить, почему трость так и не была использована. Лжесвидетель сказал, что и не собирался применять ее в процессе расследования. Более того, мы поставили его в весьма затруднительное положение на вокзале в Эпиней, доказав, что он лжет.

Если помните, Ларсан объяснил, что получил эту трость в Лондоне, а надпись на ней доказывала, что ее купили в Париже.

Почему в этот момент, вместо того чтобы решить: «Фред лжет. Он был в Лондоне, но не мог там получить этой парижской трости», — почему мы не сказали себе: «Фред лжет. Он не был в Лондоне, так как купил эту трость в Париже, значит, он был во Франции в день преступления!»

Это могло послужить основным моментом для подозрения.

Посетив господина Кассета, вы сообщили мне, что трость была куплена человеком, похожим на Робера Дарзака, но Дарзак дал нам честное слово, что ничего подобного не покупал.

После происшествия в сороковом отделении мы знали также, что какой-то человек в Париже выдает себя за Робера Дарзака. Мы должны были спросить себя: «Кто этот человек, явившийся в вечер преступления к Кассету покупать трость, которая находится в руках у Ларсана?»

Как можно было не сказать себе сразу: «А что, если неизвестный, переодетый Дарзаком и купивший себе трость, которая находится в руках у Фреда, и есть сам Фред!»

Конечно, его служба в сыскной полиции не давала оснований для подобных предположений. Мы видели рвение, с которым сыщик собирал доказательства против Дарзака, ожесточение, с которым он преследовал несчастного. Но ложь по поводу трости, которую он не мог получить в Лондоне, должна была броситься в глаза.

Даже если он просто нашел ее в Париже, все равно — Ларсан солгал.

Почему же он не использовал эту трость против

Дарзака? А все очень просто. Это было настолько просто, что мы и подумать об этом не могли. Ларсан купил ее, будучи легко раненным пулей в руку из револьвера мадемуазель Станжерсон, исключительно для того, чтобы держать руку закрытой, чтобы не открывать ее и не показывать свою рану. Вы понимаете? Вот что поведал мне Ларсан.

Вспоминаю, как я неоднократно повторял вам, что меня удивляет его рука, не расстающаяся с этой тростью. За обедом, едва только он оставлял трость, как тут же брал в правую руку нож и уже не оставлял его.

Все эти подробности пришли мне на память, когда я начал его подозревать. Поэтому, когда Ларсан притворился спящим, я наклонился над ним и смог наконец заглянуть ему в руку так, что он ничего не заметил. Ладонь прикрывал маленький пластырь, скрывающий небольшую ранку. В этот момент он, вероятно, уже мог утверждать, что происхождение этой раны совершенно иное и выстрел из револьвера здесь ни при чем. Для меня же это явилось новым внешним доказательством, входящим в круг, начертанный моим здравым смыслом.

Перед отъездом Ларсан рассказал мне, что пуля

только слегка задела ладонь, но вызвала довольно сильное кровотечение.

— Однако, — перебил я его, — если Ларсан, покупая трость, не собирался ее использовать против Робера Дарзака, то почему вновь принял его облик? Прорезиненное пальто, котелок и прочее…

— Потому что он возвращался с места преступления, и, как только преступление было совершено, он вновь постарался принять облик ненавистного ему человека с намерениями, о которых вы уже знаете. Но раненую руку следовало как-то оградить от любопытных взоров, и ему пришла в голосу мысль купить себе трость, что он тотчас же и сделал. Было около восьми вечера. Человек, похожий на Робера Дарзака покупает трость, которую я нахожу в руках Ларсана! А я, разгадав, будучи уже почти убежденным в невиновности Дарзака, я не подозреваю Ларсана! Право же, есть моменты…

— Есть моменты, когда даже наиболее выдающиеся умы…

Рультабиль ладонью прикрыл мне рот. На другие вопросы он уже не отвечал, так как сладко уснул под стук колес, и я с трудом разбудил его, когда мы подъезжали к Парижу.

XXIX. *Тайна мадемуазель Станжерсон*

На следующий день у меня была возможность еще раз расспросить Рультабиля о том, что он делал в Америке. Сперва мой друг отшучивался и переводил разговор на другие темы, но, в конце концов, сдался.

— Поймите, — сказал он, — я должен был установить подлинную личность Ларсана!

— Конечно, — ответил я, — но почему вы отправились за этим в Америку?

Он закурил трубку и отвернулся. Вероятно, я коснулся того, что мадемуазель Станжерсон желала бы скрыть даже ценой собственной жизни. Рультабиль полагал, что тайна, связывающая столь ужасным образом дочь знаменитого профессора и профессионального бандита, относится к американскому периоду жизни Станжерсонов.

Ну что ж, он решил отправиться в Филадельфию, где, по крайней мере, узнает, кто такой Ларсан, и соберет необходимые материалы, чтобы принудить его замолчать.

И он сел на пароход.

Что же заставляло так упорно молчать мадемуазель Станжерсон и Робера Дарзака? Теперь, по прошествии нескольких лет, после стольких публикаций в прессе, когда господин Станжерсон уже все узнал и все простил — завесу можно и приоткрыть.

Начало этой истории относится к тем отдаленным годам, когда молодой девушкой она жила с отцом в Филадельфии. Однажды, на приеме у знакомых своего отца, она познакомилась с соотечественником, который очаровал ее своим поведением, умом, нежностью и любовью. Говорили, что он богат.

Этот человек попросил руки мадемуазель Станжерсон у знаменитого профессора. Последний навел справки о Жане Русселе и сразу понял, что имеет дело с проходимцем. Вы, наверное, уже догадались, что Жан Руссель это еще одно воплощение знаменитого Бальмейера, преследуемого во Франции и скрывшегося в Америке. Но господин Станжерсон не подозревал этого, также как и его дочь, узнавшая правду при следующих обстоятельствах.

Господин Станжерсон не только отказал Русселю в руке своей дочери, но и закрыл для него двери своего дома. Молодая Матильда, безумно

влюбленная, не видевшая в целом свете никого лучше и прекрасней своего Жана, была возмущена поведением отца, который послал ее успокоиться на берега Огайо, к старой тетке, живущей в Цинциннати. Жан отправился за ней и туда. Несмотря на уважение, которое она питала к отцу, мадемуазель Станжерсон решилась обмануть бдительность своей тетки и бежала со своим возлюбленным. Они использовали мягкость американских законов, обвенчались и уехали в Луисвилль.

Однажды утром к ним в двери постучала полиция, явившаяся арестовать Жана Русселя, что и было немедленно выполнено. Не помогли его возмущенные протесты и крики молодой жены. Тогда же полиция сообщила мадемуазель Станжерсон, что ее муж является известным преступником по имени Бальмейер.

В отчаянии после неудачной попытки самоубийства Матильда возвратилась в Цинциннати. При виде ее тетка чуть не умерла от радости, так как в течение шести дней разыскивала беглянку, не решаясь сообщить всю правду отцу.

Матильда заставила тетку поклясться, что ее отец никогда ничего не узнает, и через месяц вернулась к нему с сердцем, навсегда умершим

для любви. Она желала только одного: никогда больше не слышать о Бальмейере и искупить свою ошибку жизнью, полной работы и преданности своему отцу.

И она сдержала свое слово. Однако наступил момент, когда Матильда во всем призналась Роберу Дарзаку, так как прошел слух о смерти Бальмейера, и после многих страданий она испытала величайшее счастье, решившись соединить свою судьбу с верным другом. Но рок воскресил для нее Жана Русселя — Бальмейера ее молодости, который дал знать, что не допустит свадьбы с Робером Дарзаком и что он все еще ее любит. Увы, это была правда.

Мадемуазель Станжерсон, не колеблясь, доверилась Роберу Дарзаку. Она показала ему письмо, в котором бывший муж напоминал ей о первых днях их совместной жизни в том очаровательном доме, который они наняли в Луисвилле: *«Дом не потерял своего очарования, а сад — своего блеска».* Негодяй писал, что он богат, и выражал надежду увезти ее туда вновь.

Мадемуазель Станжерсон объявила Роберу Дарзаку, что, если отец узнает о ее позоре, она покончит жизнь самоубийством. Жених поклялся заставить замолчать этого человека, хотя бы

пришлось совершить для этого преступление.

Но господин Дарзак не обладал для этого достаточными возможностями и неминуемо бы погиб, не будь на свете Рультабиля.

Что же смогла противопоставить преступнику мадемуазель Станжерсон? В первый раз, когда после предварительных угроз он появился перед ней в Желтой комнате, она попыталась убить его. К сожалению, это ей не удалось.

С тех пор она сделалась жертвой невидимки, который, живя рядом, мог шантажировать ее и требовать все новых и новых свиданий «ради их взаимной любви».

Сперва она отказала ему в свидании, которого он потребовал в письме, адресованном на 40-е почтовое отделение, — результатом явилась драма в Желтой комнате.

Во второй раз, предупрежденная новым письмом, она избежала встречи, запершись в будуаре со своими сиделками. В этом письме бандит предупреждал, что, поскольку она не может выйти ввиду своего состояния, он придет к ней сам и будет в ее комнате в определенный день и час. Во избежание скандала она должна согласиться. Мадемуазель Станжерсон, зная, что Бальмейер способен на все, оставила свою комнату. Это был

вечер Необъяснимой галереи.

Ларсан написал ей последнее письмо и оставил его на столе. В этом письме он вновь требовал свидания, указывал день и час, обещал принести бумаги господина Станжерсона и угрожал сжечь их в случае ее отказа.

Матильда понимала, что бандит и в самом деле овладел этими драгоценными документами, ибо помнила кражу изобретений своего отца в Филадельфии. Она достаточно хорошо знала Ларсана и не сомневалась, что в случае отказа все результаты их работ, усилий и надежд будут превращены в пепел.

Она решилась еще раз встретиться с этим человеком, который был некогда ее мужем, и попытаться смягчить его. Можно только догадываться, что между ними произошло. Мольбы Матильды и грубость Ларсана. Он требовал, чтобы мадемуазель Станжерсон отказалась от своего жениха, а она заявляла о своей любви. В результате он пустил в ход нож, надеясь отправить на эшафот Робера Дарзака, ибо хитрость и маска следователя спасет его от подозрений, а соперник в очередной раз не сможет объяснить свое отсутствие.

Бальмейер принял все меры предосторожно-

сти, но их разгадал молодой Рультабиль.

Ларсан шантажировал Дарзака так же, как и Матильду. В письмах он сообщал о своей готовности приступить к переговорам, передать все любовные письма их молодости и, главное, исчезнуть, если получит за это соответствующий) мзду. Дарзак должен был приходить на свидания в определенное место под угрозой немедленного разоблачения тайны. И в тот час, когда Ларсан нанес свой страшный удар Матильде Станжерсон, Робер Дарзак сошел с поезда на вокзале в Эпиней, где сообщник бандита — довольно странный тип, с которым мы еще встретимся, — остановил его под каким-то предлогом. Будучи обвиненным, даже под угрозой смерти, Дарзак не сможет рассказать, где он находился в это время.

Да только Ларсан стоил свои планы без учета Жозефа Рультабиля!

Последуем за Рультабилем в Америку. В Филадельфии он узнал все, что касалось Артура Ранса. Он узнал о его геройском поступке и о вознаграждении, которое тот хотел за него получить. Слухи о женитьбе на мадемуазель Станжерсон одно время были широко распространены в городе. Недостаточная сдержанность американского ученого, непрестанное, утомлявшее ухаживание

за мадемуазель Станжерсон даже в Европе, беспорядочная жизнь, которую он вел под предлогом своего горя, — все это делало его несимпатичным Рультабилю. Этим и объясняется холодность моего друга с Артуром Рансом в комнате для свидетелей. Рультабиль сразу понял, что история Ранса не имела никакого отношения к делу Желтой комнаты.

Кто же был этот Жан Руссель на самом деле?

Рультабиль отправился из Филадельфии в Цинциннати, повторяя поездку Матильды. Там он встретил старую тетку и заставил ее разговориться. История ареста Бальмейера помогла раскрыть остальное. Он даже посетил в Луисвилле их дом — скромное и уютное здание в старом колониальном стиле, который и в самом деле не потерял своего очарования. Затем он отправился по следам Бальмейера: из тюрьмы в тюрьму, с каторги на каторгу, от преступления к преступлению.

Наконец, поднимаясь на пароход, отплывавший из Нью-Йорка в Европу, Рультабиль уже знал, что пять лет тому назад на этой самой набережной сел на пароход и Бальмейер, имея в кармане бумаги на имя некоего Ларсана, честного французского коммерсанта из Нового Орлеана, которого он убил и ограбил.

А теперь знаете ли вы тайну мадемуазель Станжерсон? Еще нет!

Матильда Станжерсон родила сына от своего мужа Жана Русселя. Этот ребенок родился в доме старой тетки, которая устроила так, что в Америке никто ничего не узнал.

Что стало с этим ребенком? Это уже другая история, которую я вам когда-нибудь обязательно расскажу.

Через два месяца после этих событий я встретил Рультабиля, задумчиво сидевшего на скамье во Дворце Правосудия.

— О чем вы мечтаете, дорогой друг? — спросил я его. — Вы выглядите печальным. Как поживают ваши друзья?

— Кроме вас, — ответил он, — у меня нету друзей.

— Но я надеюсь, что господин Дарзак…

— Без сомнения.

— А мадемуазель Станжерсон? Как она себя чувствует?

— Лучше, значительно лучше.

— Тогда отчего вы грустите?

— Я печален, — ответил Рультабиль, — потому что я думаю об аромате Дамы в черном.

— Аромат Дамы в Черном! Вы часто о нем упо-

минаете. Объясните мне наконец, почему он вас так упорно преследует.

— Может быть, — ответил Рультабиль, — когда-нибудь…

И он тяжко вздохнул.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.